

Л. Платов

КАМЕННЫЙ ХОЛМ

Скан и обработка:

krestik

Научная фантастика и приключения

Л. Платов

КАМЕННЫЙ ХОЛМ

Рассказы.

Издательство ЦК ВЛКСМ
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1952

КАМЕННЫЙ ХОЛМ

Участники геологоразведочной партии увидели этот холм под вечер, когда миражи в степи уже не так ярки.

Призрачные озера вставали на горизонте по утрам, медленно тускнели после полудня и совсем исчезали к вечеру. Такова природа миражей в Голодной степи. Это отблески солнца. Талая вода скопляется весной в пологих впадинах и отшлифовывает их глинистые стенки и дно. Летом пересохшие водоемы, называемые здесь такырами, превращаются как бы в огромные вогнутые зеркала.

В зыбком знойном мареве колышется вдали вода, сверкает, искрится, манит и вдруг «испаряется» без следа, едва лишь путники приблизятся к такыру.

Глаза устают от этого постоянного, дразнящего мерцания...

Тем летом гидро-геологоразведочная партия Бикчетаева колесила по Бет-Пак-Дала (Голодной степи).

Давно уже велись работы по созданию здесь устойчивой кормовой базы для развития отгонного жи-

отноводства. В центре Бет-Пак-Дала поднялись здания опытной станции. Верхом и на машинах двигались через степь по всем направлениям зоотехники и гидрогеологи.

Группа Бикчетаева изучала вопрос о возможности использования реки Чу, пересекающей Бек-Пак-Дала. Предполагалось перегородить Чу двумя плотинами, на которых построить гидроэлектростанцию, а воды реки направить по каналам на северо-восток и оросить десятки тысяч гектаров новых пастбищ.

— Геологи впереди! Геологи всегда впереди! — восклицала Ия Адрианова, стоя во весь рост в кузове головной машины. — А уж за нами все остальные идут: проектировщики, бульдозеристы, экскаваторщики, гидротехники, монтажники. Двигаются тысячи человек, сотни механизмов!..

— Все верно, только сядь, пожалуйста! — говорил Гриша Топчиев, с беспокойством следя за ее размашистыми движениями. — Тряхнет на ухабе — как пробка, вылетишь...

— Или ветром подхватит, за Балхаш куда-нибудь унесет, — с улыбкой добавил Семен Мухин и придержал Ию за хлястик пыльника. — Будь же взрослым человеком наконец! Сядь, Ийка!

Все геологи называли девушку дружелюбно — Ийка. «Ну что за имя у тебя? — спрашивал с неудовольствием Семен. — И-я!.. Не имя, а вздох... А Ийка — хорошо!» Это действительно подходило к ней. Тоненькая, небольшого роста, с круглым, очень добрым, приветливым лицом, она была энергична и проворна, как рыбка.

Случилось так, что грузовик, в котором находились Ия Адрианова, Топчиев и Мухин, отделился от колонны. На двух остальных машинах сразу спусти-

ли три ската, и шоферы, чертыхаясь, принялись орудовать подле них с домкратами и насосами.

— Езжай дальше, молодежь! Догоним! — бросил Бикчетаев, деятельно помогавший шоферам. И прокричал вдогонку мухинскому грузовику: — Местечко для ночлега присмотрите! Там хорошее есть местечко!..

— А где его найти, это местечко? — недоумевающее спросил Мухин товарищей. Он вытащил из полевой сумки карту и аккуратно разгладил ее на побелевших сгибах. — До ближайшего колодца полтора дня пути. Разве свернуть в сторону, к реке?

— Ну что ты! Крюк делать...

— Не беспокойтесь, ребята, — сказал Топчиев. — Уж если Бикчетаев сказал: местечко, значит, есть такое где-нибудь. Увидим. Найдем.

— А не найдем, похлебаем теплой водички из бака. На третьей машине бак еще не почат. Хочешь пить, Ийка?

— Не очень, — храбро соврала Ия. И, облизнув пересохшие губы, сказала: — В Кара-Кумах, наверное, еще труднее...

Этим летом она мечтала попасть не в Голодную степь, а в Кара-Кумы, и с особым воодушевлением толковала о них. «Тахиа-Таш! Тахиа-Таш!» — это название так и прыгало в кузове, как мячик.

Вот и сейчас, чтобы не думать о воде, Ия заговорила о Кара-Кумах.

— Тысяча сто километров — канал, подумать только! Почти одна тридцатая длины экватора!

— А у нас будут самые большие в мире искусственные водохранилища, — с достоинством сказал Семен, который был родом с Поволжья. — Пятьсот километров на сорок! Как разгуляется на таком море шторм, да как...

— И в Кара-Кумах запроектировано море! А вокруг — поля, поля, хлопковые поля! Новая хлопководческая страна восстает из бесплодных песков!.. Ты пойми, Семен: огромная территория, второй Узбекистан!..

Гриша Топчиев вступился за Голодную степь.

— А чем плохо здесь, скажи?

Широким жестом хозяина он обвел бурые сопки, волнообразно покачивающиеся вокруг, — грузовик немилосердно подбрасывало и кидало на ухабах.

— Скоро вместо этих миражей настоящая вода заблестит! Сады зацветут! От овечьих отар тесно станет между сопками! Тогда и новое название придумаем для степи. Почему Голодная? Богатая, Сытая, Счастливая степь!..

— Правильно, Гриша!

— А потом и сибирские реки повернем на юг, — мечтательно добавил Топчиев. — Всю Среднюю Азию напоим водой! Пей, разводи хлопок, плавай по каналам взад и вперед!.. Хорошо! — И он зажмурился, будто ослепленный зрелищем полноводных рек, которые вскоре, по слову большевиков, по указанию партии Ленина—Сталина, потекут в пустыни Средней Азии.

А когда он открыл глаза, впереди была вода.

Товарищи его молчали, оцепенев от удивления. Вдали среди кустов спиреантуса маячила невысокая сопка странных очертаний. Все подножье ее было залито водой.

— Вода? — не веря себе, спросил Топчиев.

— Вот еще! Откуда здесь вода? — пробасил Семен, но голос его дрогнул. — Такыр!.. Но очень странный...

— Я еще никогда не видала таких такыров, — пробормотала Ия.

Все трое стояли рядом, держась за верхнюю часть кабины, не в силах оторваться от удивительного зрелища.

Ждали, что и этот мираж начнет тускнеть по мере приближения, как уже случалось не раз, но сияющая пелена все разрасталась. Сопка будто плавала в воде.

Да это и в самом деле была вода! Радужные брызги разлетелись из-под колес грузовика. Он остановился, ткнувшись в солончак.

— Ну и ну! — только и смог выговорить Семен.

Молодые геологи поспешно, один за другим выпрыгнули из машины.

Земля вокруг была покрыта коркой соли, а из каменистого отверстия вытекала вода, образуя небольшое озеро.

— Холм насыпной, ясно, как день, — объявил Семен, постукивая по камням геологическим молотком. — Хитро уложено. Но зачем? И почему родник?..

Каменный холм имел кое-где тонкий покров из песка и земли, поросший бурой травой. Когда сняли в одном месте слой земли, обнажилась кладка. Она была очень тщательной и замысловатой и напоминала соты улья.

Пока Семен и Гриша осматривали сопку внизу, Ия проворно поднялась на вершину, легла и приложила ухо к камням. Из недр сопки донеслось слабое журчание и перезвон капель.

— Ийка! Спускайся скорей! — окликнули девушку. — Плиту нашли!..

В кустах спиреантуса, у самого выхода родника, торчал серый камень, до половины врытый в землю.

Его гладкая поверхность была вся испещрена вязью арабских букв, тщательно вырезанных каким-то острым предметом.

Топчиев нагнулся над плитой.

— Отдельные слова... Что-то о засухе, это понял... Разрыв... Какие-то предсказания... Нет, трудно понять. Многие буквы стерлись.

Он снова стал читать про себя, то и дело прерывая чтение удивленным хмыканьем.

— Да что ты под нос себе бормочешь! — рассердилась Ия. — Нам с Мухиным тоже интересно! И шоферу интересно!

— Вслух, вслух! — поддержали шофер и Мухин.

Но Гриша, все еще в сомнении, топтался у плиты

— Кочующий миф, а? — спросил он сам себя. Потом продолжал увереннее: — Ну, ясно, кочующий!.. — Он обернулся к товарищам. — Помните легенду о пророке, который совершил чудо в пустыне? Ударил по камню железом, и потекла вода. Этнография знает множество подобных кочующих мифов...

Топчиев до геологического института проучился год на историческом факультете и рад был щегольнуть перед друзьями познаниями по истории и литературе.

— Ну, Гришка, же! — дернула его за рукав нетерпеливая Ия. — Брось ты свои гипотезы. Сами пойдем. Прочти все, что удалось разобрать.

Она с любопытством заглянула через его плечо.

— «В год 1293-й, — начал, запинаясь, Топчиев. — Засуха... степь... Однако человек... (надо думать, это имя — Петлукин) умея заклинать... (что? Не ясно), приказал... холм из камней. И сделали втайне... (от кого?)

— Дальше, дальше!

— А дальше совсем не понять... «И камень дал воду... согласно предсказанию...»

— Да, странно.

— Просто ребус какой-то!

— Но ведь в самом деле вода вытекает из камней.

— То-то и странно.

— Что же умел заклинять Петлукин? И почему холм сооружали втайне?..

Мухин в раздумье посмотрел на своих друзей, но тут его прервал шофер. Он успел уже набрать во флягу воды, попробовал ее и теперь тыльной стороной руки отирал рот.

— Так как же, товарищ Мухин? Здесь, значит, и будем стоянку делать? Вода холодная, чистая, лучше не найти...

— Да, да! Конечно, здесь! Где же еще?

— Вот оно, местечко, о котором говорил Бикчетаев! — сказала Ия.

— Стало быть, знал об этом роднике?

— Повидимому, знал...

Бикчетаев был легок на помине.

Едва лишь молодые геологи утолили жажду и умылись с дороги, как из-за сопок показались отставшие машины. Их как бы несло по степи облако пыли. Потом рядом со стоянкой геологов закрипели тормоза и из рассеявшегося облака, отряхиваясь, выскочил Бикчетаев.

— Ну, умницы! Хвалю! — закричал он. — Правильное место выбрали!

— А мы плиту с надписью нашли, товарищ Бикчетаев! Ломали над нею головы, ломали...

— Нить брошена из глубины веков, — глубоко-мысленно объявил Топчиев.

— Откуда, ты говоришь, нить? — Бикчетаев изумленно посмотрел на него.

— Из глубины...

— Из средневековья, — подсказала Ия.

— Эге, куда забрались! — Бикчетаев засмеялся. — При чем тут средневековье?

— А как же! — запротестовал смущенный Топчиев. — Сами посмотрите на плиту. Там написано — 1293 год. Значит, конец тринадцатого столетия, канун четырнадцатого...

— Канун!.. Эх ты, историк! Забыл, что мусульманское летосчисление не совпадает с христианским? То-то и оно! 1293 год от Хиджры* соответствует 1915-му от рождества христового. В 1915 году надо Петлукина искать. Он почти наш современник, — вот что интересно!

— Товарищ Бикчетаев! Вы знаете, кто такой Петлукин! — заявила Ия убежденно.

— Угадала. Слышал о нем.

— Товарищ Бикчетаев!..

— Потом, потом! Умыться дайте с дороги. Чаю попить. Замучились со скатами этими!

Умывался Бикчетаев, словно назло, дольше всех. Давно уже участники экспедиции, прибывшие с ним, осмотрели плиту с надписью, подивились на хитроумную кладку холма, некоторые под руководством Ии даже побывали на вершине его, а начальник геолого-разведочной партии все еще плескался и фыркал у родника, будто слон на водопое. Только тот, кто странствовал по засушливой степи летом, понимает, какое это наслаждение на исходе дня добраться к ручейку с прохладной прозрачной водой!

* Х и д ж р а — начало мусульманского летосчисления.

Но вот, утолив жажду, умывшись, почистившись, будто помолодев на десять лет, Бикчетаев явился к костру.

Пужинали. Напились чаю.

И все это почти в молчании, перебрасываясь только самыми необходимыми застольными репликами: «Еще кружечку?», «Да, пожалуй», «А передай-ка нам, Гриша, эту коробку с консервами! Спасибо, милый!»

Наконец начальник геологоразведочной партии лег на траву и принялся неторопливо скручивать папиросу. Лицо его было серьезно.

Некоторое время он шурился на огромный красный диск, медленно спускавшийся к горизонту, будто припоминая подробности того, что собирался рассказать, потом начал так:

— Петлукин — это неправильно. Настоящая фамилия его — Ветлугин. Был такой большевик, отбывал в 1915 году ссылку в Акмолинской губернии. Казахи не могли правильно выговорить его фамилию и переименовали ее на свой лад...

Так, шаг за шагом, со всей последовательностью восстановлена была история каменного холма в Голодной степи.

* * *

...Ветлугина привезли в Акмолинск осенью.

В городе его не оставили. Было ли на этот счет указание в сопроводительной бумаге, выражение ли нахмуренного лобастого лица показалось строптивым, — ссыльного повезли дальше, в глубь степи.

Таратайку кидало и подбрасывало на ухабах. Горизонт колыхался впереди, как мертвая зыбь.

Днем отчаянно пекло, а ночью становилось

так холодно, что Ветлугин и сопровождавший его унтер садились спинами друг к другу, чтобы согреться.

Даже привычная степная земля не выдерживала лихорадочной смены температур. Об этом свидетельствовали зигзаги трещин, пересекавшие ее во всех направлениях, будто после землетрясения.

«Битва гигантов, которым нет дела до того, что происходит с человеком, — думал Ветлугин. — Извечная борьба тепла и холода, особенно ожесточенная в пустынях...»

Пока Ветлугин добирался до затерянного в степи села Дозорного, где назначено было ему жить, он упорно размышлял над проблемами метеорологии. Это помогало ему не думать о грустном: о прерванной работе, о разлуке с близкими.

Ветлугин отличался разносторонностью научных интересов. Он кончил физико-математический факультет университета, специальностью своей избрал географию, мечтал о путешествиях, об удивительных географических открытиях. Но жизнь его сложилась иначе. Пришлось, как шутил Ветлугин, завершать образование в «закрытых учебных заведениях»: на «бутырских высших курсах», а теперь вот и в «западносибирской академии».

Еще в Москве, случалось, некоторые товарищи жалели, что он предпочел беспокойную судьбу подпольщика размеренному мирному существованию кабинетного ученого.

— Ты же ученый, Петя! — втолковывали ему. — Типичный исследователь, холодный, аналитический ум!.. Ведь вот же написал свою «Географию будущего»! Не хочешь, не можешь расстаться с ней!..

И обличающим перстом указывали на верхнюю

полку книжного шкафа, где лежала незаконченная ветлугинская рукопись.

— Написал, да, — отвечал Ветлугин, сняв с полки толстую папку и нетерпеливо постукивая по ней ладонью. — Храню до лучших времен. Что из того, что лет через десять-двадцать эта работа даст эффект? Я чувствую внутреннюю необходимость помочь людям немедленно, сейчас! Можем ли мы думать о победе над стихией, пока не уничтожен капитализм, пока существует класс эксплуататоров? Сейчас идет война, классовая война! А во время войны все честные люди, независимо от профессии, становятся солдатами. Вот почему я отложил свою «Географию будущего» и корректирую прокламации, а также составляю краски для шапирографа. Конечно же, все это имеет прямое отношение к моей рукописи...

Он досадовал, если его понимали не сразу.

— Ну, как же!.. Революция сделает человека невиданно сильным. Самые дерзкие замыслы станут реальными. А я, признаюсь, нетерпелив. Я хочу приблизить это счастливое время. Тогда и займемся настоящим «Географией будущего». Тогда наступит ее черед!.. — И, бережно смахнув пыль с папки, возвращал рукопись на место, на верхнюю полку.

В ночь своего ареста Ветлугин раньше обычного кончил работу.

Можно бы, казалось, перелистать «Географию будущего», терпеливо ожидавшую, когда обратит на нее внимание хозяин. Но, постояв в задумчивости у полок, Ветлугин отошел. Сегодня было как-то не по себе. Чувствовалась усталость, непонятное беспокойство.

Он осторожно отогнул занавеску, выглянул в окно. Улица была пуста.

Он лег на диван. Сон не шел.

Чудились шаги под окном, поскрипывание снега, приглушенные голоса, словно бы даже стук в дверь.

Ветлугин укрылся с головой.

В комнате были стенные часы с мерным гулким бсом и маленькие, карманные, лежавшие на тумбочке у кровати. Они тикали вразнобой. Похоже было: взрослый шагает по тротуару, а рядом, держась за руку, семенит ребенок.

Под хлопотливое постукивание детских каблучков начали расплываться и затихать призрачные звуки. Ветлугин подоткнул под спину сползший было плед, свернулся калачиком. И когда стал уже засыпать, раздался стук в дверь, на этот раз настоящий.

...В наспех наброшенном пальто Ветлугин стоял у стола, смотря, как жандармы роются в шкафах и поднимают половицы в поисках листовок.

Самый длинный из них просматривал книги на полках, небрежно выдергивая одну за другой. Сверху, распластав страницы, сорвалась «География будущего». Ветлугин рванулся к рукописи.

— Куда? — прикрикнул ротмистр, руководивший обыском. — Стоять, где стоите!..

Последнее, что видел Ветлугин, когда его уводили, были листы заветной рукописи, устилавшие пол. Перед тем как упасть, они кружились, точно хлопья снега.

Теперь это вспоминалось всегда, когда смотрел в окно.

Снег в Дозорном выпал в октябре. Стоило переступить порог, и вот уже поземка клубится под ногами.

Дальше все было серо и зыбко. Горизонт наглухо задержала мгла.

Лежа ничком на скрипучем топчане, Ветлугин прислушивался к вою бурана за стеной. Вой тянулся

без пауз, без роздыха. Пол содрогался, стакан дребезжал на подоконнике. Нельзя было спокойно думать под этот шум. Мысли неслись, обгоняя друг друга, будто подхваченные вихрем.

Ветлугин пробовал занять себя отвлеченными математическими расчетами, придумывал и решал головоломные задачи. Но это были всего лишь упражнения, гимнастика ума, тогда как он привык к труду целесообразному, полезному.

Если бы еще у него был товарищ! Но он был один. Разорванная в клочья «География будущего» стала сниться ее автору по ночам. Целые страницы оживали перед ним. Он видел себя за письменным столом, лампа под зеленым абажуром бросала круг света на бумагу.

Он просыпался и, глядя в окно, за которым бесновалась метель, припоминал написанное, строчка за строчкой.

Надо было продолжать работу над рукописью. Хотя бы ради того, чтобы не развинтиться, не раскиснуть. Продолжать во что бы то ни стало. Без выписок. Без справочной литературы. Полагаясь только на память.

Что ж, борьба! Но в этом была жизнь, спасение.

Ветлугин научился писать мельчайшим почерком, экономя синюю оберточную бумагу, которую он покупал в лавке за неимением другой. Математические выкладки делал на полу или стене.

«Кабинетный ученый, — улыбался он, старательно вычерчивая кривые углем на полу. — Вот я и стал кабинетным ученым. Посмотрели бы на меня сейчас жандармы в Акмолинске...»

Ему нравилось думать, что он перехитрил своих врагов в Акмолинске. Он ссыльный, невидимыми це-

пиями прикованный к Дозорному. Но мысль его была свободна. Она странствовала в будущем. Кружила над казахскими степями, уносилась к Ледовитому океану. Открывала новые острова, переделывала географию России, передвигала реки и моря, дерзко вмешивалась в грандиозные атмосферные процессы, стараясь обратить их на пользу человеку.

Попробуй свяжи мысль, запрети ее!..

Как-то днем само собой возникло решение одной очень сложной проблемы, над которой он давно ломал голову. Ветлугин кинулся записать, проверить. Как назло, под рукой не оказалось бумаги. Тут только вспомнил, что бумага кончилась. С утра еще надо было позаботиться о возобновлении запасов.

Ветлугин очень дорожил такими мгновениями творческого озарения. «В первом наитии сила», — любил повторять он некрасовские слова. Поэтому, набросив тулуп, проворно шагнул за порог.

Стена бурана встала перед ним.

Когда в степи разыгрывался такой буран, жители Дозорного предпочитали отсиживаться дома.

Но ведь лавочник жил всего за пять домов. Нелепо было ждать, пока уляжется ветер. Нагнув голову, Ветлугин вышел за ворота, споткнулся, побрел.

Лавка была шагах в восьмидесяти. Он прошел сто и оглянулся: все было бело от снега. Ну да, ветер дул сначала в лицо, теперь задувал справа. Надо было, значит, повернуть и пройти назад двадцать шагов. Он сделал это, но не наткнулся на изгородь, как ожидал.

Быть может, ветер переменял направление?

Он посмотрел вверх. Солнца видно не было, — только белый полог летящего снега.

Ему стало страшно. Неужели он свернул в переулок к огородам и оказался в степи? Некстати пришел на память рассказ о человеке, который отправился в буран на другой конец поселка. Труп его нашли только весной далеко в степи...

Не думать об этом, не думать! Не поддаваться страху, не распускаться! Кто потерял присутствие духа — все потерял!..

Он бормотал про себя эти слова, как делал на допросе и в тюремном карцере. Привычное упрямое озлобление охватило его. Не мог же он так глупо погибнуть, отойдя всего на несколько шагов от дома.

Вначале Ветлугин шел с протянутыми вперед руками, как слепой. Ждал: вот-вот упрется в изгородь или глиняную стену дома.

Потом брел уже по инерции. Слепая белая пустота окружала его. Сомнений не было: он заблудился в буране.

А ведь степь простиралась на сотни километров вокруг Дозорного.

Тулуп не грел. словно бы ватага хохочущих всадников носилась вокруг, свистя ледяными бичами. Удары падали на спину, на грудь; он все шел, с трудом сгибая колени.

С новым порывом ветра донесся до него слабый звон.

Начинались, видно, слуховые галлюцинации.

Он снова протянул руки, качнулся вперед. Пальцы скользнули по чему-то шерстистому, теплomu. Над самым ухом зазвенел колокольчик.

Ветлугина крепко взяли подмышки и потащили вверх.

Открыв глаза, он удивился: он как бы плыл по пенистому морю, тускло освещенному солнцем. Вдали

виднелись округлые вершины сопок, торчавшие подобно островам. Вблизи в клубах снежной пыли то появлялись, то исчезали головы верблюдов. К изогнутым шеям были подвязаны колокольчики.

Снег несея низко над землей.

Такова метель в Казахстане. Пешехода она покрывает с головой, но всадники на верблюдах возвышаются над нею и смело продвигаются вперед.

— Сиди, ваше благородие, сиди, — услышал Ветлугин голос с успокоительными интонациями. — Нельзя пешком в буран. Пропасть мог.

Море клубящейся снежной пыли раздвинулось перед ними. Караван тронулся дальше.

Как сквозь сон, ощутил Ветлугин, что его снимают с верблюда, вносят на руках в дом. Тот же озабоченный добрый голос говорил:

— В холодный сени клади! В теплый комната не вноси, нельзя. Сразу в теплый комната внесешь — умрет. Сильно замерз.

После перенесенного Ветлугин провалялся на своем топчане несколько недель. Во время болезни его навещал новый знакомый, Сабир Мухтамаев.

Это был очень общительный и веселый человек, привязавшийся к ссыльному, как обычно привязываются люди к тем, кому оказали важную услугу.

— Не скучай, ваше благородие, — утешал он его, держа на раздвинутых пальцах плоскую чашку, наполненную солоноватым чаем. — Скоро весна будет. Степь тогда красивой станет, очень красивой, красной...

И впрямь весна в Казахстане искупает безрадостное однообразие других времен года. Сплошь покрыта тогда степь цветами, и больше всего в ней тюльпанов.

— Пурпур, багрянец, алый!..— восторженно перечислял Ветлугин оттенки, а тюльпаны перед ним колыхались и кланялись, сгибаясь от ветра, и казалось, это огоньки мигают и вспыхивают в зеленой траве.

— Смотри, смотри, — поощрительно говорил Сабир. — Летом не увидишь цветов. И травы не будет. По-нашему, Бет-Пак-Дала значит — неодетая, голая степь...

По целым дням теперь выздоравливавший Ветлугин пропадал в степи. С серьезностью, удивлявшей Сабира, он мог часами наблюдать за передвижениями муравья или созерцать голубое небо и проплывающие над степью облака.

«Вот эти снежно-белые, напоминающие кисточки или пряди волос, — вспоминал он, — называются перистыми — цирусами. Они проходят на очень большой высоте и состоят из ледяных кристаллов — игл, что придает им такую прозрачность. А резко ограниченные, плотные, с вершиной в виде купола — кумулюсы, или кучевые, образующиеся из теплых потоков воздуха, которые поднимаются над разогретой землей.

Следя за кумулюсами, Ветлугин отмечал, что это признак устойчивой ясной погоды, а видя, как небо заволакивается пеленой перисто-слоистых облаков, понимал, что надвигается ненастье.

Однажды Сабир, отыскивавший друга в степи, увидел, что тот сидит на земле в задумчивости.

— Гадаешь? — спросил Сабир, присаживаясь рядом на корточки. — А что угадать хочешь? Когда домой отпустят, да?

Ветлугин указал на муравьев, проявлявших беспокойство.

— Дождь будет завтра. Смотри, как муравьи болнуются, все к муравейнику тащат...

Сабир кивнул.

— Я мимо реки шел, — сказал он. — Правильно, дождь будет. Птицы летают низко над водой, и рыбки скачут. А почему так?

Между двумя звеньями — поведением птиц идвигающимся ненастьем — Ветлугин обнаружил связующее звено — насекомых. Воздух сделался более влажным: крылышки насекомых, пушок, волоски, покрывающие их, впитали влагу и отяжелели. Насекомые стали летать ниже. Спустились и птицы, преследующие их, а рыбы в погоне за стрекозами стали выскакивать из воды.

Подле ветлугинского жилища появились первые самодельные метеоприборы — флюгеры, гигроскоп, дождемер.

Любая деталь, от крылатки флюгера до винтика в гигроскопе, досталась ссыльному ценой упорного труда, уловов, ухищрений.

У старого, заброшенного источника они поставили с Сабиром ветрячок ветлугинской конструкции, и в ветреные дни тот старательно качал воду. Сыновья Сабира, считавшие ветряк собственностью своего семейства, с достоинством давали объяснения.

— Наш русский (так, в отличие от исправника, урядника и купцов-прасолов — «чужих русских», называли Ветлугина в Дозорном), наш русский привязал ветер к крыльям, — говорили они. — Ветер теперь должен таскать воду со дна.

Казахов очень забавляло также запускание воздушных змеев, с помощью которых, за неимением шаров-пилотов, Ветлугин изучал направление ветра в верхних слоях атмосферы. Усевшись в сторонке, степные жители наслаждались удивительным зрелищем.

— Наш русский — хитрый человек, приманивает ветер. Глядите-ка, подул!..

Люди приезжали в Дозорный издалека, чтобы полюбоваться на ветряк, и флюгер, и солнечные часы, а также посоветоваться о том, снежная ли, по мнению Петлукина, будет зима, утеплять или нет сарай в аулах для скота?

Соблюдая сосредоточенное, почти благоговейное молчание, усаживались приезжие в круг подле маленького самодельного гигроскопа.

Из соломинки длиной в пятнадцать сантиметров Ветлугин вырезал две узкие полоски шириной не более полутора миллиметров и сложил так, что свободные концы разошлись наподобие усиков таракана. Сложенные концы были укреплены неподвижно.

Когда в воздухе появлялось много влаги, что было предвестием дождя, соломинки сближались. Когда воздух делался суше, усики снова расходились в разные стороны. Для измерения влажности воздуха служил разграфленный деревянный щиток, по которому усики двигались, как стрелки по циферблату.

После того как гости, удовлетворив любопытство, принимались за чай, Ветлугин приступал к ним, в свою очередь, с расспросами. Когда начинаются заморозки в их местах? Рано ли выгорает трава? Каких направлений ветры преобладают? Сабир не успевал переводить.

А пока Ветлугин заносил драгоценные для метеоролога сведения в тетрадь из синей оберточной бумаги, Сабир вполголоса распространялся о высоких добродетелях своего друга.

— Царь боится его, — таинственно шептал он гостям в пушистых малахаях. — Поэтому держит далеко от себя.

— А почему боится царь?

— Потому, что род Петлукина желает людям добра...

Гости оживленно поворачивались в сторону Ветлугина.

— А чего желает нам Петлукин?

Ветлугину переводили вопрос. Он с доброй улыбкой смотрел на обращенные к нему заинтересованные лица. Кое-где из-за спины взрослого выглядывал ребенок в пестрой тюбетейке, поблескивая черными, как бусы, глазенками. Дети любили Ветлугина и не боялись его.

«Такой вот, — думал Ветлугин, — когда-нибудь будет управлять погодой в казахской степи, останавливать ветер на всем скаку, как коня, и на невидимом аркане притягивать тучу с дождем к земле...»

Одним простым словом можно было ответить на заданный Ветлугину вопрос. Было такое слово, почти синоним счастья в Средней Азии.

Ветлугин прислушался. Вдали поскрипывал чигирь. Донеслась однообразная песня, на единой ноте, печально-тягучая.

— Мы хотим, — ответил он казахам, — чтобы вода была в степи, много воды!

И пушистые малахаи удовлетворенно кивали.

Той весной у жилища Сабира иногда останавливались всадники, сидевшие чуть боком в седле. Свесившись с коня и поигрывая нагайкой, они сообщали новость, передававшуюся по степи от юрты к юрте:

— Начальник едет из Акмолинска. Спешит, ух! Хочет Петлукина накрыть. Скажешь Петлукину?..

В Акмолинске нервничали.

Доподлинно известно было, что ссыльный большевик Ветлугин занимается опытами во вред госу-

дарственному престижу. Но что за опыты? О каких приборах идет речь?

Простирали в степь карающую десницу, — та захватывала пустоту, воздух! Ни разу не удавалось посланному в Дозорный нагрянуть врасплох. Неизменно встречали его презрительной усмешкой, отмалчивались, отворачивались, пока он, ругаясь, обшаривал углы.

А когда жандармская таратайка и выгоревший на солнце просаленный верх фуражки скрывались за кустами спиреантуса, Ветлугин доставал из тайника свою самодельную метеостанцию.

Лицо его принимало озабоченное выражение. Показания приборов были неутешительны.

Он переводил взгляд на небо, но и небо не радовало. Оно было прекрасного изумрудного цвета.

«В верхних слоях атмосферы, — рассуждал Ветлугин, — очень мало влаги. Такое небо предвещает засуху».

Закаты также были тревожны. В тот самый момент, когда солнце скрывалось за горизонтом, вдруг, будто меч, выхваченный из ножен, вырывался вверх яркозеленый луч.

Зрелище было эффектным, но Ветлугин знал, что означает этот зловещий признак.

— Плохое лето будет, — говорил он Сабиру, и тот мрачно кивал головой. Меч засухи был занесен над степью.

Летом казахи, зимовавшие у Дозорного, откочевывали южнее, к берегам небольшой реки, где пастбища лучше. Но река пересохла.

И в обычные годы она превращалась летом в цепь мелких плесов, а сейчас и тех не осталось. Колодец же в урочище с каждым днем давал воды все

меньше. Введена была строгая норма. Сначала воду, — она была еще прозрачна, — получали дети. Взрослым доставалась мутная, глинистого оттенка вода, которую кипятили и пили в виде чая; горячая вода лучше утоляет жажду. Наконец к желобам подводили жалобно блеющих овец и вытягивавших шеи лошадей.

А ведь был лишь июнь. Что ждало степь в июле и в августе?

Ветлугин, живший летом в юрте Сабира, обнаружил, что стал центром внимания в урочище. За ним ходили неотступно, ловили его взгляды, будто ждали чего-то.

Однажды вечером, выпроводив из юрты жену и детей, Сабир подсел к Ветлугину.

— На, — сказал он и, оглянувшись, протянул на ладони две соломинки и свежевystруганную дощечку.

— Зачем это, Сабир?

— Сделай так, как ты делал весной. Людям нужен дождь, Петлукин. Ничего, если это будет маленький дождь.

Ветлугин промолчал. Сабир сказал, заглядывая в лицо:

— Почему молчишь, Петлукин?

Ветлугин продолжал молчать.

Рассердившись, Сабир вскочил на ноги. Тень в широкополой шляпе метнулась по стене.

— Я видел: ты смотрел на соломинки и шептал над ними — они сходились. Тогда шел дождь. Иногда дождь шел целый день. Почему ты не хочешь вызвать дождь сейчас?

Ветлугин сделал движение, чтобы ответить, но Сабир остановил его. Он отбросил войлочную дверь юрты. Ночь была звездной и ясной, без облачка. Над

урочищем стоял жалобный рев, слышны были ржанье, блеянье, плач детей.

Что мог на это ответить Ветлугин?

Как объяснить, что все, о чем он мечтал вслух при Сабире, было правдой, но правдой завтрашнего дня? Пока что метеорологические приборы умели лишь предсказывать, но не предотвращать несчастья.

Некуда было бежать от несчастья. Негде было спрятаться от зеленого меча, поднимавшегося над горизонтом...

Из-под Каркаралинска привезли старуху, умевшую заговаривать кровь, лечить травами и знавшую, по слухам, заклятье против засухи. Сын ее, дюжий, с одутловатым сонным лицом, растолкал толпу и провел мать к Сабире.

Ветлугин ушел в степь, лёг ничком в траву. Вскоре до него донесся топот множества ног и забывание.

Что делала сейчас каркаралинская колдунья? Развязывала узелки на веревке либо расплетала седые косы, что должно было, согласно колдовскому ритуалу, знаменовать освобождение стихии?

И что делал Сабир, его опора, друг, помощник? На четвереньках вместе со всеми полз за колдуньей, отбивал поклоны, кричал и кривлялся, вымаливая у скупого бога хоть каплю влаги?..

Шум затих, на небе высыпали звезды, а Ветлугин продолжал неподвижно лежать, не замечая холода.

Во всем теле была странная легкость.

Со вчерашнего дня он ничего не пил, днем очень мучился от жажды, но сейчас пить не хотелось. Так бывало с ним перед болезнью. Голова была ясна и свежа, — он отчетливо представлял себе всю грозную реальность присходящего.

Степь на сотни километров вокруг была охвачена медленным пожаром засухи.

Чем помочь, что придумать для спасения?

— Людям нужен дождь, Петлукин, — сказал Сабир. — Дождь, дождь! Как вырвать его у равнодушного звездного неба?

Ночь неслышно текла над степью, над уснувшим стойбищем, над Ветлугиным, лежавшим ничком на земле, которая была изрезана зигзагами глубоких трещин.

Ему приснился сон. Ночью в пустыне он шел, бесконечно усталый, с трудом передвигая ноги, увязая в песке. Он знал, что это Египет, — на горизонте проступали смутные контуры пирамид.

Он споткнулся, поднял голову, увидел, что стоит у подножья статуи. То была фигура сидящего человека, высеченная могучим резцом из сплошного камня. Поодаль темнел другой силуэт. Огромные руки также сложены на коленях, лицо с грубыми чертами обращено на восток.

Оба колосса были схожи, как близнецы, только у первого верхняя часть туловища обвалилась, голова и плечи лежали у постамента. Теперь Ветлугин понял, что он вблизи Фив, а колосс, возвышавшийся над ним, носит имя Мемнона.

Быстро светлело на востоке. Зашуршали пески, подул предутренний ветер. Желтый диск показался над барханами. Тотчас над самым ухом Ветлугина раздался торжественный басовый звук. Он был протяжен и долго вибрировал затихая.

Ветлугин обернулся. Обезглавленная фигура колосса была позолочена лучами солнца.

Ветлугин помнил этот удивительный феномен, о котором упоминали в университете на лекциях по метеорологии.

При землетрясении 27 года до нашей эры верхняя часть статуи обвалилась, и на рассвете колосс начал издавать звук, напоминавший звук замирающей струны. Предполагалось, что Мемнон, бывший, согласно мифу, сыном Зари, приветствует так появление своей матери. Римский император Септимий Север приказал реставрировать статую, надеясь, что она будет петь еще лучше. Но после реставрации статуя онемела.

Почему это произошло? И какое отношение имело это к Голодной степи, к ждущим помощи казахам, о которых Ветлугин не мог забыть даже во сне?

Он не знал. Он знал только, что задачу надо решить, что надо сделать это во что бы то ни стало.

Перед ним замелькали какие-то цифры, вычисления. Потом на листе синей оберточной бумаги он увидел строчки, написанные его собственным упрямо-разгонистым почерком.

«Воздух пустыни, — прочел Ветлугин, — проникая глубоко в трещины охлажденного камня, осаждал влагу. При первых лучах солнца происходило бурное испарение, камень распирало, разрывало изнутри, он звучал! Стоило закрыть трещины, исправить повреждения, и удивительный колосс Мемнона умолк...»

Откуда это?

А, ну конечно, — начало третьей главы его «Географии будущего», посвященной росе — дождю пустынь.

Ветлугин поднял голову, чтобы всмотреться в лицо колосса, но вместо желтых барханов увидел бурую гладь степи. Солнце было уже высоко над степью.

Ладонью он провел по щеке. Что это? Влага? Он плакал во сне? Нет. Как будто нет...

Он рассеянно следил за юрким тушканчиком, ко-

терый, осмелев, подскочил к груде камней. заменявших Ветлугину изголовье, и принялся вылизывать расщелины.

Ветлугин потер лоб. Надо обдумать это все до конца, связать разорванные звенья в одну логическую цепь. Почему он вспомнил о статуе Мемнона? Разве это так важно сейчас?

«Воздух пустыни, проникая в трещины охлажденного камня...» Там оседала роса... Утром происходило бурное испарение...

Ветлугин склонился над грудой камней, подле которой провел ночь. Да, конечно, влага уже испарилась отсюда, но если построить целый холм из камней, расположив камни в особом порядке... Так или лучше так...

— Петлукин, — донеслось издалека, — я искал тебя ночью.

Со стороны урочища шел Сабир.

— Ты болен, друг, — участливо сказал он. — Ты не привык без воды. Тебе труднее, чем нам. На, пей!

Он протянул Ветлугину кувшин, на дне которого плескалась коричневая жижа.

Ветлугин поднялся с колен.

— Камень! — пробормотал он. — Слушай, камень даст нам воду! Мы заставим камни дать нам воду!..

Сабир взглянул на друга, как на безумного.

— Где же ты будешь копать, Петлукин?

— Нигде. Я выжму воду из камня. Камень поможет мне столкнуть холод и зной, холодную ночь и знойный день. И я скажу тогда: пей, Сабир! Это роса!..

Так, подгоняемый надвигающимся бедствием засухи, человек вмешался в битву гигантов над своей головой.

Удивительная весть облетела урочище. Петлукин нашел воду в степи. Источник воды таился не в земле, а в воздухе.

— Поднимайтесь, выходите в степь! — сзывал людей Сабир, обходя юрты. — Петлукин приказал собирать камни. Все выходите: женщины, старики, дети!

В земле, по указанию Ветлугина, было вырыто и тщательно уложено мелкими камнями чашеобразное углубление — водоем, куда должна была стекать вода. Узкий жолоб выводил воду наружу.

Над сводами водоема начали насыпать камни. Их предварительно раздробляли, чтобы гора была возможно более пористой. Весь секрет был в особой укладке камней.

По замыслу Ветлугина, насыпная гора должна была представлять собой гигантскую каменную губку. Мало того, что гора вбирала ночью влагу из воздуха и сберегала охлажденную росу до утра, — она препятствовала ее испарению.

Ветлугин видел в мечтах уже целую вереницу холмов — воздушных колодцев, протянувшуюся через всю Голодную степь.

Он окидывал взглядом равнину: похоже было на развороченный муравейник. Всюду копошились люди: маленькие дети, и те не отставали от взрослых, таща в подолах груды щебня.

А вдали, у самой черты горизонта, чернели силуэты неподвижных всадников. То были пикеты, выдвинутые далеко в степь, в ту сторону, откуда невзначай могли нагрянуть царские чиновники.

Каменный холм был построен в последние дни июля. Сотни людей съехались со всех сторон посмотреть на степное диво. Мало кто спал в эту ночь, мно-

гие разложили свои кошмы прямо на земле, вокруг холма, — они хотели первыми увидеть долгожданную воду.

Раньше всех о ее появлении узнал Сабир.

— Звенит, — прошептал он Ветлугину, лежавшему рядом с ним у самого подножья холма.

За каменной преградой слышался мерный перезвон капель.

Солнце поднялось над степью. Ветлугин отвалил плиту, закрывавшую выход водоема. По каменному жолобу, торопливо стуча, побежала струя.

— Вода, вода!..

— Остановитесь! — раздался визгливый голос. — Не пейте! Вода нечистая!

Из задних рядов, размахивая руками, проталкивался мулла из отдаленного аула Актасты, приехавший в Дозорный накануне.

— Остановитесь! — кричал мулла. — Вспомните, русские — наши враги! Заклинаю вас кораном, не пейте этой воды! Ее дал вам русский!..

— Старый человек, — укоризненно сказал Сабир, — старый человек, зачем кричишь?

Он зачерпнул чашкой воду из жолоба и протянул самому младшему из своих сыновей.

...Вскоре весть о недозволенном дошла окольными путями до Акмолинска. Целый кортеж — несколько бричек с чиновниками и жандармами — спешно перескал степь.

Миражи возникали слева и справа, как блески на струящихся воздушных завесах.

На них косились с опаской. Проклятый ссыльный, говорят, обучил инородцев низводить эту призрачную, неуловимую воду с небес на землю.

Каково? Ссыльный облагодетельствовал инород-

цев! Чорт знает что! Страшно подумать о нагоняе, ожидавшемся из Петербурга...

Акмолинская комиссия не слишком вникала в суть метеорологического феномена.

Холм приказано было скрыть, приборы уничтожить. Самого Ветлугина посадили между двумя жандармами с шашками наголо и увезли в Акмолинск.

Вскоре исчезли и юрты подле холма. Казахи откочевали в другое место. Холм же с плитой уцелел. Казахи не выполнили приказа властей. Ни у кого не поднялась рука на этот удивительный «воздушный колодец», и он попрежнему стоит в степи, далеко видный, как бы плавающий на сверкающей светлой пелене...

* * *

Очень тихо было у подножья каменного холма, когда Бикчетаев умолк.

На землю пала ночь, — именно пала, а не спустилась, — без всяких переходов, почти без сумерек. Млечный путь, как арка, выгнулся над степью. В воздухе сразу похолодало.

Ия Адрианова вздохнула глубоко, будто перевела дух после быстрого бега.

— А дальше что? — как-то совсем по-детски спросила она.

— Дальше?.. Ну, что ж дальше? Вот мы с тобой прокладываем дорогу строительству, готовим грандиозное обводнение Голодной степи...

— Я понимаю. Я не о том. А Ветлугин? Нашли его след?

— Как же! В музее в отдельной витрине даже «Дело» его есть. Удалось отыскать в архиве жандармского управления. Помню, одна страница начинается

так: «Продолжая свою революционную работу на поселении и имея целью подрыв государственного престижа России в Голодной степи...»

— А сам-то он? Уцелел? Дожил до наших дней?

— Нет. Говорят, что нет. Внук Сабира, штурман дальнего плавания, сообщил деду, — старик жив до сих пор, — что Ветлугин в 1916 году находился на поселении где-то в устье Лены, — вон куда загнали из Акмолинска... Нетерпение мучило его. Деятельный был человек, энергичный...

— Спешил помочь людям, — вставил Топчиев.

— Да, помочь... Обязательно хотел принять участие в надвигавшейся революции. А уж было ясно, что революция надвигается. Он пытался бежать с места ссылки...

— Ну и...

— Говорят, погиб не то в тундре, не то в море во время побега...

— Как жаль его! — негромко, словно про себя, сказала Ия.

Все помолчали.

— А ведь ветлугинская идея нашла свое воплощение не только в каменном холме, — подал голос из темноты Семен Мухин. — Возьмите хотя бы траншейное огородничество. Принцип тот же. Конденсация и использование росы, заменяющей дождь в зоне пустынь.

— Ну, скоро уже и зоны такой не будет вовсе, — поправил кто-то.

Гриша Топчиев высоко поднял над костром граненый стакан с водой и посмотрел на свет.

— Ты что? — удивился Семен. — Вода чистая, хорошая.

— Когда пьешь воду, — медленно сказал Гриша, — не забывай об источнике...

— Откуда это?

— Есть такая восточная пословица.

— Хорошая пословица...

Бикчетаев встал, отошел к машинам, отдал распоряжение насчет ночлега и опять подсел к костру. Спать никому не хотелось.

— А я и не знала, что истоки так далеко, — задумчиво сказала Ия.

— Ну, как же! — рассудительно заметил Семен. — О счастье народа думали лучшие люди России. А ведь большевики были всегда лучшими людьми России!..

Снова все замолчали.

А ночное, очень глубокое казахстанское небо медленно двигалось над ними. Звезды были яркими и какими-то мохнатыми, как иней, — к ненастью. И все время мерно позванивала вода, вытекая тоненькой струйкой из родника...

ОПАСНЫЙ ГРУЗ

Курс лекций в этом году профессор начинал в старом здании (после нескольких лет эвакуации военно-морское училище вернулось в Ленинград).

С нарочитой медлительностью раскладывая свои заметки на столе, — тем временем стихали шелест тетрадей, настороженный шопот, скрип стульев, — капитан первого ранга Грибов поймал себя на странном ощущении. Показалось на мгновение, что не произошло, не изменилось ничего, что все еще 1940 год — те же стены вокруг, тот же привычный пейзаж за окном: гранит, Нева, туман над Невой.

Конечно, это было иллюзией. Даже стены были сейчас не те. Под нанесенным недавно слоем штукатурки скрывались следы блокады, — недаром здание стояло на той стороне улицы, где надписи когда-то предостерегали прохожих: «Наиболее опасна во время артиллерийского обстрела!»

И люди в старых стенах были другие — много фронтовиков, среди них бывшие курсанты, ушедшие

в 1941 году в морскую пехоту и вернувшиеся теперь доучиваться в родное училище.

Некоторые даже отпустили на фронте усы, как принято среди гвардейцев. А ведь он помнит их еще безусыми, совсем юными, со стриженными под машинку головами и круглыми румяными щеками...

С чего начать ему курс? Как с первых же слов овладеть вниманием своих слушателей, которых в течение последних нескольких лет учила война?..

Удивительно ли, что он испытывает некоторое волнение, тревогу, почти робость, точно это первая его лекция вообще, профессорский дебют...

Тетради раскрыты, карандаши очинены, десятки молодых блестящих глаз с ожиданием устремлены на профессора.

Внешне он, понятно, невозмутим и спокоен, как всегда. Ради сегодняшнего торжественного дня больше обычного занимался своим туалетом: сидящая бородка подстрижена с особой тщательностью, волосок к волоску, погоны и нарукавные знаки внушительно отливают золотом. Когда профессор склоняется над установленным в классе нактоузом *, его пенсне начинает излучать свет, — это падает снизу отблеск ют стекла компаса.

Сколько раз так же вот склонялся Грибов над нактоузом, только установленным не в классе рядом с кафедрой, а на командирском мостике корабля!..

Курсанты гордились тем, что их профессор плавал «по дуге большого круга», то-есть пересекал океаны. Курсантам импонировало, что, поискав в памяти нужный пример, он запросто говорил на лекции: «Как-то,

* На к т о у з — деревянный шкаф, на котором устанавливается магнитный компас.

определяясь по глубинам в Молуккском проливе», или: «Однажды, огибая мыс Доброй Надежды...»

В молодости, окончив училище, Грибов вышел в сибирский флотский экипаж. У сибиряков, рассуждал он, под боком Великий океан, неподалеку Индийский, а учиться плавать, говорят, надо на глубоком месте.

Молодой офицер никогда не имел случая пожалеть о своем выборе. Сразу открылись перед ним перспективы такой разнообразной, самостоятельной морской практики, о которой начинающий штурман мог только мечтать. В течение первых же лет, неся дозорную службу и проводя гидрографические работы, он исходил вдоль и поперек пространство между Беринговым проливом, Мадагаскаром и Калифорнией.

Но это было только началом.

Грибову довелось побывать впоследствии в Атлантическом и в Ледовитом океанах. В Баренцовом море на посыльном судне «Бакан» он разыскивал не обозначенную на картах губу Пропашую, с грузом мин в первую мировую войну прокрадывался во вражескую данцигскую бухту и, наконец, шхерами выводил советские военные корабли в их первый триумфальный заграничный поход.

Да, он мог с достоинством сказать о себе: «Жизнь вспоминается, когда смотришь на карту мира...»

Но в этой фразе проницательный собеседник угадал бы и что-то печальное, услышал бы грустные нотки.

Вспоминается! Жизнь прошла и вспоминается...

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, профессор отворачивался от карты и вытаскивал из кармана толстую записную книжку, заботливо перетянутую ре-

зиночкой. Сюда, год от году, заносились фамилии грибовских учеников, вышедших в офицеры. (Кое-кто уже стал и адмиралом.)

Список был длинный. К концу войны набралось 3 228 фамилий.

По вечерам старый штурман любил перелистывать эту записную книжку, негромко, про себя, повторяя фамилии, затем, полузакрыв глаза, начинал представлять себе своих бывших учеников.

Коньков?.. Ну, как же! Сухощавый, импульсивный, с быстрыми угловатыми движениями. Не было у него, к сожалению, усидчивости, терпения. Все брал с лету, все давалось легко. «А я хочу, чтобы не только знали мой предмет, — сказал ему Грибов, — но чтобы и свой характер изменили!» Говорят: сейчас — командир бригады, отлично воюет на Балтике...

Донченко?.. А, тот, с ленцой! Три раза подряд пришлось «провалить» его, пока, рассердившись, он не взял себя самого за шиворот, не посадил за учебники и не сдал зачет с подлинным блеском. Умница, талант! Заезжал во время войны повидаться, благодарил: «Спасибо за то, что были такой строгий»...

Что ж, несомненно, и это жизнь, пусть отраженная. Вполне закономерно то, что профессор живет в своих учениках, в этих трех тысячах офицеров флота, которые сражаются и побеждают на Баренцовом, Балтийском и Черном морях.

Вот и сейчас новое пополнение — несколько десятков курсантов сидят перед ним, аккуратно разложив на столах остро отточенные карандаши и раскрытые общие тетради. Страницы пока еще чисты.

Что же будет записано под красиво выведенным заглавием: «Лекция первая»?..

Если бы в этот момент кто-нибудь шепнул профессору на ухо, что слушатели знают, с чего он начнет лекцию, больше того, знают жест, которым будет сопровождаться первая фраза!

Известно заранее, что профессор выпрямится, округлым движением поправит свои манжеты со старомодными запонками, затем скажет размеренным, несколько монотонным голосом:

«Еще в тысяча девятьсот двадцать девятом году, когда покойный Николай Александрович Сакеллари...»

Старшекурсники охотно поясняют новичку, с чем это связано. С очень давним спором, скажут они, относящимся еще ко времени, когда некоторым штурманам казалось, что введение гирокомпасов делает ненужным дальнейшее применение магнитных. За магнитный компас вступились тогда Сакеллари и его ученик Грибов. Естественно, что разгоревшаяся полемика нашла отражение и в грибовских лекциях.

Поход вокруг Европы линкора «Севастополь» окончательно реабилитировал магнитные компасы. Сакеллари, назначенный флагштурманом, настоял на том, чтобы, наряду с электромеханическими компасами, были на корабле и магнитные. Это было разумной предосторожностью. В Бискайском заливе корабль попал в сильнейший шторм, гирокомпасы вышли из меридиана. Выручили магнитные.

В то время (тысяча девятьсот двадцать девятый год!) пример был кстати, он сразу вводил молодежь в напряженную атмосферу спора, борьбы умов. С годами он, однако, утратил свое значение. Стихли самые отдаленные отголоски полемики, а профессор попрежнему метал со своей кафедры громы

и молнии, не замечая, что давно уже спорит вступую.

И на этот раз все клонилось, повидимому, к тому же традиционному примеру.

Профессор выпрямился, машинально поправил белоснежные манжеты, помолчал, думая о своем, глядя поверх голов, будто всматриваясь в прошлое. Карандаши опустились на бумагу. Но Сакеллари не был назван.

— Моя сегодняшняя вступительная лекция, — произнес профессор, — будет иметь скорее характер беседы. Я хочу поговорить с вами не столько о приборах, сколько о хозяине приборов — человеке... Советском человеке, — подчеркнул профессор. — Так вот — Крылов... Был такой в числе моих учеников. Крылов Борис! Впоследствии катерник, северомерец...

Мало кому известна была история взаимоотношений Грибова и Крылова.

Когда-то, еще до войны, Крылов был одним из самых одаренных и потому любимых учеников Грибова. Профессору удалось добиться разрешения оставить его при кафедре. Ко всеобщему удивлению, Крылов отказался. Профессор принял это как проявление черной неблагодарности, почти как отступничество. Отношения между ними прервались.

Началась война. Фамилия Крылова замелькала в газетах. Он воевал умно, уверенно, смело, — сначала на Балтике, потом на Баренцовом море. Издали профессор с волнением, с отцовской гордостью и беспокойством следил за его успехами.

Война повернула на вторую половину. Советская Армия и Военно-Морской Флот, измотав врага, перешли в наступление.

Начал двигаться вперед и правый фланг гигантского фронта. Советские войска устремились на запад по северному краю Европы, с боями освобождая Норвегию, а с моря их попрежнему поддерживали корабли бесстрашных североморцев.

Однажды в сумрачную и холодную холостяцкую квартиру Грибова вошли три офицера-североморца, его бывшие ученики.

— Прибыли в командировку, решили навестить своего профессора, — сказали они.

Профессор не удивился этому. Так бывало уже не раз. Он усадил дорогих гостей и принялся расспрашивать обо всем, что могло интересовать его. Будто к слову, вскользь, спросил о Крылове. Оказалось, что с Борей Крыловым нехорошо: дикая история — дважды посадил свой катер на камни.

Толчок о камни торпедного катера где-то за Полярным кругом больно отдался в сердце старого профессора. Уже второй раз любимый ученик причинял ему боль.

С минуту Грибов ошеломленно смотрел на своих гостей.

— Простите, но это чушь! — вскричал он, поднимаясь из-за стола. — Крылов — и дважды на камни?! Не верю! Несообразно! Не может быть!..

— Мы тоже думаем так, товарищ капитан первого ранга, — осторожно заметил кто-то из гостей. — Однако факты какие-то странные, все как-то, знаете, одно к одному...

— Изложите более толково, по порядку, — сердито приказал профессор. Он сдернул с носа пенсне и стал тщательно, округлыми движениями протирать его, — это успокаивало в минуты волнения.

Обстоятельства аварии действительно были странными.

Катер, которым командовал Крылов, возвращался ночью на базу. Крылов вел его, прижимаясь к берегу.

Голо, беспрютно было на чужом берегу: скалы, снег, одиноко торчащие сосны. Не пейзаж — схема пейзажа, как бывает на детских неумелых рисунках. И все только в карандаше: черное на белом. Зато стоило повернуться лицом на север — и вот бескрайное море под бескрайным небом, где медленно разгорается северное сияние.

Вначале это легкая кисея волшебной радужной расцветки. Складки ее раскачиваются точно от порывов невидимого ветра. Они становятся все ярче, рельефнее, закрывая почти треть неба.

Постепенно сияние как бы тяжелеет, отвердевает. Небо напоминает сейчас свод пещеры, с которого свешиваются сталактиты. Вереница сверкающих разноцветных арок уводит куда-то вдаль, к таинственно темнеющей черте горизонта.

Всегда это зрелище грозной красоты обостряло в Крылове жажду подвига, воодушевляло, будоражило, будто природа бросала ему вызов на единоборство.

Вдруг он услышал с бака предостерегающий возглас: — Камни!.. Прямо по курсу камни!..

Крылов торопливо дернул на себя ручки машинного телеграфа.

Рядом сверкнул бурун. За ним в темноте возник второй, третий. Катер трянуло с такой силой, что люди едва удержались на ногах.

Это была гряда камней, которая высывала из воды хищные острые зубы и, по расчетам, должна была бы остаться далеко справа от курса.

Крылов обследовал повреждения. Хорошо еще, что камень был подводный, — катер только скользнул по нему, не пропоров днища. Гребные винты, впрочем, были повреждены. Домой катерники «догребли» кое-как, кляня северное сияние последними словами.

Никто из моряков не усомнился в том, что их увело на камни северное сияние. Со старых времен сохранилась поморская примета: «Матка (компас) дурит на назорях», то-есть при северном сиянии. Ведь сполохи подобны зарницам: те возвещают о грозе, эти—о магнитной буре. Невидимое «дуновение» коснулось магнитной стрелки крыловского компаса и отклонило ее, а вслед за ней и катер в сторону от фарватера.

Не о подобных ли случаях предупреждал когда-то Грибов в училище?

«На войне и на море, — говорил он, — пейзаж перестает существовать сам по себе. Все, что совершается вокруг в природе, может повлиять на ход событий и должно обязательно учитываться навигатором...»

Но не успели еще в бригаде до конца исчерпать эту тему, на разные лады осуждая диковинные каверзы земного магнетизма, как Крылов снова потерпел аварию, и в том же районе.

Сияние на этот раз было ни при чем. Не было никаких электромагнитных эффектов на небе. День был самый обыкновенный, серенький. И все же чудом каким-то Крылов очутился вплотную у того же проклятого мыса, хотя считал себя совсем в другом месте.

Авария, тем более повторная, является случаем из ряда вон. Вдобавок, виновником аварии оказался опытный морской офицер, служивший до недавнего

времени образцом для остальных. Комбриг рассудил правильно: «Кому много дано, с того много и спросится». А Крылову было много дано: от таланта до орденов. И спрошено с него было поэтому полной мерой: комбриг отрешил его от должности впредь до выяснения обстоятельств дела...

Сбивчивый, хоть и живописный пересказ событий не удовлетворил профессора.

— Что-то вы путаете, товарищи, — придирчиво сказал он. — Или недоговариваете... Само собой, по незнанию. Слишком уж просто все. Схема событий! Думается мне, что-нибудь важное, хоть и не очень приметное, упустили из виду. Знаете, как в детских загадочных картинках: «Где заяц?» А заяц — за спиной у охотника в ягдташе или у самых его ног в кустах... Так и тут! Все не так просто, как кажется с первого взгляда. Далекое не просто, нет...

Североморцы поднялись и стали откланиваться. Профессор довольно рассеянно и даже не очень вежливо пожал им руки. Потом, затворив за гостями дверь, снова зашагал, почти забежал по комнате из угла в угол. Чрезвычайное происшествие за Полярным кругом, как ни верти, оставалось для него неясным. Слишком мало было фактов. Да и что это были за факты?..

Наконец он присел к письменному столу. Махнув рукой на старые обиды, Грибов решился написать Крылову первый.

«Обращаюсь к вам, — было в письме, — как ваш бывший учитель, которого вы, быть может, еще помните. Прошу вас объяснить, как это могло произойти. Надеюсь, вы поймете, что происшествие близко касается и меня. Вы, который получали у меня всегда — и вполне заслуженно — лучшие отметки...»

Все письмо было в таком же роде, написано аккуратнейшим и мельчайшим, так называемым штурманским почерком, и только нервные росчерки на концах фраз выдавали смятение души писавшего.

Однако Грибову не пришлось отсылать это письмо. На другой день он узнал, что предстоит командировка. Куда? На Северный флот, в Северную Норвегию. Зачем? Для участия в качестве эксперта в расследовании одного сложного дела, связанного со служебной репутацией боевого офицера флота.

— Фамилия офицера Крылов?

— Да.

Сначала Грибова удивило это совпадение. Вчера только приезжие рассказали ему случай с Крыловым, и вот уже сегодня, пожалуйста, командировка на место происшествия!

По зрелом размышлении он пришел к выводу, что ничего удивительного в этом нет. Репутация советского офицера очень дорога. Прежде чем принять то или иное решение, необходимо тщательно изучить и выяснить все обстоятельства дела, в особенности если оно сомнительно, как в данном случае.

Вполне естественно и то, что именно его, Грибова, назначили экспертом. На подозрении, кроме Крылова, компас. А на флоте Грибов — признанный авторитет по вопросам девиации компаса.

Профессор вспомнил озабоченные лица своих вчерашних гостей и подумал, что визит был неспроста. Возможно, что именно сослуживцы Крылова, заботясь о тщательном расследовании обстоятельств аварии, «сосватали» Грибову командировку на Северный флот.

«Что ж! Тем лучше! Разберемся во всем на флоте!...»

Он не утерпел и начал разбираться уже в самолете. Усевшись на свое место, тотчас же вытащил из записной книжки десятка полтора обведенных красным карандашом вырезок, как бы заключенных в праздничную рамку, и, разложив на коленях, погрузился в их изучение.

Это можно было бы назвать материалами к военной биографии Крылова. Здесь было собрано все, что печаталось о нем в газетах и журналах: статьи, очерки, выписки из приказов о награждении, даже коротенькие корреспонденции первых дней войны, когда, по выражению очеркистов, «его звезда только восходила».

Сейчас он, как живой, поднялся перед своим профессором с этих узеньких листков газетной бумаги. Широкоплечий, невысокий. В чуть сдвинутой набок фуражке. С веселыми, узкими, как бы постоянно прищуренными глазами и почти прямой линией плотно сжатого, твердого рта. Подвижной, очень подтянутый. Пример дисциплинированности. Бесстрашный, лихой морской офицер!

«Сорок девять пробойн»!

Что это?

А! Одна из первых по времени газетных заметок о Крылове.

В те дни Краснознаменный Балтийский флот вел яростные оборонительные бои, защищая подступы к Ленинграду. Торпедный катер Крылова получил сорок девять пробойн. Мотористы поспешно заделали некоторые из них. Остальные были в таранном отсеке, который поднимается над водой на большой скорости катера. И так, скорость как средство спасти катер от затопления!

Крылов выжал из моторов все, что мог. «Во весь

опор погнал свой табун лошадей (лошадиных сил), — образно рассказывал он потом. — Представляете? Целый табун с развевающимися белыми гривами!..»

Казалось бы, надо, не мешкая, уходить на базу. Но бой еще не был кончен. Подле вражеского крейсера еще кружили советские торпедные катеры, — вцепившись мертвой хваткой, не выпускали добычу.

И вдруг все с изумлением увидели, что подбитый катер Крылова выходит в новую торпедную атаку.

Он шел на редане *, задрав нос, вздымая за кормой высокий бурун. Струи воды били из пробоин во все стороны, как фонтаны знаменитой статуи Самсона в Петродворце.

Только выпустив свои торпеды во врага, Крылов отвернул и на той же скорости умчался на базу.

Служба в москитном флоте — лихой коннице моря — была военно-морским призванием Крылова.

— Торпедные катеры по мне, — признавался он товарищам. — Чем быстрее идешь, тем больший подъем чувствуешь... Даже и соображаешь как-то быстрее, верно! Тут ведь нельзя зевать! Мозг должен работать в такт с оборотами мотора!..

«Шестое чувство моряка» — так называлась статья о Крылове как воспитателе молодых командиров.

Торпедный катер совершает странные на первый взгляд эволюции на рейде. Бесконечное число раз то подскакивает к какой-нибудь вешке, то отскакивает от нее. Это Крылов, пользуясь кратким перерывом между боями, отрабатывает у офицеров своего отряда (он

* Р е д а н — выступ в киле, под которым образуется воздушная подушка.

уже командует отрядом катеров) лихой подход к пирсу.

— Учит морячков расписываться, — усмехается стоящий на берегу начальник штаба бригады. — У меня, говорит, офицер, мало того что понимать, — чувствовать должен свой катер!.. Вот и воспитывает это шестое чувство...

Воспитателем молодых офицеров Крылов был придирчивым, педантично-строгим. (Тут Грибов мог заслуженно гордиться — уж это наверняка было от него!)

— Хорошее есть слово — «надо», — повторял Крылов полюбившуюся ему грибовскую мысль. — Сделайте это слово первым в своем лексиконе — тогда и на войне и в жизни все у вас пойдет, как положено!..

Сам он воспринимал приказ не только умом, но и сердцем. Поэтому выполнение приказа делалось для него внутренней необходимостью.

С особым удовольствием читал и перечитывал Грибов очерк о своем ученике, называвшийся: «Правдивость офицера».

— Если бы мне предложили определить одним словом Крылова, — сказал бывший его начальник, адмирал Колпин, — я бы сказал: правдивый...

Что может это означать в применении к военному человеку, офицеру?

То, что он не позволяет себе приукрашивать подробности боя, в котором участвовал? Но это ясно и так.

Адмирал понимал слово «правдивый» шире. Эта педантичность в выполнении боевого приказа, благодаря которой именно Крылову поручали особо трудные операции, прозванные катерниками «ювелирной работой», — постановку мин в шхерах.

Точный на войне и есть правдивый!

Коль скоро прикажут ему пройти заданным курсом девять минут, не отвернет через восемь с половиной, как бы трудно ни пришлось. Ни секунды не утаит, хоть за спиной не стоит никто и не проверяет его по хронометру.

Вместе с тем Крылов отличался богатством выдумки и воображения, направленными на то, чтобы в точности выполнить приказ.

Адмирал приводил такой пример.

Ночью случилось Крылову очутиться в непосредственной близости к вражескому берегу, буквально под дулами фашистских батарей.

Появление советских моряков в этих водах показалось гитлеровцам невероятным. Проблеском они стали требовать опознавательные.

— Мигай в ответ, — приказал Крылов боцману.

— Что мигать? — оторопел тот.

— А что на ум придет! Бессмыслицу. Вздор. Абракадабру какую-нибудь...

Вернувшись на базу по выполнении задания, он объяснил команде свой не совсем обычный приказ:

— Я должен был лежать на курсе девять минут. Когда нас заметили гитлеровцы, мне оставалось еще три. Пока на берегу разгадывали боцманскую головоломку, мы к нужному месту и подгребли...

Укладывая газетные вырезки обратно в свою записную книжку и бережно перетягивая резиночкой, чтобы, храни бог, не растерять, профессор удовлетворенно кивал головой.

Да, бывший начальник Крылова метко охарактеризовал его. Именно правдивый, то-есть точный в выполнении приказа!

И такой совершает вдруг вопиющую небрежность, два раза подряд сажает свой катер на камни?

Не ясно ли, что в этом есть какое-то противоречие, какая-то загадка, которую надо во что бы то ни стало разгадать.

Прибыв на место назначения — в маленький норвежский поселок, где находилась стоянка торпедных катеров, Грибов прямо с аэродрома отправился к командиру бригады.

Это оказался также один из его учеников, только на три или на четыре выпуска старше Крылова. Лицо было у него утомленное, озабоченное, помятое, под глазами темнели круги.

— Представьте, третью ночь не сплю, времени нет, — пожаловался он, но тотчас оживился, заулыбался. — Наступаем, товарищ капитан первого ранга, наступаем!.. Северный флот поддерживает с фланга продвижение доблестной Советской Армии!.. По секрету скажу: скоро будем менять стоянку, переходить на новую. Прилетели бы дня на два позже, могли бы уже и не застать здесь...

Он опять нахмурился:

— Дел, доложу вам, по горло! Катера все время в бою, в работе... А тут еще эта нелепая история с Борей Крыловым. Лучший мой командир отряда! Просто плюнешь с досады, руками разведешь...

В отношении обстоятельств дела командир бригады не смог сообщить ничего нового. Да, повторная авария, примерно в одном и том же месте. Какое-то залятое место, чорт бы его побрал!..

Грибов спросил о вешках. Нет, банка* не была ограждена вешками. Снесло штормом. Сейчас на-

* Б а н к а — подводная гряда камней.

ши гидрографы восстанавливают ограждение. Да ведь Крылов шел в тумане, по счислению.

— Завтра утречком сходим туда на моторке, — сказал командир бригады. — Поглядим вблизи на эту банку. — Он всмотрелся в пасмурное лицо Грибова, добавил заботливо: — А теперь отдохните с дороги, товарищ капитан первого ранга. Для вас отвели квартиру Расмуссена, бывшего лоцмана. Лучшее помещение в поселке. Тут фашисты сожгли много домов при отходе. А у Расмуссена хорошо отдохнете после перелета. Такой перелет в ваши годы совершить, — это знаете ли!..

— А я не устал, — сухо сказал профессор (он не любил, когда ему напсминали о его годах).

Грибов отказался и от провожатого:

— Знаю поселок. Бывал несколько раз до революции, когда ходил на «Бакане».

Он попросил лишь прислать к нему на квартиру кого-нибудь из команды крыловского катера, лучше всего боцмана.

— Потом зайду к Крылову. Нет, нет, вызывать не надо. Сам зайду. Так лучше! Какой адрес у него?..

Грибов неторопливо шел вдоль единственной улицы поселка.

Он помнил ее совсем другой. Когда-то этот рыбацкий поселок был на редкость чистеньким и аккуратным, каким-то игрушечным (по субботам хозяйки с мылом оттирали мостовую перед домами). Весело сверкали медные ручки на дверях. Четырехугольная башенка кирпичи поднималась над острыми черепичными крышами.

Сейчас в поселке осталось не более полутора десятков домов. На месте кирпичи, взорванной фашистами, виднелась груда щебня.

Мрачно и пусто было вокруг. На снежных склонах, как зловещие черные пни, торчали обгоревшие трубы. Внизу в воде темнели сваи повалившегося набок причала.

Недавно еще отправлялись отсюда длинные караваны транспортов на запад. Спешно морем вывозились в фашистскую Германию богатства Северной Норвегии: запасы трески, железная руда, мачтовый лес.

Теперь тут была зона пустыни. Даже телеграфные столбы спилили гитлеровцы отступая. Не брезговали и проволокой. Проволока завершала длинный список награбленного. Все подметали под метелочку...

Но с приходом советских людей пустыня начала оживать.

По склону берега расхаживали среди деревьев саперы, держа перед собой миноискатели. Двое вели на поводке собаку, которая по запаху тола распознавала зарытые в земле мины. То и дело она останавливалась и коротко взлаивала.

Связисты, весело переговариваясь, волокли через улицу телефонный провод. Самый шустрый из них, — видимо, ротный шутник и балагур, — сбив набекрень пилотку, бойко объяснял что-то двум улыбавшимся норвежским девушкам, которые вышли на порог дома покрасоваться своими высокими чепцами и праздничными красивыми передниками.

А у повалившегося набок причала стояли и сидели на корточках рыбаки. Покуривая коротенькие трубочки, они с явным одобрением наблюдали за тем, что творится на море.

Оттуда доносились по временам глухие раскаты, и над серой водной гладью поднимались и медленно опадали черно-белые фонтаны взрывов.

Это советские минеры тралили фарватер, расчищая подходы к гавани.

Грибов залюбовался четкой слаженностью их трудной и опасной работы.

Три тральщика с поставленными электромагнитными тралами шли строем уступа. Они проходили вдоль берега, круто разворачивались, возвращались, опять разворачивались. Нужно было основательно «разутюжить» море в этом районе, прежде чем объявить его безопасным для плавания.

Снова и снова водяные столбы вставали за кормой. Эхо грохотало и перекатывалось в скалах обрывистого берега. Гитлеровцы не жалели мин при отходе. Даже море пытались омертвить. Наглухо закупорив гавань, обрекали на голод, на голодную смерть жителей рыбацкого поселка.

«Вот два мира и две армии, — думал Грибов. — Гитлеровцы несли разорение и смерть народу Норвегии. Даже после своего поражения цеплялись за живых, старались утащить за собой в могилу. Советские же воины, придя в Северную Норвегию как друзья, как освободители, изгоняют сейчас смерть из недр норвежской земли и из пучины Норвежского моря!»

— Разрешите пройти, товарищ капитан первого ранга? — услышал Грибов.

Он оглянулся. На ступенях узкой каменной лестницы, которая вела от поселка к причалу, стоял молодой матрос и выжидательно смотрел на него.

— С тральщика?

— Так точно. С бригады траления.

— Добром вас помянут норвежцы, а? На совесть расчищаете море!

Матрос с готовностью улыбнулся.

— Обрубаем когти тигру, товарищ капитан первого ранга! — сказал он весело.

Разыскивая назначенную ему квартиру, Грибов все время старался припомнить, где же он слышал или читал это выражение. Когти тигра? Какие когти?..

Только когда поднялся на крыльцо и дернул за старомодный колокольчик у двери, вдруг осенило: «Гейне! Конечно же, это сказал Гейне: «Тигр умрет, но останутся когти тигра...»

Матрос с советского тральщика назвал фашистские мины когтями тигра. Правильно, матрос! Толковая поправка к афоризму! И тигр умрет, и когти обрубим фашистскому тигру!..

Лоджмана не было дома. Грибова встретила опрятная старушка, его жена, и с самыми вежливыми поклонами препроводила в отведенную для почетного постояльца комнату.

Усевшись у окна и прихлебывая очень крепкий, почти черный — флотский — чай, старый штурман продолжал размышлять о «когтях тигра».

Да, Крылова могли подвести притаившиеся на дне фашистские мины. Компасы врут на минных полях, — это общеизвестно. Крылову достаточно было пройти вблизи минного поля, чтобы чувствительная магнитная стрелка слегка отклонилась в сторону. Постепенно угол расхождения с правильным курсом увеличивался, ошибка нарастала, и вот под килем — камни, в то время как командир считает, что там 20 или 25 метров глубины!

Удивительно ли, что катер Крылова не подорвался на минах? Ничуть! Ведь это торпедный катер, а не какая-нибудь тихоходная баржа! Он проскаки-

вает над минами на слишком большой скорости, — магнитный замыкатель попросту не успевает сработать.

Критически сощурясь, профессор и так и этак поворачивал вариант решения. Признаться, оно не очень нравилось ему. Слишком уж напрашивалось, близко лежало — руку протянуть.

Почему же тогда на бригаде сами не додумались до такого решения, если оно было верным?..

На пороге комнаты возник могучего телосложения старшина с обветренным, красным, очень взволнованным лицом.

— Товарищ капитан первого ранга! Старшина первой статьи Фадденчев прибыл по вашему приказанию!

Это был боцман с крыловского катера.

С первого же взгляда на его простодушное открытое лицо можно было понять, что он «переживает» за своего командира (так же, повидимому, как и матросы), всей душой хотел бы ему помочь и безусловно убежден, что никакой вины за ним нет.

Вначале Грибов задавал вопросы, потом замолчал и слушал, не прерывая, машинально постукивая карандашом по столу.

Многое из того, что рассказывал боцман, не имело отношения к девиации компаса, зато помогало еще лучше уяснить главное — характер Крылова.

— Туман был, как молоко, товарищ капитан первого ранга, в десяти метрах не видно ничего. Ну, смотрим на компас, все очень хорошо, в открытом море идем. А на самом деле, выходит, под берегом шли. На камни и выскочили. Тут немного разошелся туман. Видим: берег от нас в кабельтове*. Не иначе, как на банке у мыса Дитлеф сидим!

* Кабельтов — 183 метра.

Это плохо. На мысе передний край фронта проходил тогда.

Видим, на берегу поднялась суета. Пускают осветительные снаряды и вешают над нами люстры. Капитан-лейтенант сел за пулемет, команде приказал разобрать винтовки, а мне приготовить спички и топор, чтобы в случае чего прорубить бензобаки и поджечь катер.

Однако с берега окликают по-русски. Я дал опознавательный ратьером *. Отвечают правильно. Второй опознавательный! Тоже верный ответ. Оказалось, это наши. А фашисты находятся чуть подальше, но тоже близко, кабельтовых в двух или трех. Нас не видят, потому что мы скалой прикрыты.

Вскорости свечерело. «Ну, — говорит командир, — нам всем тут мокнуть ни к чему. Будем вахту по очереди держать. В первой вахте — я, во второй — Фаддеичев». Приказал мне взять с собой половину команды и идти к пехотинцам. Добрались до берега вброд. Вода была по пояс, но чертовски холодная. Пехотинцы, конечно, встретили нас по-братски, накормили, отогрели. А через четыре часа, отдохнув, мы сменили товарищей. И командир с ними на берег ушел.

Накат был небольшой, катер на камне сидел прочно. Вычерпываем воду, негромко переговариваемся. На переднем крае совсем тихо, только иногда ракета сверкнет. Прошло минут двадцать, не больше. Вдруг слышим: захлюпала, забулькала вода. Кто-то идет от берега. «Стой! Кто идет?» — «Командир!» — «Что же не спите, товарищ командир?» — «Не спится, Фаддеичев...»

Ходит вокруг катера и все ногами пробует: на ка-

* Р а т ь е р — особый фонарь для сигнализации.

кие тот точки сел. «Не так уж плохо дело, Фаддеичев! — И, слышу, повеселел. — Катер удачно сел: реданом. И пробойн только две, не очень большие. Можно, по-моему, в тихую погоду снять. Если, конечно, гитлеровцы не потопят утром».

С тем и ночь прошла. Погода стихла, светло. Пролетел разведчик противника. Ждем час, другой. Капитан-лейтенант бледный сидит, хмурый, только губы кусает. Нет и нет обстрела. Очень хорошо! Значит, не заметили наш катер.

На следующую ночь — аврал! Работали так, что в холодной воде жарко было. Выгрузили торпеды на платформы, чтобы облегчить катер, откачали воду, осушили баки, подвели с бортов резиновые понтоны. И катер всплыл!

Перед рассветом пришел с базы рейдовый катерок для отбуксировки. Завели концы. Кому же теперь на нашем катере итти? Он только одного человека и может поднять. Сам-то больше на честном слове, чем на понтонах, держится. Просились на свой катер, можно сказать, все. И я просился. Но капитан-лейтенант никого не пустил. «Ты не пререкайся со мной, Фаддеичев, — говорит. — Я командир катера. Я его в беде не могу оставить...»

И пошел! А до базы не близко. А в открытом море волна. Понтоны начали от хода всплывать. Катер, видим, погружается больше и больше. «Сейчас подойдем, товарищ капитан-лейтенант! — кричим ему. — Снимать вас надо». — «Подождите, — отвечает. — Рано. Может, еще чего придумаю». А думать надо было...

Понимаем: очень нашему командиру обидно. Изпод носа у немцев вытащил катер, совсем уже было довел и... Вот замечаем: захлопотал на катере, от-

швартовал один из понтонов, — все равно бесполезный, — выпустил из него воздух. Потом, видим, тащит его в машинный отсек, где полно воды. Ну, тут уж поняли матросы его уловку. Он, стало быть, решил понтоны уложить в трюм и снова накачать в них воздух, чтобы они раздулись и вытеснили через пробоины воду. Так, по его, и вышло!

Видим: на плаву катер, жив, не тонет! Ну, закричали тут «ура» — и мы закричали и команда рейдового катера. А капитан-лейтенант присел у штурвала, платочком шею обтирает. Умаялся.

— Довел ли катер до базы?

— Конечно, довел... Ведь Крылов, товарищ капитан первого ранга... — Боцман сказал это с особой убедительностью и даже подался немного вперед. — Наш командир — настоящий советский моряк. Он к своему катеру душой прирос!..

Отпустив боцмана, Грибов отправился на квартиру к Крылову.

Тот был один.

Тускло светила керосиновая лампа, но не было охоты встать и поправить фитиль. Усталость клонила Крылова к подушке, а сон не шел. Только в последнее время по-настоящему начал осознавать случившееся. Схлынуло возбуждение, связанное со спасением тонувшего катера. Наступила реакция.

Он знал, что вся бригада — от комбрига до любого матроса — глубоко переживает его позор, который вместе с тем является позором бригады. Аварию обсуждают со всех точек зрения. Некоторые офицеры рубят сплеча: «Захвалили Крылова, зазнался, стал небрежен, развинтился, начал полагаться на удачу, на «авось». Друзья Крылова молчат, им нечего ответить. Факты против них.

Понятно, легче всего было бы покаяться, промямлить что-нибудь вроде: «Повинную голову и меч не сечет...»

По-честному он не мог сделать так. Слишком прочна была его вера в себя, чтобы он мог поступиться ею без борьбы.

Он не был суеверен, но, воюя не первый год, знал, как важна на войне инерция удачи, привычка к счастью. Нельзя было допускать необоснованных сомнений в себе, колебаний, излишнего самоанализа и рефлексий. Именно это как раз развинчивало, размагничивало офицера.

Зазнайство, самомнение? Нет, совсем не то. Он, Крылов, был просто очень уверен в своем профессиональном умении, в своей щепетильной штурманской добросовестности, в своем таланте моряка наконец.

И он верил в своих учителей.

Вспомнился Грибов. (О нем всегда вспоминал во всех трудных случаях жизни.)

Что, если бы его профессор узнал об аварии?..

Крылову представилось, как он, со своей обычной рассеянной манерой глядя поверх голов, сказал бы:

— Разберем необычайный случай с Крыловым. Будем последовательно исключать одно возможное решение за другим...

Крылов задумался. Он не чувствует за собой вины. Так.

Если виноват не он, то кто же тогда? Рулевой? Он стоял все время рядом с рулевым. Значит, компас?..

В ушах зазвучал размеренный, чуть монотонный голос Грибова.

— Очень большое значение я придаю дисциплине

ума. Офицер должен уметь думать, весь сосредоточиваясь на решении поставленной перед ним задачи.

Но сосредоточиться помешал настсйчивый стук в дверь.

— Кто там?.. Открыто! — с досадой крикнул Крылов и тотчас же спрыгнул с койки, торопливо застегивая китель.

В дверях стоял его профессор!

— Здравствуйте, товарищ капитан-лейтенант!

— Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга!..

Усевшись друг против друга, некоторое время молчали.

Для Крылова появление Грибова было полной неожиданностью, особенно в такой поздний час и не в официальной обстановке. Машинально капитан-лейтенант то и дело приглаживал волосы. Чорт бы их побрал! Торчат, наверно, проклятые!

Между тем Грибов принялся методично вытаскивать из карманов и раскладывать на столе карандаш, записную книжку, портсигар, зажигалку. Разговор, видимо, предстоял долгий.

Так профессор делал обычно на экзамене, если видел, что экзаменуемый нервничает, — давал ему время успокоиться, собраться с мыслями.

Это и впрямь походило на экзамен.

— Ну-с, товарищ капитан-лейтенант, — начал профессор. — Нам с вами надо обстоятельно поговорить...

Он привстал со стула, осторожно выкрутил фитиль керосиновой лампы и, увеличив ее свет, заглянул в лицо сидевшего перед ним в молчании молодого офицера.

Да, похудел, осунулся. Щеки ввалились. Морщины над переносицей завязались в еще более тугой узел. Но взгляд попрежнему смелый, прямой...

Хорошо! Значит, не раскис, не упал духом.

— Кое-что уже знаю, — продолжал Грибов. — Но только, я бы сказал, общий очерк событий. Этого мало. Здесь скользнуть по поверхности нельзя. Желательно проникнуть поглубже, в самую суть событий.

Он раскрыл портсигар и предложил Крылову папиросу.

— Разберемся же в известных вам фактах, — сказал профессор размеренным, чуть монотонным голосом. — Будем последовательно отбрасывать одно возможное решение за другим...

Итак, северное сияние исключалось из числа улик.

Не сдвинул ли Крылов установленное на компасе мягкое железо, служащее для уничтожения четвертной девиации?

Нет. Компас был исправен. Крылов на выходе определил поправку.

Может быть, в карманах у него было что-нибудь могущее повлиять на девиацию: нож, ключи, цепочка? Припоминая, Крылов мысленно порылся в карманах. Металлического не было ничего.

Не надевал ли он фуражку во время похода? Не наклонялся ли в ней над компасом для пеленгования? Стальной круг, распирающий верх фуражки, может вызвать небольшое отклонение стрелки.

— Можно без опаски подходить к компасу только в одном случае, — пошутил профессор, — а именно: обладая железным характером!..

Крылов благодарно засмеялся. Он слышал эту остроту по меньшей мере раз двадцать. Шутки, которыми профессор считал нужным украшать свои лекции,

не отличались разнообразием. Но сегодня старая острота имела успех. Крылова тронуло то, что профессор, обычно строгий, даже суховатый, разговаривает с ним так запросто.

Но и возможная улика с каркасом исключалась. Время было осеннее, моряки ходили в ушанках.

— Да, вы, конечно, опытный офицер, — задумчиво сказал Грибов. — Вы не могли бы этого сделать. Я спросил о ноже, цепочке, ключе, стальном каркасе для очистки совести, просто размышлял вслух... Теперь попробуем подойти к разгадке с другой стороны. Вы несколько раз ходили мимо мыса Дитлеф. Несчастье произошло дважды, в обоих случаях когда возвращались на базу...

— Так точно, товарищ капитан первого ранга.

— Мне доложили, что в первом случае вы вели катер вблизи берега.

— Ночь была очень светлая, товарищ капитан первого ранга. Прятался в тени берега, чтобы не заметили самолеты и батареи противника.

— И во втором случае прижимались к берегу?

— Да.

— Я так и думал. Но ведь был туман?

— Его уж потом нанесло, товарищ капитан первого ранга. Я помнил все время об этой банке у мыса Дитлеф. Сразу, как только стала плохая видимость, отвернул от берега, то-есть мне казалось, что отвернул... И вел по счислению согласно прокладке.

— Не считаясь с наличием минных полей у берега?

— В том-то и дело, что мин на этом участке нет. Разведчикам-пехотинцам удалось захватить карту минных постановок. Фашисты, оказывается, заминировали только подходы к гавани. А больше не успели.

Наши так на них наседали — носу не давали высунуть...

Грибов помолчал.

Вот еще один отброшенный вариант! Он ждал этого. Конечно, такое решение было бы слишком примитивным.

— Покажите по карте, как шли, — сказал он.

Крылов и Грибов нагнулись над картой.

— Ясно. Значит, без происшествий дошли? Ничего до банки с вами не случилось?

— Ничего, товарищ капитан первого ранга. Ожидали: может, фашистских корректировщиков накроем. Но не накрыли,

— Каких корректировщиков?

— Думали: не прячутся ли они на затопленном фашистском транспорте? Вот здесь... (Крылов указал острием карандаша, где именно.) Наши летчики потопили этот транспорт еще в самом начале наступления. Мачты и верхняя палубная надстройка остались над водой, — там неглубоко. Ну, командование и приказало мне проверить, не имеют ли гитлеровцы на затопленном транспорте свой наблюдательный пост.

— Не обнаружили никого?

— Никого, товарищ капитан первого ранга.

— Обошли вокруг транспорта?

— Даже людей высаживал на него. Для большей точности проверки. Боцман с двумя матросами обшарил всю палубную надстройку. В трюм, конечно, не спускались. Там вода... Только и было такое происшествие, товарищ капитан первого ранга... Если можно это назвать происшествием... Потом я лег на прежний курс. Отсюда уж до мыса Дитлеф рукой подать.

— Вижу.

Грибов сосредоточенно смотрел на карту.

— Ну, а как вы сами представляете себе дело?..

Капитан-лейтенант призадумался, потом понес совершеннейшую чушь.

Он начал с предположения, что там район магнитной аномалии, неизвестный до сих пор, не нанесенный на карту. Многие географические открытия совершались именно так, ненароком, случайно. В таком объяснении было даже что-то романтическое. То-то захлопочут, засуетятся гидрографы, когда узнают, что на таких-то и таких-то координатах обнаружена новая магнитная аномалия.

Грибов безжалостно остудил его пыл.

— Почему же никто до сих пор не обнаружил аномалии? Места эти хожены-перехожены. Это не какая-нибудь заполярная глушь, полюс недоступности, — это оживленная, «проезжая» морская дорога...

Обескураженный Крылов начал неуверенно бормотать что-то о новом неизвестном оружии. Грибов только крикнул.

Не изобретено ли новое средство борьбы с кораблями? Не меняют ли немцы с помощью какой-то таинственной магнитной ловушки магнитное поле вблизи берега, не уводят ли стрелку компаса, а за ней и весь корабль на камни?

Невольная ошибка могла быть совершена Крыловым еще у берега. Дальше она накапливалась, расхождение с курсом росло и привело катер на камни.

Из форточки, неплотно прикрытой, дуло, потрескивал фитиль лампы, тени раскачивались по потолку, как длинные лапы.

Крылов продолжал развивать причудливую догадку.

Гитлеровцы спрятали на дне перед отступлением нечто вроде магнитного спрута, он угнездился в рас-

щелинах скал, протягивает вверх свои жадные щупальцы, косматые, как водоросли...

Грибов устало махнул рукой.

— Но ведь можно вообразить, товарищ капитан первого ранга...

— Вот именно — вообразить! А командиру не положено воображать! Командир должен обладать ясной и трезвой головой. Не воображать, а рассуждать!..

Грибов снял пенсне и белоснежным платочком принялся неторопливо, округлыми, тщательными движениями протирать выпуклые стеклышки.

Крылов впервые видел своего профессора так близко без пенсне. Глаза у него оказались очень добрые и усталые, в частой сеточке мелких стариковских морщин.

— Понимаете, не собираюсь выгораживать вас, — сказал Грибов. — Я бы не пошел против своей совести и не стал выгораживать родного сына, — если бы у меня был сын...

— Понимаю, товарищ капитан первого ранга...

— Подождите, не кончил! Еще не знаю, почему ваш катер вышел на камни, но убежден, что причина лежит вне вас. Вы действовали правильно, безукоризненно правильно, как полагается советскому офицеру. Я рад, что не обманулся в своем доверии...

И он стал собирать со стола свои вещи. Экзамен был окончен.

Грибов предполагал поработать дома над картой района, которую обещал прислать командир бригады. К сожалению, несколько драгоценных часов отнял хозяин отведенной ему квартиры.

Еще в темной передней, открывая своему жильцу дверь (видимо, не ложился спать в ожидании его воз-

вращения), норвежец торопливо заговорил по-русски, с трудом подбирая слова:

— Добро пожаловать, господин русский офицер! Мне сказали в штабе: ваше имя — Грибов. Я служил с одним Грибов на русском судне «Бакан». Вы не есть тот Грибов?

Когда вошли в освещенную столовую, Грибов увидел рядом с собой маленького суетливого старичка со слезящимися красными глазами и сизым носом. Трудно было узнать в этой развалине бравого лоцмана Оле Расмуссена, который, по договору с русским военным министерством, когда-то проводил военные корабли через запутанный лабиринт норвежских шхер.

В те времена он держался несколько высокомерно, даже заносчиво, расхаживал по мостику с глубокомысленным и таинственным видом и то и дело заглядывал в свои лоцманские записи, которые тщательно прятал от любопытных молодых офицеров. Впрочем, в кают-компании Оле делался общительнее и мог без конца рассказывать страшные истории, — он знал их уйму, — о кладбищах кораблей, о сокровищах, награбленных пиратами и погребенных на дне морском, о призраках погибших моряков, которые иногда по ночам царапаются в стекло иллюминатора.

Помимо платы, обусловленной по договору, полагалось выставлять лоцману еще несколько дюжинок бутылок странного пойла, называемого «рижским бальзамом». Оле объяснял, что растирается им во время приступов ревматизма. Грибов с сомнением смотрел на красный нос норвежца, но приказывал постоянно держать для него целый ящик прозапас.

Выяснилось, что, состарившись, Расмуссен сделался еще более словоохотливым. Напрасно Грибов зе-

вал, вынимал и заводил часы, — старый лоцман не умолкал.

Гитлеровцы, по его словам, обездолили его, уволокли сети, которые в таком-то году стояли в Бергене столько-то марок. Гитлеровцы вообще не брезговали ничем. Сколько добра вытащили они из Норвегии! Чего только не было в трюмах их транспортов!..

Старик всплеснул руками и принялся перечислять. Грибов устало кивнул головой.

— Война, война! — продолжал болтать старик. — Снарядами, минами, глубинными бомбами взбаламутили море до дна. Удивительно ли, что теперь оттуда начали подниматься призраки! — Расмуссен понизил голос: — Конечно, господин Грибов не мог слышать об этом, но пусть он расспросит местных жителей, норвежских рыбаков. Ему расскажут, что у этих берегов появился «Летучий голландец»! Да, да, корабль мертвых, который внезапно появляется в тумане и уводит моряков за собой на камни... Вот вы не верите в это, — с сожалением добавил он, заметив досадливое движение, которое сделал его слушатель. — Вы, советские, я слышал, не верите ни в бога, ни в чорта. Напрасно. Конечно, на суше я тоже не верю во многое, но на море...

В первом часу ночи Грибов извинился и, сославшись на головную боль, отправился к себе.

Но он не смог заснуть до утра.

«Летучий голландец» — корабль мертвых... А почему бы и нет? Быть может, в болтовне Расмуссена гораздо больше смысла, чем он сам подозревает?

Конечно, все эти его приметы и суеверия — муть, чепуха! Под старую моряцкую байку о «Летучем голландце» можно было подвести в данном случае строго научное обоснование.

Несколько раз в течение ночи профессор вставал, зажигал свечу под старомодным картонным колпаком и, расстелив на столе карту, измерял расстояние от затопленного фашистского транспорта до предательской банки у мыса Дитлеф. Расстояние было незначительным, что подтверждало мелькнувшую догадку.

Промерзнув, Грибов снова забирался в постель и лежал неподвижно и тихо, с открытыми глазами.

То представлялся ему нелепый магнитный спрут, о котором толковал Крылов, то корабль-призрак, накренившийся набок, с обвисшими черными парусами, то «когти тигра» — магнитные мины, лежащие на дне, терпеливо подстерегающие добычу.

Мало-помалу три этих фантастических видения слились перед умственным его взором в одно, и это и было разгадкой!..

Утром Грибов тщательно побрился, подшил к воротнику кителя белейший, туго накрахмаленный подворотничок и, надев шинель, прямой, молодцеватый, вышел из дому.

Бывший лоцман расчищал дорожку перед крыльцом. Он вежливо снял шапку.

— Доброе утро, господин Грибов!

— Доброе утро, господин Расмуссен!

— Хорошо ли провели ночь?

— Очень хорошо. Стены вашего домика навешают удивительные сны...

Оле самодовольно хихикнул.

— Да, кстати, — сказал Грибов, остановившись на ступеньках, — вы перечисляли вчера все, что гитлеровцы вывозили из Норвегии перед отступлением. Повторите, пожалуйста...

Старик отставил лопату и начал с готовностью перечислять, загибая пальцы один за другим.

— Стоп! Все! — остановил его Грибов. — Опасный груз! Это как раз то, чего нехватало в логической цепи...

И он ушел, оставив Оле Расмуссена в недоумении: что хотел сказать русский офицер этими двумя словами — «опасный груз»?..

— К мысу Дитлеф пойдём? — спросил Грибова командир бригады, когда моторка отвалила от причала. — К месту аварии, как говорили вчера?

— Зачем? Нам, я думаю, не надо будет забираться так далеко. Разгадку увидим у берега на полпути... Пусть Крылев ведет моторку. Это очень важно! В точности выдерживайте свой старый курс, товарищ капитан-лейтенант!

Крылов встал рядом с рулевым.

День был пасмурный, как обычно в это время года. Моросил дождь. Белые космы тумана стлались низко над водой.

Все в моторке молчали, с напряженным вниманием всматривались в скалистый берег.

Прошло минут десять.

— Долго ли еще? — нетерпеливо спросил командир бригады.

Грибов поднес к глазам бинокль и коротко бросил:

— Сбавить обороты!

Нечто вроде привидения вынырнуло из тумана.

То был затонувший немецкий транспорт. Из воды, накренившись, торчали его мачты и часть палубной надстройки, через которую с шипением перекачивалась волна. Вокруг фока, где болтались обрывки фашистского флага, с причитаниями вились чайки.

Много раз офицеры бригады проходили мимо этого транспорта, почти не замечая его. Он примелькал-

ся, как привычная деталь пейзажа. Но сейчас моряки ощутили волнение, как бы предчувствие разгадки.

Узкий солнечный луч пронизал облака и уперся в накренившуюся мачту.

— Рекомендую, — сказал Грибов спокойно: — «Летучий голландец»! Виновник двух аварий крыловского катера!..

По приказанию командира бригады моторка стала списывать циркуляцию вокруг затонувшего корабля.

— Я был уверен, что мы увидим на полпути что-нибудь подобное, — продолжал Грибов, не отрывая бинокля от глаз. — Вот этот корабль мертвых и вывел катер Крылова на камни!

— Как? Все зло в этой старой бандуре?

— Именно! Выразились очень удачно. Все зло в ней, в ее трюме. Сегодня же пришлите сюда водолазов. Пусть спустятся в трюм и обследуют его содержимое... Впрочем, я уже сейчас могу вам сказать, что они найдут внутри транспорта...

— Что же?

— Железную руду — одно из главных богатств Северной Норвегии!.. Вот это и есть ваш спрут, — обернулся Грибов к ошеломленному Крылову. — Чудовище, однако, привередливо. Все, что сделано из дерева, пропускает беспрепятственно. Лишь к металлу, лишь к чувствительным магнитным стрелкам присасываются жадные щупальцы-невидимки!

Водолазы, в тот же день доставленные к затонувшему транспорту и проникшие внутрь его, подтвердили слова Грибова. Трюм доверху был заполнен железной рудой.

Теперь транспорт представлял из себя не что иное, как огромный магнит. Приближение кораблей к нему было небезопасно.

А ведь катер Крылова подошел к затопленному транспорту вплотную, борт к борту и находился подле него довольно долго, пока Фадденчев старательно обыскивал все закоулки палубных надстроек, возвышавшихся над водой. За это время магнитная стрелка компаса, повинаясь влиянию больших масс намагниченного железа, успела отклониться, изменив таким образом девиацию компаса. Когда Крылов, не подозревая о том, какой опасный груз находится в трюме затопленного гитлеровского транспорта, повел свой катер прежним курсом, это был уже новый, ложный курс...

* * *

В классе было очень тихо, когда профессор закончил. Но, видимо, это было еще не все. Полагалось сделать вывод.

— Каков смысл этого примера? — сказал профессор. — Смысл вот в чем. Приборы, которыми пользуются навигаторы, очень надежны. Хорош гирокомпас. Хорош магнитный компас. Но, к сожалению, и тот и другой подвержены различным внешним влияниям. Нечто еще более надежное должно быть на вооружении у офицера. Он должен сверяться не только со стрелкой магнитного компаса, но и со стрелкой, которая всегда, при всяких условиях будет показывать правильный путь. Я разумею веру командира в себя, в свои силы, в свою добросовестность и профессиональное умение.

Профессор выпрямился, помолчал.

— Прошу понять меня правильно. Наша боевая

техника, наши навигационные приборы прекрасны — можно сказать, безупречны, но именно потому, что их применяют безупречные в своей работе советские люди. Я учу вас уважать технику, но не благоговеть перед ней. Война учит. Война учит нас на каждом шагу. Пример, приведенный мною только что, и вывод из него — это один из уроков войны. И я с гордостью признаю, что урок получен мною от моего бывшего ученика...

Расправив на столе свои заметки, профессор Грибов продолжал уже обычным тоном:

— Ну, а теперь обратимся к изучению предмета нашего курса, именно — девиации компаса...

МГНОВЕНИЕ

Экспедиция прибыла к озеру ночью.

Вскоре все уже спали в наспех разбитых палатках. Только молодой археолог Федотов ворочался в углу на кошме. Радостное нетерпение мешало ему заснуть.

Стоило зажмурить глаза, как начинало казаться, что он еще покачивается в седле. Горная тропа ведет круто вверх. Вдруг скалы расступаются, и видишь все вокруг на сотни километров. Марево зноя колышется над лесами. Однако успеваешь только бросить взгляд — и тотчас ныряешь вниз, в ущелье.

Спуск почти отвесный. Чувствуешь себя мухой, ползущей по стеклу. Доотказа натягиваешь повод, откидываешься на круп лошади. И вот уже дно ущелья. Быстрый ручей бойко побренькивает галькой. И только клочок неба сияет сверху, в узком просвете между скалами...

Федотов надеялся, что до таинственного горного озера, цели путешествия, доберутся засветло. Однако ночь застала еще в пути. Скрипя седлами, негромко

переговариваясь, двигались всадники, следуя вереницей за таджиком-проводником. Наконец что-то протяжно закричали впереди, и все остановились.

Большое водное пространство угадывалось у подножья спуска — оттуда тянуло прохладой, сыростью.

Но напрасно Федотов всматривался в темноту. Вдали виднелись не то тучи, не то горы, многопланный фон, — чем дальше, тем светлее. Рядом чернели силуэты деревьев.

— Оно? — спросил Федотов спутника почему-то шопотом. — Где же оно?..

— А вон, внизу!

Совсем близко было долгожданное озеро — вернее, звезды, отражавшиеся в нем. Звезды были очень яркие, большие, непривычно большие; они вспыхнули сразу все, будто кто-то раскрыл сундук с жемчужными ожерельями у самых ног.

Василий Николаевич, начальник экспедиции, приказал разбивать лагерь. Здесь предстояло ждать до утра.

Но как далеко еще было до утра!

Некоторые участники экспедиции заснули сразу. Другие долго умищивались, зевая и переговариваясь сонными голосами. Василий Николаевич, сидя на корточках, копошился у радиоприемника. Он искал в эфире Москву, — обычное его занятие по вечерам.

— Привычка, — пояснял он усмехаясь. — Где бы ни был: в командировке ли, дома ли, в экспедиции, всегда, прежде чем уснуть, стараюсь услышать бой часов на Спасской башне...

Федотов сердито натянул одеяло на голову.

— Не спится? — обернулся Василий Николаевич, и карманный фонарик, стоявший на полу, осветил снизу его полное доброе озабоченное лицо. —

И мис, представьте!.. Какая-то тревога в воздухе, не правда ли? Какое-то беспокойство разлито, ожидание чего-то. Как перед грозой... Это странно... Небо ясно, туч нет...

Он нагнулся над радиоприемником, продолжая вертеть верньер настройки.

Вдруг внятный женский голос сказал с протяжными, чуть гортанными интонациями:

— ...Выводите жителей из домов на площадь, разверните питательные и медицинские пункты. Центр, по нашим данным, пройдет далеко от города, однако не исключено, что...

Голос оборвался сразу, как и возник. Спокойно и размеренно передавал диктор последние известия, где-то попискивала морзянка, Лемешев пропел несколько тактов из «Снегурочки», — предостерегающий женский голос не появлялся больше, как ни вертели верньер.

— К кому она обращалась? Зачем? — недоумевающе бормотал Василий Николаевич. — Какой-то центр... Далеко от города... Вы что-нибудь поняли, товарищ Федотов?

Но тут, как капли с большой высоты, упали над миром двенадцать медленных гулких ударов.

...Улегся уже и Василий Николаевич и вскоре как-то по-детски зачмокал губами во сне. Два или три раза проводник выходил проведать стреноженных коней. А молодой археолог все не мог уснуть. Над странным предостережением, перехваченным по радио, думал недолго. Мысли вернулись к озеру, притаившемуся там, внизу.

Итак, он добрался до него наконец. Не очень быстро, спустя несколько лет после того, как впервые узнал о нем. Но все-таки добрался, как обещал.

Что бы сказала об этом девушка, которая послала его к озеру?.. «Ведь вы из тех, кто ловит солнечных зайчиков на стене», — пошутила она тогда. (Кажется, это была восточная поговорка, образное определение мечтателя.) Однако вот он здесь, на берегу горного озера, а завтра поутру вместе с водолазами спустится на дно его.

Федотов постарался представить себе наружность девушки. Странно! Это долго не удавалось ему. Почему-то лучше всего запомнились брови. Тоненькой полоской они сходились у переносицы, а к вискам приподнимались, отчего лицо казалось крылатым.

Но сначала он увидел ее в профиль. Она сидела на одной с ним скамейке, уткнувшись в книгу. Губы ее забавно шевелились — наверное, зубрила что-нибудь.

Федотов не успел ничего больше заметить, потому что между ними уселся очень толстый гражданин и тотчас же, удовлетворенно вздохнув, развернул «Вечернюю Москву».

Осень в том году была ранняя, но денек выдался солнечный, и все скамейки на Тверском бульваре были заняты.

За спиной звенели трамваи. Рядом хлопотливо осваивали мир малыши. С озабоченным видом они лепили песочные куличи, возили взад и вперед игрушечные грузовики и, пронзительно визжа, прыгали через веревочку.

Толстый гражданин, сидевший рядом с Федотовым, переменял позу. На мгновение мелькнул из-за газеты девичий профиль. Сейчас учебник лежал на коленях у девушки, а она мечтательно смотрела вдаль.

Она показалась Федотову очень красивой и таинственной.

Потом на бульваре появился щенок, такой лохматый, что глаз и носа почти не было видно. Его восхищали опавшие листья, которые, шурша, носились по дорожке, и он с радостным лаем гонялся за ними.

Федотов снова искоса взглянул на девушку и ужаснулся. Она смеялась!

В панике он приподнялся со скамьи, готовый бежать. Конечно же, смеялась над ним — неуклюжим провинциальным ротозеем, который пялит на девушек глаза.

Однако, проследив за направлением ее взгляда, он успокоился. Нельзя было без смеха наблюдать за забавными прыжками щенка.

— Сколько хлопот ему осенью, — ободрившись, сказал Федотов. — Все листья шуршат...

— Что?! — Сосед с газетой внезапно встрепенулся, как от толчка, и уставился на Федотова.

— Я говорю: шуршат листья, — пробормотал тот.

— А... — сказал сосед таким тоном, точно и не ожидал услышать от него ничего более умного, и снова уткнулся в газету.

Девушка задумчиво посмотрела на Федотова. Нет, это не был бульварный пристава, искатель приключений. Просто юнец лет восемнадцати, нечто долговязое, неуклюжее, светловолосое и очень робкое. Уши у него сейчас были пунцовые, как два пиона.

— Щенку очень весело осенью, — сказала она, протяжно и твердо выговаривая слова. — Ему кажется, что все листья играют с ним...

И она опять улыбнулась.

Так завязался разговор — с помощью щенка.

— Какой лохматый! — подивилась девушка.

— Да, странный, — подтвердил Федотов. — Я еще не видел таких.

Потом он вспомнил несколько подходящих к случаю историй о собаках.

Говорить приходилось очень громко, потому что любитель «Вечорки» попрежнему сидел между ними. Повидимому, он принадлежал к числу тех людей, которые прочитывают газету вплоть до объявлений. Федотов подумал, что они разговаривают с девушкой, как через стену.

Но не слишком удобно было и «стене». Толстяк стал раздраженно качать ногой, переброшенной через ногу. Тогда юноша и девушка скромно встали и ушли.

Федотов говорил и говорил не переставая. Он очень боялся, что его новая знакомая воспользуется первой же паузой в разговоре и скажет: «Ну, мне пора», или: «Извините, меня ждут». Нельзя было допускать пауз в разговоре.

— Я провалился на экзаменах в институт, — объявил он с места в карьер. И добавил: — Не хочу, чтобы вы думали обо мне лучше, чем я есть на самом деле...

По его словам, подвела «проклятая» математика, которая с детства не давалась ему.

— Но я одолею ее за зиму, — сказал Федотов. — Мне нужно одолеть ее! Не закончив института, я не смогу стать подводным археологом...

— Подводным?.. Никогда не слышала о такой профессии — подводный археолог.

— Все дело, может быть, в том, что я из Запорожья, — объяснил Федотов. — Неподалеку от нас строили Днепрогэс. А я очень хорошо ныряю...

Когда начали строить Днепрогэс, Федотов был еще мальчишкой. Летом, понятно, пропадал по целым дням у реки. На спор нырял и оставался почти ми-

нуту на дне Днепра, а для посрамления маловеров показывал вещественное доказательство — речной песок или гальку. Как-то он поднял со дна старинную русскую гривну, в другой раз — заржавленный наконечник копья.

Азарт его возрастал с каждой новой находкой. Но главный триумф был впереди. Однажды он нащупал на дне что-то тяжелое, твердое.

Именно в этом месте водолазы, расчищавшие русло для бетонных быков плотины, обнаружили целый клад. Это были доспехи времени Киевской Руси, много веков пролежавшие в речном песке. Огромный богатырский меч с длинной рукояткой едва поднимали на плечи четыре школьника, а Федотов, кряхтя, покатила за ними круглый щит.

Эта находка, обогатив местный краеведческий музей, вместе с тем определила и судьбу Федотова. Он не пошел ни в строительный техникум, ни в технологический институт, как большинство его сверстников. Он решил стать археологом, и именно подводным!..

Простодушная откровенность этого юноши подкупала. Нельзя было не ответить тем же.

— Вас тянет под воду, а меня в глубь земли, — пошутила девушка.

И она показала толстую книгу, которую держала в руках.

— «Курс сейсмологии», — вслух прочитал Федотов. — О землетрясениях... А я думал: не роман ли?

— Почему?

— У вас были такие глаза, когда вы закрыли книгу...

— Какие же?

— Мечтательные...

— Вы все подмсчаете... Я думала о будущем своей профессии.

— К тому времени, когда вы станете сейсмологом...

— Я стану им очень скоро. Я на третьем курсе.

Федотов не смог удержаться от вздоха, вспомнив о «проклятой» математике.

— Но ведь я значительно старше вас, — рассудительно сказала девушка. — Мне уже двадцать лет!

Они немного поспорили о том, солидный ли это возраст — двадцать лет, или еще не очень.

За разговором не заметили, как спустились по Столешникову переулку, прошли площадь Дзержинского и площадь Ногина и очутились на набережной.

— Смотрите-ка! — удивилась девушка. — Устьинский мост!

Длинная очередь медленно двигалась вниз по гранитным ступеням к пристани речных трамваев.

— Вы катались когда-нибудь на речном трамвае? — спросил Федотов.

— Никогда.

— И я никогда. Покатаемся?

Он соврал. Катался уже, и не раз. Катание на речном трамвае предпочитал всем остальным столичным развлечениям — может быть, потому, что это напоминало о Днепре.

— Как легко с вами разговаривать! — признался Федотов, когда они уселись на верхней палубе. — Вам не кажется, что мы знакомы много лет?

— Кажется.

— А ведь я не знаю даже, как вас зовут.

— Максумэ.

— Павел.

Смущенно улыбаясь, они обменялись рукопожатиями.

— Какое у вас красивое имя — Максумэ!.. Его можно петь.

Спутница Федотова посмотрела на него, не поворачивая головы, — уголком настороженного черного глаза. Что-то уж очень он расхрипался!..

— Как красиво на реке! — сказала она, осторожно переводя разговор на другую, более безопасную тему. — Город будто позолочен, правда?

Вертикальные сиреневые тени обозначали места, где улицы выходили к набережной. Многоэтажные дома были сплошь усыпаны блестками, — это заходящее солнце отражалось в окнах. Вода пылала; она текла медленно, тяжело, как расплавленный металл.

Но, мельком взглянув на воду, Федотов снова повернулся к девушке.

— Максумэ! — повторил он, бережно произнося понравившееся ему имя. — Это что-то восточное... Я сразу понял, что вы из какой-то сказочной страны...

— Я таджичка... У нас на самом деле много красивых сказок... Вот станете археологом, приезжайте в наши горы искать затонувший город...

Федотов удивился.

— Затонувший? Я никогда не слышал.. Где? Когда?

Затонувший город, по словам Максумэ, был одной из загадок древней исчезнувшей Согдианы.

. Когда-то это было могучее государство, одно из древнейших на территории СССР. Располагалось оно в бассейне реки Зеравшан, между средним течением Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Столица его называлась

Мараканд и находилась в районе теперешнего Самарканда.

Согдийцы были мужественными, свободолюбивыми людьми. В 329 году до нашей эры в пределы страны вторгся Александр Македонский и неожиданно получил отпор.

Засев в своих горных крепостях, запиравших вход в ущелья, согдийцы под руководством умного и храброго Спитамена оказывали македонским фалангам сопротивление в течение трех долгих лет.

Особенно упорно оборонялся один город (название его утеряно), стоявший на берегу озера.

На исходе третьего года запасы продовольствия кончились, начался голод, но жители не открывали ворот, предпочитая смерть позорному плену.

В борьбу людей вмешалась стихия.

Однажды, когда македоняне готовились идти на очередной приступ, вдруг земля заколебалась у них под ногами. Страшный подземный грохот заглушил звуки труб, бряцание оружия и воинственные клики.

Это было землетрясение. В горах Таджикистана, как известно, землетрясения очень часты.

На глазах уstraшенных воинов царя Александра край берега, где стоял город, со всеми его башнями и крепостными стенами, усеянными людьми, со ступенчатыми крутыми улицами и ветвистыми деревьями медленно сполз в озеро и скрылся в высоко взметнувшейся пене...

Федотов, не отрываясь, смотрел на Максумэ.

Эта странная история поразительно гармонировала с самой рассказчицей, с ее негромким гортанным голосом, с ее гордым и сумрачным крылатым лицом.

Максумэ замолчала, а Федотов все еще неподвижно сидел и смотрел на нее.

Пылкое воображение нарисовало перед ним красочную картину: широкое горное озеро, лагерь греческих воинов, охватывающий подковой осажденный согдийский город...

...С рассветом, будя эхо в горах, раздается рев сигнальной трубы.

Из греческих шатров выбегают воины, торопливо пристегивая металлические наручни, нахлобучивая на головы шлемы. Слышен звон сталкивающихся щитов, бряцание мечей. Греки строятся. Знаменитая македонская фаланга ошетибилась длинными копьями.

В суровом молчании защитники города ждут штурма — тридцатого или пятидесятого по счету. Площадь и узкие улицы пусты. Все население, способное носить оружие, сейчас на крепостных стенах. Бородатые лучники положили стрелы на тетивы луков. Женщины в пестрых, плотно облегающих тело одеждах склонились над ковшами, доверху наполненными кипящей смолой. Старики и подростки замерли подле груд камня. Все это — стрелы, камни, кипящая смола — сразу же хлынет на осаждающих, едва лишь те приблизятся к стенам.

А в храмах идут беспрестанные моления. Оттуда доносится дребезжание молитвенных гонгов и плач маленьких детей.

Снова хрипло проревела сигнальная труба.

Двинулись! Греки двинулись на приступ!..

Звеня щитами, греческая пехота спускается со склона. Она все ускоряет и ускоряет шаг. Вот уже бежит, подбадривая себя воинственными кликами, выставив вперед длинные копья.

Заскрипели приводимые в действие громоздкие осадные машины. Бегом проволокли к крепостному рву штурмовые лестницы.

Груба звучит пронзительнее, громче!..

И вдруг оборвался рев трубы. Короткая пауза. Что это?

Распался строй знаменитой фаланги. Воины Александра в ужасе разбегаются, роняя щиты и копья, падают наземь, прикрывая глаза плащом, чтобы не видеть, как страшно мстит завоевателям согдийская земля.

Скалы сдвинулись с места. Высокие деревья раскачиваются, как былинки. Все громче, все яростнее подземный грохот.

Земля уходит из-под ног. Сотнями гибнут македоняне в разверзающихся зловещих трещинах и под осыпающимися с гор камнями.

А те из греков, которым удалось укрыться на вершине горы, видят, как согдийский город, приготовившийся к отражению штурма, медленно удаляется, сползает в воду и исчезает в ней...

Федотов зажмурил глаза, снова открыл их.

— Я представил себе вас на стене осажденного города, — пояснил он. — На голове у вас был конусообразный шлем, а в руке копье...

— На стенах города могли быть и женщины. Один из греческих историков, современник Александра, свидетельствует, что женщины в Согдиане сражались бок о бок с мужчинами...

— Значит, история с затонувшим городом достоверна?

— Этому верят не все... Однако я слышала, что в полдень в ясную погоду удастся видеть развалины на дне.

— Я бы очень хотел их увидеть, — пробормотал Федотов.

Он сидел вполоборота к девушке и задум-

чиво смотрел на белый гребень пены, след за кормой.

— Родные горы подоспели на помощь, — продолжал он, как бы думая вслух. — Мгновенье — и отважные защитники города вместе с ним ушли вглубь от поражения и плена.

— О! Вы так понимаете легенду? — Максумэ быстро повернулась к нему. — Я понимаю иначе. Горы, по-моему, изменили им. Подумайте: три года подряд держаться против армии Александра, выстоять — и вдруг погибнуть от какого-то подземного толчка!..

— Вы сами сказали, что они предпочли бы смерть плену.

— И все-таки мне жаль их. Разве вам не жаль? В детстве, когда я слышала эту сказку, то воображала себя на стенах осажденного города рядом с его защитниками... Да, вы угадали. Только в руках у меня было не копьё...

— А что же?

— Какой-то особый прибор, с помощью которого можно повелевать стихиями. Я предотвращала землетрясение... Вам странно, что принимаю эту старую историю так близко к сердцу?

— Что вы! Нисколько!..

— Но ведь мы, таджики, — потомки древних согдийцев, — пояснила Максумэ, словно бы извиняясь за то, что с таким волнением рассказывает о землетрясении, случившемся более двух тысяч лет назад.

Она помолчала.

— Наверное, из-за этой истории я решила стать сейсмологом. Иногда трудно понять, почему человек выбирает ту или другую профессию...

— Это верно.

— А вот и Каменный мост... Сойдем здесь?

— Нет, нет, — испугался Федотов. — Я прошу вас. Ну, пожалуйста!.. Мы доедем до конца — до Бородинского моста.

— Однако вы хорошо разбираетесь в остановках, — лукаво сказала девушка. — А говорили, что не ездили на речном трамвае...

От воды потянуло прохладой.

Солнце уже село. Москву все больше окутывала синева сумерек. Город постепенно терял четкость очертаний, как бы медленно отдаляясь, уплывая в ночь. Поверхность реки стала однообразной, пепельно-серой.

Но вот зажглись уличные фонари, осветились окна в домах на набережной. Тотчас же по воде поплыли длинные желтые зигзаги и множество маленьких разноцветных веселых квадратиков. Москва-река надела свой вечерний наряд — темносиний, в блесках.

— И вы надеетесь когда-нибудь предотвращать землетрясения? — спросил Федотов, доверчиво глядя на гордое крылатое лицо, неясно белевшее в полутьме.

— Предотвращать?.. Нет. Предугадывать!.. Теперь-то я понимаю, что вмешиваться в грандиозные тектонические процессы не под силу человеку. Пока не под силу... Но можно и нужно добиваться того, чтобы отвести... Как это говорят военные? Да, «отвести угрозу внезапности», нависшую над мирными городами, поселками и деревнями. Ведь самое страшное в землетрясении — это внезапность, то, что землетрясение всегда застает врасплох. А нет на свете ничего страшнее растерянности, паники... Заметьте: землетрясения часто бывают ночью или на рассвете. Некоторые люди погибают во сне, другие не успевают

выбежать из домов, прыгают из окон, спросонок мечутся по узким коридорам, топча, давя друг друга. И в довершение всего вспыхивают пожары, которые лекому тушить... А каково тем, кого катастрофа застает в пути? Поезда стремглав летят под откос, неожиданно подымавшаяся волна топит пароходы... И все это происходит в мгновение ока! В одно короткое грозное мгновение!..

— Но как предугадать это мгновение?

— Мне еще не вполне ясно это. Но я рассуждаю так. Научились же метеорологи предупреждать заранее о надвигающихся холодах, о наводнении, урагане и других стихийных бедствиях. Люди заглянули в высокие слои атмосферы, в глубь океана. Почему же они не могут заглянуть в недра земли? Вернее, не заглянуть — не то слово, — прислушаться к тому, что творится в недрах земли.

Максумэ вытащила из «Курса сейсмологии» карандаш, служивший закладкой, и подняла его, держа навесу обеими руками.

— Нагнитесь! Поближе! — скомандовала она. — Вот я стараюсь сломать карандаш. Я гну его. Раздаются похрустыванья, треск. Вы слышите?

— Да.

— То же происходит и перед землетрясением в толще земли. Все жметса, шуршит, скрипит. Мощные пласты толщиной в десятки, сотни метров прогибаются, как этот карандаш в моих руках. Хруст и шорох нарастают, приближаются...

— Шаги катастрофы, — шопотом подсказал Федотов, увлеченный описанием землетрясения.

— Да, шаги... И вот — крак!.. Пласты не выдержали чудовищного напряжения. Катастрофа! Надлом! Она швырнула обломки карандаша за борт.

— До сих пор сейсмологи шли только по следам катастрофы. Спору нет, изучение землетрясений имеет большое теоретическое и практическое значение. На лекции наш профессор уподобил землетрясение фонарю, который зажигается на мгновение и освещает недра земли. Но этого мало. Мне, например, мало. Я хочу заглянуть в будущее, хочу опередить катастрофу.

— Кажется, начал понимать. Пограничные заставы на путях катастрофы?

— Выразились очень удачно. Да, своеобразные пограничные заставы. Длинная вереница специальных сейсмических постов в угрожаемой зоне. Мы будем там охранять наши города, мирный труд, отдых, сон наших советских людей, чутко прислушиваясь к таинственным подземным шорохам. В случае опасности сразу же оповестим о ней, чтобы можно было приготовиться. Укажем час землетрясения, определим его возможные размеры и эпицентр... Если опасность известна, более того, высчитана, измерена, — это почти уже не опасность.

— Когда же будет так?

— Ну, не знаю. Может быть, в 1956 году. Или в 1960-м.

Даже в темноте видно было, как сияют глаза Максумэ. Такая — оживленная, порывистая, словно сбросившая оковы замкнутости, — она еще больше нравилась Федотову. Юноша подумал о том, что даже некрасивые выглядят красивыми, когда говорят о любимом деле, о своем призвании. Но что же сказать тогда о такой красавице, как Максумэ?..

Первой опомнилась девушка.

— Я совсем заговорила вас! — Она со смущенным смехом отодвинулась от Федотова. — Бедненький!.. Я просто думала вслух.

И со свойственной ей стремительностью меняя тему, воскликнула:

— Поглядите-ка налево! Это Парк культуры и отдыха! Хорош, правда?

Слева по борту проплывали купы деревьев и сверкала гирлянда огней. Река повторяла прихотливый световой зигзаг. Желтые огоньки всплывали по пути катера, как кувшинки со дна.

С берега донеслась песня, — по воде звук летит очень далеко.

В то лето экраны столицы обошел новый фильм «Цирк». И всюду — в парках, в метро, в трамвае — москвичи напевали полюбившуюся им песенку из фильма. (Впоследствии ее начальные такты стали позывными наших радиостанций.)

Широка страна моя родная...

На нижней палубе катера тотчас же подхватили песню и, как мяч, перебросили вверх:

Много в ней лесов, полей и рек...

— Что же вы? Помогайте, девушка! — крикнул разбитной парень в красной спортивной майке.

Максумэ весело закивала и присоединилась к хору неожиданно сильным и высоким, металлического тембра, голосом.

— Складно! Очень хорошо! Теперь пойдет! — одобрительно заговорили вокруг. Федотов выпятил грудь, гордясь своей спутницей.

А речной трамвай все бежал и бежал вверх по Москве-реке. Мелькали тени деревьев, светлые квадраты окон. И по воде неслась песня:

Широка страна моя родная.

Много в ней лесов, полей и рек.

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

Так, с песней, они добрались до Бородинского моста.

— Вам куда? — спросила Максумэ Федотова, стоя на гранитных ступенях набережной.

— Я живу в общежитии туристов, на углу Смоленской площади.

— А я на Потылихе. Значит, в разные стороны... Нет, нет, провожать не надо! Ну, спасибо за хороший вечер!..

— Это я должен благодарить вас, — неуклюже пробормотал Федотов, задерживая в своей руке ее теплую маленькую руку. И вдруг добавил: — Я обязательно увижу затонувший город, о котором вы рассказывали!..

— О! — Девушка улыбнулась. В голосе ее прозвучали поддразнивающие нотки. — Значит, вы не из тех, кто ловит солнечных зайчиков на стене? Хозяин своего слова, настойчивый, волевой?.. Ну-ну!..

Легкой поступью она пересекла улицу и стала удаляться, энергично размахивая «Курсом сейсмологии». Федотов неподвижно стоял на тротуаре и смотрел ей вслед. Почувствовав его взгляд, Максумэ оглянулась и еще раз ласково кивнула.

— До свиданья, Павел, — донеслось до Федотова. Это в первый и последний раз за вечер она назвала его по имени...

Беспечность молодости! Он даже не узнал ее фамилии, не спросил адрес или телефон. Просто был слишком уверен в том, что найдет ее и без адреса. Судьба — так он считал — была на их стороне...

Федотов вернулся в Москву через год. Он бле-

стояще выдержал вступительные экзамены и был принят в институт.

Но с Максумэ он не встретился.

Напрасно гулял юноша по бульвару, где впервые увидел девушку с крылатым лицом. Напрасно высматривал ее в библиотеке Ленина, в которой занимаются студенты самых различных вузов. Напрасно дежурил у ворот университета в часы, когда заканчивались лекции.

Однажды в фойе театра ему показалось, что мимо прошла Максумэ. Он бросился за ней, расталкивая толпу, бормоча извинения, спотыкаясь о ноги сидевших на стульях вдоль стены.

— Максумэ! — позвал он.

На оклик обернулось удивленное женское лицо со светлыми реденькими бровями.

— Простите! Я ошибся... — пробормотал обескураженный Федотов.

Оказывается, Москва была слишком велика для него. Все получалось здесь не так, как в простоте своей воображал он в родном Запорожье.

Ему вспомнился толстяк с газетой, который в прошлом году сидел между ним и Максумэ на бульваре. Приходилось разговаривать тогда, как через стену. Может быть, и теперь их разделяет стена? Но уже настоящая, каменная? Разве нельзя предположить, что они живут в одном доме, только на разных квартирах, разгороженных капитальной стеной?..

Мысль об этом показалась Федотову такой обидной, что он решился, наконец, сделать то, с чего, собственно говоря, полагалось начать. Он пошел в канцелярию университета, где училась Максумэ.

— Вам что, товарищ? — сухо спросила заведующая канцелярией, вскидывая на него глаза.

— Я бы хотел узнать... затруднить, — пробормотал Федотов. — Мне нужен адрес одной вашей студентки... Она из Таджикистана, учится на четвертом курсе...

— Фамилия?

— Вот тут как раз затруднение... Я... я не знаю ее фамилии...

Он сказал это почти шопотом, пригнувшись к столу.

— Громче! Не слышу.

Федотов сделал судорожное глотательное движение. Ему показалось, что все девушки, сидящие в канцелярии, оторвались от бумаг, насторожились и иронически, вопросительно смотрят на него.

— Не знаю фамилии, — повторил он громче. — Зовут Максумэ. Она, видите ли, из Таджикистана и...

Он замолчал.

Заведующая открыла рот, чтобы сказать, что надо сначала узнать фамилию, а потом уже приходить за справкой, но, подняв глаза, встретила такой отчаянный, умоляющий взгляд, что, неожиданно для себя, смягчилась.

— Хорошо. Я посмотрю в карточках...

Вскоре из закоулка между шкафами раздался ее скрипучий голос:

— Каюмова Максумэ, тысяча девятьсот шестнадцатого года рождения... Подходит это вам?

— Да, да... Именно шестнадцатого года!..

— Каюмова у нас не учится. Перевелась в Ташкентский университет по семейным обстоятельствам...

Вначале с этим было трудно, почти невозможно примириться. Федотов собирался писать в Ташкент, но подоспели зачеты, — так и не собрался. Потом поехал на практику, впервые участвовал в археологи-

ческой экспедиции. Нахлынули новые яркие впечатления.

С годами воспоминание о девушке с крылатым лицом потускнело, он уже неясно представлял себе ее, зато все ярче, будто поднимаясь из воды, возникал перед его умственным взором таинственный затонувший город, одна из загадок древней Согдианы. Так получилось: девушка забылась, легенда — нет...

Федотов закончил институт и одновременно курсы Эпрона, ушел в армию (началась война), воевал, был ранен, демобилизовался, возвратился к прерванному войной любимому делу — к подводной археологии, новой отрасли советской археологии.

Федотова видели после войны на Черном море в районе древней Ольвии, отыскивающего под водой затонувшую старинную гавань. Его видели в Феодосии, рассматривающего мраморных львов, которых шквал выбросил на берег. Его видели у Чудского озера, когда он поднимал со дна заржавелые кольчуги тевтонов.

Так, шагая по дну рек, морей и озер, молодой археолог добрал и до прозрачного горного озера в горах Таджикистана. Он шел к нему издалека, в течение многих лет.

Предпринятые Федотовым розыски убедили его в том, что в основе легенды о затонувшем городе лежит исторический факт. Город действительно существовал. Однако затонул ли он? На этот счет высказывались сомнения. Предполагалось, что он был осажден воинами Александра, пал и после разграбления, в отместку за слишком упорное сопротивление, был разрушен. Его начисто сравнивали с землей.

Так ли это?..

До утра, до спуска на дно оставалось всего не-

сколько часов, но, как всегда бывает, они были самыми томительными.

Федотов с завистью прислушался к разноголосому храпу, от которого сотрясался брезентовый полог палатки.

Озеро, там внизу, под горой, волновалось, — это было слышно. Наверное, ветер поднимался в горах. Волны глухо ударили о берег. Что-то необычное чудилось Федотову в звуках прибоя.

Что же?..

Ага, прибой был не ритмичным, а каким-то лихорадочно-прерывистым, с паузами — как пульс у больного.

Очень медленно стал светлеть полог палатки, постепенно окрашиваясь в бледножелтый, затем в розовый цвет. Можно было вообразить, что находишься внутри пестрой морской раковины.

И эта раковина звучала! Все сильнее, все громче!.. Озеро, видно, разыгралось не на шутку.

Федотов не выдержал. Поспешно натянул сапоги, перебросил через плечо ремень с «Фэдом», — с фотоаппаратом не расставался никогда, — перешагнул через разметавшегося на кошке Василия Николаевича и вышел наружу.

Солнце только поднималось из-за гор. Лучи его еще не достигли озера, лежавшего в глубокой котловине, как бы в чаше. Со всех сторон подступали к нему крутые горы. Лес начинался у самой воды.

Туман, висевший над озером, придавал еще больше сказочного очарования зрелищу, которое открылось перед Федотовым. Туман колыбался, ходил ходуном, свивался в кольца.

С удивлением увидел Федотов, что верхушки сосен и скал светятся вокруг. Свечение было неярким,

спокойным, ровным. Как будто чья-то невидимая рука иллюминировала лес, развесив на деревьях и скалах фонарики. Если бы они горели в море, на верхушках мачт, Федотов с уверенностью сказал бы, что это огни святого Эльма, то-есть небольшие скопления атмосферного электричества.

Он не успел вникнуть в суть странного явления. Внимание было отвлечено. Солнце, наконец, озарило котловину.

Клубясь, медленно расходился туман. Все больше приоткрывалась поверхность озера. Цвет его менялся на глазах. Сначала оно было черным, как грифельная доска, потом начало светлеть, синеть, вдруг пробежала по нему золотистая рябь, и вот, пронизанное до дна косыми лучами, оно сделалось ослепительно голубым и прозрачным.

Федотов нагнулся над водой.

Нет, пока не видно еще. Рано! Проводник говорил, что бывает видно только в полдень, когда солнечные лучи падают почти отвесно. И даже в полдень удастся увидеть не всегда. Поверхность воды для этого должна быть совершенно гладкой, зеркально-гладкой.

Сказочное видение возникает тогда в хрустальной синеве. Покачиваются в такт колебаниям рыбацкой лодки полуразрушенные крепостные башни, белеют еле различимые прямоугольники домов.

Но видение смутно, расплывчато. Да и появляется оно только на миг. Потянуло ветром с гор, набежала быстрая рябь, и все исчезло внизу, без следа, как подводный мираж.

Может быть, это и впрямь мираж, обман зрения? За развалины города легко принять причудливые обломки скал, нагромождения подводных камней,

вокруг которых раскачиваются густые заросли водорослей.

Только спустившись на дно, можно решить эту загадку.

Федотов нетерпеливо взглянул на часы-браслет.

Ну, недолго уже осталось ждать! Через полчаса побудка, затем завтрак, и вот, наконец, Федотов и его помощники наденут водолазные скафандры, чтобы прямо с берега двинуться широким фронтом в глубь озера.

Он ясно представил себе, как бредет по улицам затонувшего города. Это будет удивительное путешествие — не только по дну озера, но и во времени.

Двадцатый век останется наверху, за сомкнувшейся над головой хрустально-синей преградой. Здесь, под водой, в зыбком струящемся сумраке, все еще четвертый век до нашей эры.

Водолазы осторожно ступают сапогами со свинцовыми подошвами по скользким, покрытым илом плитам древней мостовой. Подходят к домам, наполовину зарывшимся в песок. Распугивая рыб, раздвигают водоросли, закрывающие вход. Проникают внутрь, включают свет прожекторов, чтобы прочесть письма на стенах.

Потом бережно поднимают наверх бесценный археологический улов: оружие, черепки посуды, обломки камня с орнаментом и надписями...

Обидно, конечно, что тайну придется раскрывать по частям, отламывать, так сказать, по кусочкам. Насколько счастливее в этом отношении собратья Федотова по профессии — «сухопутные» археологи! Труд их бывает награжден сторицей, когда, отрытые с кропотливой тщательностью из-под пепла или из земли, предстают пред ними древние, исчезнувшие на

карте города — все целиком, от крыш до плит мостовой.

Федотов подумал о том, что, может быть, на этом горном озере устроят когда-нибудь каскад, подобный тому, который создали на Севане в Армении. Вода заструится вниз в равнины по ступеням гигантской лестницы. Уровень озера понизится. И тогда... О, тогда расступятся, наконец, зеркальные стены, ревниво оберегающие тайну! Вдруг прихлынет к берегу волна и вынесет затонувший город на песок, как большую сверкающую серебряной чешуей рыбу!

Молодой археолог так ушел в свои мечты, что забыл об окружающем. Вдруг отражение его пошло кругами в воде, замутилось.

Федотов в изумлении откинулся на скале, на которой сидел. Он ясно видел, что озеро мелеет.

С раскатом, подобным пушечному залпу, волна отпрянула от берега. Обнажились песок и длинные космы водорослей, тянувшиеся по песку за быстро убегавшей водой.

Все, что произошло вслед за этим, было похоже на сон.

Город всплывал на поверхность!

Первыми из яростных завихрений пены вынырнули башни, грозные даже сейчас. Потом под яркими лучами солнца засверкали купола странной конической формы. С берега Федотов не мог определить: металл ли это, особо ли искусная облицовка.

На площади торчали какие-то обелиски, а рядом, повалившись набок, лежали каменные изображения не то гриффов, не то крылатых быков.

Улицы города были круги, узки. Большинство домов ушло вил почти до половины, но некоторые, построенные на холмах, были видны очень хорошо.

Водоросли обвивали их, как плющ. Кое-где из-под зеленого покрова проступали багряные и оранжевые пятна. Наверное, стены домов были обложены разноцветным камнем. Стайка синих и красных рыбок, — теперь рыбы владели городом, — билась на плитах мостовой, пытаясь перепрыгнуть в уцелевшие лужи...

Да, несомненно, это была Согдиана! Древняя, сказочная Согдиана, отделенная от нас двумя десятками столетий...

Федотов заметил, что сидит в неудобной позе на земле. Его будто ветром сдуло со скалы, которая сместилась со своего места. Предостерегающее ворчание раздавалось под ногами.

Впечатление было такое, что где-то глубоко в недрах земли двигаются грузовики, целая колонна грузовиков. Она приближается. Вот уже совсем близко... И снова толчок! Словно бы кто-то рывком потянул землю из-под Федотова. Потом отпустил. И опять потянул.

Боковым зрением Федотов видел, как раскачиваются деревья. Со свистом катились мимо камни. Вдруг, будто юркая черная змейка, совсем рядом пробежала глубокая трещина.

Он понимал, что происходит, но почти не думал об опасности. Обеими руками очень крепко держал свой фотоаппарат и, наведя объектив на древний город, нажимал кнопку затвора, поворачивал барабанчик кассеты и снова нажимал... Федотов делал это в каком-то самозабвении, почти так же машинально, как нажимает гашетку пулеметчик в бою.

Три подземных толчка следовали очень быстро, один за другим. Последний толчок был самым сильным. Под ногами прокатился такой протяжный, все

нарастающий рев, как будто горы раскололись до основания.

Вертясь волчком в тесной котловине, отталкиваясь от ее склонов, с размаху налетая на них, горное эхо многократно повторило зловещие подземные удары.

От верхушки горы на противоположном берегу озера отделилось облачко и покатилося вниз, оставляя за собой широкую просеку в лесу.

Среди грома и треска Федотов все же различил слабый голос человека:

— ...тоу... я-агте же... я-агте!..—Это кричал сверху Василий Николаевич. — Федотов!.. Лягте же! Лягте!..

Все совершавшееся вокруг скользило как бы по краю сознания. Федотов не думал о себе, не мог думать в это мгновенье. Весь, без остатка, ушел в созерцание города, стараясь запомнить мельчайшую деталь. Успел даже подумать, что крылатые изображения на площади подтверждают догадку о влиянии Согдианы на культуру соседних с нею стран.

Чаша снова качнулась, — на этот раз в сторону Федотова. Грозная темносиняя волна шла на берег. Она была совершенно отвесной и достигала пяти или шести метров в высоту. По гребню ее, как огоньки, перебегали злые белые языки.

Она все больше перегибалась вперед, роняя клочья пены на песок. С грохотом обрушилась на парапет древней плотины, перевалила через нее, подмяла под себя.

Вода неслась теперь по узким крутым улицам, взлетая по ступенькам лестниц, заскакивая во дворы, вертясь в них с гиком, визгом, как вражеская конница, ворвавшаяся в город.

Зашатались и упали, точно кегли от толчка,obelisks на площади. В водоворотах пены в последний раз сверкнули конические купола.

Город, вызванный землетрясением на свет после двух с лишним тысячелетий, опять — со всеми своими дворцами, домами, крепостными башнями — исчез под водой...

Только тогда опомнился Федотов.

— Бегите!.. Бегите же!.. Смоет! — кричали ему из лагеря.

Федотов увидел приближение опасности и кинулся бежать прочь от озера.

Он мчался широкими прыжками, помогая себе руками, хватаясь за кустарник. Но и сейчас, когда озеро догоняло его, не забывал о своем фотоаппарате, придерживал, прижимал к груди, стараясь не задеть за дерево или камень.

Вода настигла Федотова на половине склона и с шипением обвилась вокруг ног.

Он сделал отчаянный бросок, поскользнулся в густой траве, едва не упал, но сверху протянулись к нему руки друзей и подхватили его.

У самого подножья палаток вода остановилась, как будто поняв, что уже не вернуть похищенную тайну. Она медленно, неохотно растекалась между деревьями. Потом поползла вниз.

— Счастье ваше, что берег крутой, — сказал кто-то. — Был бы отлогий, утащило бы вас в озеро, к чорту на рога!..

Федотов оглянулся с недоумением, будто просыпаясь.

— Вы сумасшедший, — накинулся на него Василий Николаевич. — Так рисковать!.. Скала рядом ходуном ходила.. Понимаете, ходуном! И камни с горы!..

— А ведь он еще фотографировал, Василий Николаевич! Наверное, полную кассету снял!

— Товарищ Федотов! Да вы ранены, голубчик!

Рубашка на Федотове была порвана в клочья, из раны в плече текла кровь. Только сейчас он заметил это и ощутил боль.

Встревожившийся Василий Николаевич приказал немедленно уложить Федотова на кошму в палатке и оказать медицинскую помощь.

Пока вокруг хлопотали с примочками и бинтами, археолог улыбался, отмалчивался. Весь еще был полон удивительным, неповторимым зрелищем.

Появление города, вынырнувшего со дна, напоминало миг вдохновенья. Так бывает чаще всего под утро, после бессонной ночи, проведенной за письменным столом. Вдруг неожиданно возникает мысль, догадка, долго не дававшаяся в руки, и мгновенно все озаряется ослепительно ярким светом!..

Снаружи звучали возбужденные голоса участников экспедиции, обменивавшихся впечатлениями.

Один еще ночью заметил, что нити электроскопа трепещут, поднимаясь и опадая, как крылья стрекозы. Другой обратил внимание на то, что в котловине почему-то нет птиц, но не придал этому значения. Василий Николаевич вспомнил о тревоге, овладевшей им с вечера. Все это, видимо, были вестники надвигающейся катастрофы.

«А голос? — хотел сказать Федотов. — Мы же слышали предостерегающий голос по радио?»

Но в этот момент раздался приближающийся конский топот. Кто-то карьером взлетел на гору. Гортанно перекликаясь, забегали проводники. Наконец им удалось схватить коня под уздцы, и всадник легко соскочил наземь.

— Все ли благополучно у вас? Никто не пострадал? — спросил задыхающийся взволнованный женский голос. — Водолазы не спускались под воду? Нет?..

Женщина с облегчением перевела дух.

— Я так боялась, что землетрясение застанет ваших работников под водой!..

— Послушайте! — сказал Василий Николаевич с удивлением. — А ведь я узнал вас! Вернее, голос! Это вы вчера говорили по радио?

— Да. Но я тогда еще не знала, что к озеру прибыла экспедиция. Нас поздно предупредили. Из Самарканда позвонили по телефону только полчаса назад.

Участники экспедиции взволнованно загомонили, перебивая друг друга. Федотов представил себя, как они обступили и забрасывают вопросами женщину, прискакавшую в лагерь. Наконец разноголосую сумятицу покрыл густой рокошущий бас Василия Николаевича.

— Но кто же вы? — закричал он почти сердито. — Почему сообщили о землетрясении еще вчера?

— Я сейсмолог, — просто ответила женщина. — Я обязана знать о землетрясении заранее.

— И вы знали?..

— Не я одна. Я начальник центрального поста. Ко мне стекаются сообщения из других постов, расположенных на моем участке. Они, видите ли, разбиты в шахматном порядке, на расстоянии пятидесяти километров друг от друга. Так удобнее пеленговать и...

Федотов не расслышал вопроса.

— Конечно, — ответила женщина. — Бурят скважину. Глубоко! До двух километров! На дне ее уста-

навливают звукоприемник, прибор, который улавливает звуки различных тонов. Они передаются по проводам, выходящим из скважины на поверхность, при помощи светового луча записываются на фотопленку...

— Землетрясение фотографируют?

— Не только землетрясение, даже приближение его! Землетрясение предвещают звуки низкой частоты — шумы, гул. Понимаете, поверхности пластов начинают скользить, трение увеличивается... Вчера вечером на фотопленке были замечены зловещие зигзаги. Размах подземного маятника делался все длиннее и длиннее. Кроме того, мы стали получать сообщения и о других побочных признаках. Увеличилось число ионов в атмосфере, усилилось напряжение электрического поля. Все, как говорится, одно к одному... Землетрясение приближалось... Тогда я и сделала свое предупреждение по радио...

Кто-то нетерпеливо спросил:

— Вы были уверены не только во времени, но и в районе будущего землетрясения?

— Вполне. Важно, чтобы наблюдение велось непрерывно и охватывало возможно более обширную территорию... О, с нашими горами нужно держать ухо востро! Они у нас молодые, по молодости лет шалят...

Женщина засмеялась. Смех показался Федотову знакомым.

— Разумеется, относительно молодые, — пояснила женщина. — Их возраст всего каких-нибудь несколько миллионов лет. Но они еще продолжают формироваться.

— А Урал?

— Ну, Урал — старичок. Он совершенно безопасен. Опасны горы, которые входят в пояс разлома,

в ту складку, которая опоясывает весь земной шар и тянется к нам от Пиренеев через Альпы, Карпаты, Крым, Кавказ, Копет-Даг...

Видимо, Василий Николаевич собирался подступить к сейсмологу с новым мудреным вопросом, но на него зашикали:

— Да подождите вы, Василий Николаевич! Дайте самое важное узнать... Скажите, товарищ сейсмолог: благополучно ли все обошлось, не было ли жертв?

— Нет! — По голосу Федотов понял, что женщина оживилась. — Нет, не было! Эпицентр землетрясения прошел юго-восточнее одного из городов. Я так и предполагала. По телефону сообщили: есть разрушения, из людей не пострадал никто. Ведь мы предупредили всех еще в полночь, за несколько часов до землетрясения. Конечно, эти часы были тревожными. Провести их пришлось под открытым небом на бульварах и площадях. Но ведь ночи еще теплые.

— Я встану, — сказал Федотов слабым, но решительным голосом и отстранил поддерживавших его товарищей. — Нет, нет! Я обязательно встану. Я чувствую себя уже хорошо...

— Да ты в уме? Ты ранен. У тебя поднимется температура...

— Чорт с ней, с температурой! Нет, братцы, не могу лежать! Пустите! Я потом объясню. Вы не понимаете ничего!..

Пошатываясь, он вышел из палатки и остановился на пороге, придерживаясь за брезент.

Да, это была Максумэ. Он сразу же узнал ее, хотя в черных косах появились серебристые пряди.

Голова ее была не покрыта — видно, выбежала из дому, как была.

На Максумэ был белый халат, придававший ей вид врача. «Стетоскопа в кармане нехватает», — подумал Федотов.

Она смотрела на Федотова широко раскрытыми, ясными глазами, не узнавая его.

— О! Есть раненый! — воскликнула Максумэ с огорчением.

— Я видел затонувший город, — сказал Федотов вместо приветствия. — Я добрался до города!

— Не понимаю.

Ей принялись наперебой объяснять, почему у Федотова забинтованы плечо и голова, показывали то как фотоаппарат, попрежнему висевший у него на шее, то на колыхавшееся внизу озеро. Максумэ только вертела из стороны в сторону головой, недоумевающе улыбалась, пожимала плечами.

— Я сам объясню, без комментаторов, — сказал Федотов сердито и, шагнув вперед, отстранил археологов, теснившихся подле Максумэ.

— Вы просто не узнали меня, — произнес он мягко, обращаясь к ней. — Я Павел. Помните?

И, к изумлению Василия Николаевича и других, принялся перечислять, не спуская глаз с девушки:

— Москва, 1936 год, лохматый щенок на бульваре, гражданин с газетой, потом речной трамвай, разговор о Согдиане и о будущей вашей профессии, сломанный карандаш, полетевший за борт, и, наконец...

— А! Довольно! Я узнала вас!..

Максумэ не тронулась с места, но глаза ее под высоко вскинутыми широкими бровями засияли.

— Значит, вы добрались до озера?

— Как видите.

— Теперь сможете спокойно работать под водой...

— Конечно. Будете охранять меня.

— Да. Если возникнет опасность, я сразу же сообщу в ваш лагерь. Но, судя по ряду признаков, грозное мгновение повторится не скоро...

— А ведь я остановил мгновение, Максумэ! — сказал Федотов, не отрывая взгляда от милого крылатого лица. Снова, как много лет назад на Москве-реке, почти не замечал окружающих людей, будто на берегу пустынного горного озера остались только двое: он и Максумэ. — Я запечатлел на фото-пленке то, что неповторимо.

— Затонувший город?

— Да. Вот он — здесь!..

И молодой археолог поднял на ладони и показал Максумэ фотоаппарат, на отполированной поверхности которого скользнул быстрый солнечный зайчик.

ПОПРАВКА К ЛОЦИИ

На одной вечеринке зашла речь о том, как удивительно меняется сейчас география нашей родины. Советские люди вырачивают в пустынях леса, создают новые моря, поворачивают русла рек — в общем в мирных условиях переделывают по-своему свою землю.

— Почему же только в мирных условиях? — удивился хозяин дома, офицер флота. — И на фронте случалось, что советские люди меняли географию того или иного района.

Он уточнил с военной педантичностью:

— Если этого, конечно, требовала обстановка.

Кое-кто из гостей выразил сомнение.

— Да зачем за примером далеко ходить? — разгорячился хозяин. — Вот он вам, пример!.. Иван Акинфиевич Демин!

И указал на пожилого молчаливого моряка, который в течение всей вечеринки скромно сидел в уголке у патефона и по указанию танцующих менял пластинки.

Все с удивлением посмотрели на него.

— Нет, правда! — продолжал хозяин. — Горы с места сдвигал!

— Уж и горы... — смущенно сказал Иван Акинфиевич. — Скалу одну в шхерах убрал, только и всего.

— А на скале на этой весь шхерный район держался, как на оси! Не из-за тебя, скажешь, пришлось в лоцию поправку вносить?

Хозяин шагнул к книжной полке, снял «Лоцию Балтийского моря» и, найдя нужную страницу, прочел вслух:

— «...в районе же банки Ранкинматала на подходах к городу К... старые створные знаки изменены в результате боевой деятельности советских военных моряков...» Не ты разве этот самый моряк?

Заинтересованные гости подступили к Ивану Акинфиевичу с расспросами.

Он попытался отделаться шуткой: «Пришел, увидел, подорвал». «А вы поярче! С подробностями!» — закричали вскруг. Тогда он принялся излагать события языком реляции: «Оценив обстановку...», «Приняв решение...» и, наконец: «Приказ командования был выполнен».

Помогать Ивану Акинфиевичу взялся хозяин дома.

В результате их соединенных усилий получился более или менее связный рассказ...

* * *

Шхерная эпопея Демина началась с вызова к контр-адмиралу.

Можно было ожидать благосклонного разговора, даже похвал, — на прошлой неделе катер Демина подбил немецкую быстроходную десантную баржу. Но был возможен и нагоняй — на Демина нажаловался

начальник санчасти, придравшийся к его коку за отсутствие гигиены в камбузе.

— Зачем меня вызывает адмирал, не знаете? — вполголоса спросил Демин начальника штаба, проходившего через приемную.

— На берег списывают, — также вполголоса ответил тот и непонятно чему усмехнулся.

Демин оторопел.

«Как на берег? За что?..»

— Ты почему сердитый? — удивился адмирал, увидев вытянувшееся лицо Демина.

— Я ему сказал, что на берег списываем, — пояснил начальник штаба, раскладывая на столе бумаги для доклада. — Он и перепугался.

— Так ведь на какой берег... На вражеский!

Адмирал подвел Демина к большой — во всю стену — карте.

— Вот, стало быть, где ты будешь находиться. В самом осином гнезде... Не беспокойся, не обленишься!

Палец его быстро прочертил зигзаг от опушки в глубь шхер и остановился в точке, которую в лоциях называют узлом, или стыком, фарватеров.

— Это продольный, это входной фарватер. Вот маяк. Разноцветные дуги вокруг — предупредительные огни маяка. Сам понимаешь: теснота, камней всяких, островов... И есть среди них один островок... — Палец чуть отодвинулся от маяка. — Безымянный, безлюдный. Куча скал и полдюжета сосенок на скалах. — Широкой ладонью контр-адмирал прикрыл островок. — Сюда и высадят тебя, понимаешь? С почестями будут высаживать, с иллюминацией. Только чествование устроят подальше, милях в пяти, на плесе перед гитлеровскими береговыми батареями...

Так и сделали.

В августе на Балтике кончается пора белых ночей, но перед батареями и летом не бывало так светло, как в ту ночь. «Люстры» качались над морем, подвешенные в несколько ярусов. Некоторые только что вспыхнули и горели, медленно опускаясь на парашютах, другие, догорев, рассыпались снопом искр над самой водой.

Гитлеровцы стреляли осветительными снарядами с перелетом, создавая светлый фон позади кораблей, подошедших к берегу. Советским артиллеристам ракеты не требовались, — на берегу загорелся лес, и с моря стали хорошо видны приземистые силуэты блокгаузов.

Вдруг, развернувшись под огнем, корабли легли на обратный курс и исчезли так же внезапно, как появились.

События той ночи хвастливое немецко-фашистское командование представило, как свою победу, — русские-де не сумели высадить на побережье десант. Однако десант был высажен. Ценой большого риска со стороны отвлекающей группы одному из катеров удалось незаметно проникнуть в глубь шхер и забросить на перекресток шхерных дорог человека, который стоял в тех условиях доброго батальона морской пехоты.

Этим человеком был Демин.

Катерники знали, что в их распоряжении считанные минуты. Они проворно расчистили на острове углубление между камнями, превратив его в жилище, натянули между соснами антенну, а на рога стереотрубы накинули камуфлированную сеть.

— Пора, — предупредил Демин, взглянув на часы. Стиснул руку командиру катера. — Счастливого плавания вам!

— И вам также!..

Всплеск. Приглушенный рокот мотора. И вот уж он один в шхерах, на клочке вражеской территории, окруженный сумрачно чернеющей водой.

Демин думал о Балтике. Умственный взор его охватывал сразу все, всю панораму балтийского театра от левого фланга на латвийском побережье до правого, упершегося в зубрины финских шхер. Где-то справа был и он, разведчик, пост морской разведки, вынесенный далеко за линию фронта.

Он чувствовал себя частицей огромного, удивительно слаженного механизма наступления. Балтика за его спиной поднималась, готовая к броску. И это сознание своей неразрывной связи с наступающей громадой флота, с его стремительными торпедными катерами, с его морской авиацией, с его эсминцами, крейсерами, линкорами наполняло Демина гордостью.

Перед рассветом мимо прошло несколько шхун. Маяк заработал, указывая путь среди островков и банок. Демин загляделся на мигающий зрачок в ночи. Крыша маяка была конусообразной, как абажур, и ему пришли на память слова, сказанные адмиралом вместо напутствия:

— У самой лампы всего светлее...

Сидя у «лампы», Демин наблюдал день за днем, как проплывают караваны: лайбы, груженные доотказа, сидящие гораздо глубже ватерлинии, черные угольщики и нефтевозы, верткие шюцкоры, полосатые, как гиены.

Куда приятнее было бы сейчас нажать кнопку стреляющего приспособления. Но надо надавливать на радиоключ, выстукивая донесение: «точка, тире, точка, тире, тире...» Товарищи Демина,

катерники, мчатся по его вызову наперехват вражеских караванов.

В наушниках слышатся шорох, свист, стрекотание морзянки, появляется и исчезает музыка. Диктор произносит размеренным голосом: «Семь часов сорок пять минут по московскому времени. Передаем последние известия...»

Демин продолжает вращать верньер настройки. В сутолоке эфира он различает отрывистую команду на русском языке. Это командиры катеров переговариваются по радиофону.

Отголоски далекого боя доносятся до разведчика в его тайном убежище. Ловя отрывки фраз, отдельные слова, Демин старается догадаться о том, что происходит у опушки шхер. Он представляет себе, как грохочет эхо среди скал, белыми призраками встают всплески в мрачных коридорах и, запрокинувшись на корму, тонут вражеские корабли.

На обратном пути, радостные, торжествующие, катерники обмениваются впечатлениями:

— Ну и куш был!

— Не ждали нас. Как снег на голову!

— Демину нашему спасибо! Во-время постучал на базу.

— Хорошо воюет Демин! Точный, как часы!

Гитлеровцы, конечно, не могли не слышать чужую рацию, работавшую у них под боком. Но запеленговать ее было нельзя. Едва пристраивались к волне, как та пропадала, нырнув в эфир. Настойчиво-дерзкий щебет морзянки возникал через несколько секунд на новой волне и опять пропадал.

Точно шапкой-невидимкой прикрылся разведчик на своем безымянном острове.

Он лежит в низкой пещере, — сидеть нельзя, можно только лежать. Справа от него аккумуляторы радиации, сумка с подрывным имуществом, слева запасы пищи и анкерок с водой.

Нескончаемо долго тянутся часы ожидания. Глаза разведчика слипаются и слезятся от блеска воды, от долгой бессонной вахты.

Однообразные скалы вокруг, темнокрасные, с прозеленью, отвесно падающие в воду. Остроконечные камни чернеют под водой, — моряки называют их «ведьмами».

В детстве Демин учил в школе: «Шхеры — скопление у берега небольших скалистых островов с узкими проливами между ними. В Советском Союзе шхеры есть в Финском заливе и на Ладоге».

В миниатюрных размерах были здесь и мысы, и перешейки, и проливы. И все можно окинуть сразу одним взглядом.

Усыпляюще шелестит волна, обегая деминский остров.

В такое время для Демина развлечением было наблюдать через пролив своих «соседей», жителей маяка.

Поворачивал в их сторону стереогрубу, сообразуясь с тем, в какой части горизонта солнце, — не отразился бы луч от стекла объектива.

Площадка маяка была перед ним как на ладони. К башне примыкала жилая пристройка, окрашенная очень пестро, согласно финскому вкусу: стены желтым, ставни красным, двери яркоголубым. Кусты можжевельника, заменявшего сад, стлались по двору, судорожно цепляясь корнями за землю.

Чаще всего Демин видел расхаживавшего подле дома немецкого унтер-офицера, смотрителя маяка. Что-то крысиное было в нем. Издали казалось, что

передвигается на четвереньках, — сутулые плечи придавали ему такой вид. Под его командой было двое солдат. Один, низкорослый, толстый, со сжатым в кулачок лицом, возился день-деньской с удочками и сетями. Второй, тощий дылда, проводил большую часть времени в доме. Выходя посидеть на солнышке, развлекался тем, что стрелял влет по чайкам. Даже на рыбную ловлю уходил, повесив автомат на шею.

Судя по всему, работы на маяке было немного. Ночью зажигали огни только при проходе кораблей. Днем башня маяка служила одним из створных знаков. Внимательно наблюдая за тем, как ложатся на створ корабли, разведчик понял, что вторым створным знаком была вершина его острова.

Иногда по вечерам Демин выбирался из своего укрытия, чтобы подышать свежим воздухом, и усаживался на скале, изборозженной трещинами, будто исписанной древними рунами, смысл которых уже нельзя было разгадать.

Он сидел не шевелясь, обхватив колени руками, погруженный в задумчивость, сам издали похожий на камень.

Это была пауза, короткий отдых.

В ту ночь пришло в голову, что странным образом сбывается то, о чем читал в детстве. Правда, не Южный крест сияет над ним, а ковш Большой Медведицы. И не тропическое море искрится вокруг, а металлом отливают Балтийское. Но нет ли в теперешнем его положении сходства с положением Робинзона? Новый шхерный Робинзон... только без Пятницы.

Он услышал плеск, но не обратил на него внимания, думая, что это играет рыба. Потом у подножья острова что-то сверкнуло. Чешуя? Нет. Опять сверк-

нуло в том же месте. Предмет был круглым и покачивался на волне.

Демину почудилось, что это бутылка, которая неизменно присутствует в морских романах для того, чтобы можно было вынуть из нее послание, рассказывающее о каком-то несчастии. Он стряхнул наваждение и сбежал к воде.

Это была мина. Ее сорвало с якоря и прибило к острову.

Соседство было самым опасным. Увидев мину, гитлеровцы могли расстрелять ее с корабля или выслать за ней шлюпку и разрядить. В первом случае они разметали бы жилище разведчика впрах, во втором, подойдя к острову, обнаружили бы, что он обитаем.

Демин попытался веслом отвести мину на чистую воду, надеясь, что ее подхватит и унесет. Весло соскакивало. Демин чуть было не упал, оступившись на скользких камнях. Пришлось спускать надувную шлюпку.

В разрывах быстро бегущих облаков появлялась и исчезала луна. Действовать можно было только в той части пролива, на которую остров отбрасывал тень. Маяк был затемнен, но кто знает, не смотрели ли сейчас оттуда.

Лодка качалась, мина качалась. Потихоньку передвигая рогатый шар, похожий на череп, Демин не мог отделаться от ощущения, что это смерть его вертится у него в руках. Сорвется, ударится колпаком о камень и...

Наконец тросиком зацепил мину за рым и отбуксировал почти на середину пролива.

Утром он увидел, что прибудная мина снова жмет к острову. Ветер не переменился за ночь, и она вернулась на старое место.

Весь день (это был третий день его пребывания во вражеских шхерах) Демин пролежал в своей пещере с ощущением, что шапка-невидимка совсем непрочно держится на затылке. По счастью, кораблей не было, а со стороны маяка мину, повидимому, заслонял камень.

Ночью, по пояс в воде, разведчик подобрался к ней и с тысячью предосторожностей разрядил. Потом, ругая ее вполголоса, подвел к берегу. Мина была шхерная, небольших размеров, и после нескольких неудачных попыток ему удалось вкатить ее в свою пещеру. Это было единственное место, где можно было спрятать ее от постороннего взгляда.

Теперь ему пришлось потесниться. Ноги можно было вытягивать лишь попеременно: то одну, то другую. И как ни исхитрялся, как ни натягивал на себя шинель, спине было очень холодно от железа.

Он позволил себе роскошь — включил передачу из Москвы. Долго роскошествовать было нельзя, — приходилось экономить аккумуляторы.

Замолк голос родины. Снова слышен лишь немолчный тоскливый вой ветра. Брызги с шипением перехлестывали через остров. Задувал зюйд-вест.

Демин заснул, потому что был вконец измучен возней на взморье.

Очнулся он от частых выстрелов. Пули стучали по камням над его головой.

Он овладел собой мгновенно. У опытных разведчиков не бывает вяло-дремотного перехода от сна к бодрствованию. Мозг Демина с места взял предельную скорость. Первым делом отстучать на базу о вынужденном прекращении передач! Потом принять бой! Когда ясно станет, что спасение невозможно, подо-

рвать себя, рацию с часами и синхронным механизмом. Уйти с безыменного острова, не оставив следов!

Выстрелы смолкли. Не снимая пальца с ключа, Демин глянул в узкую щель.

Метрах в тридцати от него покачивалась шлюпка с двумя гитлеровскими солдатами. Толстяк смеялся, развалиясь на корме. Тощий дылда стоял, расставив ноги, часто мигая. В руках у него был автомат.

— А я говорю, попал, — донеслось до разведчика. — Ты проиграл!

— Сядь, Франц, — пробормотал толстяк между двумя судорожными приступами веселья. — Сядь, перевернешь лодку.

— К чорту! — сердито отмахнулся Франц и действительно чуть было не упал, зацепившись за удочки. — Не веришь — подъедем к этим камням. Я докажу, что попал, дурень ты!

Рывком весел он двинул шлюпку вперед. Завязалась борьба, сопровождавшаяся перебранкой. Видимо, до этого оба не раз прикладывались к фляжке.

Тощий дылда с пьяной настойчивостью порывался к острову, более трезвый толстяк отнимал у него весла, уговаривал сесть. Шлюпка раскачивалась, вертелась волчком. Течение подносило ее все ближе и ближе.

Медленно ведя за ней дуло автомата, Демин не спускал Франца с мушки. Да, так надо было сделать. Сначала его, потому что он вооружен. За ним другого...

Но когда шлюпка очутилась почти у берега, толстяку, наконец, удалось перехватить весла. Не оглядываясь, он погнал шлюпку быстрыми толчками назад к маяку.

Демин перевел дух.

Куда же все-таки метил Франц: в чайку, в ствол сосны, в приметный камень на вершине?

Хорошо еще, что не прошил очередью мину. Черной неблагодарностью отплатила бы она тогда за оказанное ей гостеприимство.

И вдруг справа от себя Демин услышал журчание.

Так и есть! Проклятый Франц попал, и спяну совсем не туда, куда метил. Случайная пуля пробилла аккумуляторы, и драгоценная жидкость — электролит — вытекла.

Быть может, удастся еще поработать, пока хоть что-нибудь плещется на дне? Демин с лихорадочной быстротой застучал на ключе, но обнаружил, что накал ламп быстро садится.

Он стал выяснять причину. Оказалось, что фашистская пуля застряла внутри аккумулятора и замянула пластинки электродов.

Это было самое ужасное из того, что могло произойти. Случайно, сам не подозревая об этом, пьянчуга выбил оружие из рук Демина. Разведчик был теперь нем и глух.

Что пользы в том, что он еще зрячий? (Стереотруба уцелела.) Все равно не сможет сообщить на базу об увиденном. Рядом безнаказанно станут шнырять вражеские корабли, а он будет обречен на бездействие.

Мало того. Теперь Демин не сможет вернуться домой. Катер должен был прийти за ним на пятую ночь, но ведь на базе приняли радиogramму о том, что разведчик обнаружен, что он собирается подорвать себя и радию. Радиogramма была последней. Радиция прекратила работу. Значит, Демина уже нет в живых...

Весь день разведчик не отрывался от стереотрубы. Мимо проходили караваны, — он заставлял себя не обращать на них внимания.

Сейчас его должно интересовать только то, что творится по ту сторону узкого пролива — на маяке и во дворе перед маяком. Это уже не простое любопытство, развлечение, как было раньше. Нет, это нужно для пользы дела.

Пытливым взглядом обводил разведчик кусты лесной малины и шиповника, окружавшие дворик. Они довольно высоки. Можно незаметно проползти в кустах до самой стены.

Он внимательно осмотрел стену. Правый угол немного обвалился. Здесь удобнее всего проникнуть внутрь двора.

Потом, держась у стены, прячась в ее тени, он доберется до деревянного сарайчика, стоящего поодаль дома! Этот сарайчик привлекал особое внимание Демина. Он был почти уверен в том, что там находятся аккумуляторы.

Когда ветер дул со стороны маяка, Демин явственно различал прерывистый, с покашливанием и чиханием, стук движка. Несомненно, в сарайчике производили перезарядку аккумуляторов, которые давали энергию для питания фснэра на маяке. Возможно, что там хранились и запасные аккумуляторы для переносных фонарей.

Итак, задача ясна: во что бы то ни стало добыть трофейный аккумулятор!

Для набеговой операции Демин выбрал время перед рассветом, когда сон всего крепче. Место высадки было облюбовано заранее.

Переправившись в надувной лодке через пролив, он скользнул по склону вверх. Все было тихо вокруг.

Он прополз вдоль кустарника к стене, перелез через нее. Оглянулся — никого. Прислушался — только волны мерно ударяют о берег.

В несколько прыжков Демин очутился подле сарая. Как он и ожидал, дверь была только притворена, не заперта.

Прежде чем переступить через порог, разведчик еще раз оглянулся. Двор был пуст.

Где-то в ветвях коротко вскрикнула во сне какая-то птица. И опять тишина. Из сарая на Демина пахнуло сыростью. Он шагнул внутрь.

Отставив в сторону автомат и присвечивая себе карманным фонариком, Демин склонился над грудami разнообразного скарба, которым запасался впрок хозяйственный смотритель маяка. Чорт знает! Аккумуляторов нет.

Нетерпеливый толчок в спину заставил Демина вскочить на ноги и обернуться. Перед ним стоял тотщий дылда, тотчас же отскочивший и поднявший автомат.

— Руки вверх! Руки! — невнятно бормотал он.

Демин послушно поднял руки. Одновременно приемом, разученным еще в училище, выбросил вперед и вверх ногу и носком подбил ствол автомата.

Торопливо хлестнула над головой очередь.

Попрежнему молча Демин бросился на гитлеровца.

Они стояли, качаясь, тяжело дыша, ломая друг друга, выкручивая, вырывая автомат. Потом грузно упали, не разжимая объятий. Рядом металась их тень, точно рефери, отсчитывающий секунды на ринге.

Вдруг в глазах гитлеровца мелькнула радость. Не оглядываясь, Демин понял, что кто-то новый появился во дворе.

Второй солдат навалился на Демина, с силой выкручивал руку, державшую автомат.

Разведчик почувствовал, что слабеет. От нестерпимой боли, пронизавшей руку до плеча, пальцы мало-помалу разжимались, выпускали автомат. Надежда уходила меж пальцев.

Краем глаза он заметил, что из черного провала дверей выглянул третий гитлеровец. Трое против одного!

Отчаяние подхлестнуло Демина. Головой ударил толстяка в лицо; волоча его за собой, прополз несколько метров. Высвободив левую руку, схватил лопату, стоявшую у стены, ударил наотмашь. Толстяк отвалился.

Франц, дико крича, отскочил от Демина, — в руках у того уже был автомат.

Выстрел!.. Выстрел!..

Унтер-офицер метнулся назад в дом. Каблуки его быстро простучали по лестнице.

Телефон! На маяке должен быть телефон! Демин бросился вдогонку за унтер-офицером.

Он не рассмотрел комнаты, куда вбежал. Видел перед собой только телефон на стене и гитлеровца, срывающего трубку с крючка. Выстрелил в упор. Гитлеровец пополз вниз, цепляясь за стену. Демин на лету перехватил трубку, не дал ей упасть.

Там по-комариному попискивало. Поколебавшись секунду, разведчик приблизил трубку ко рту.

— Слушаю вас, — сказал он по-немецки, сипло и с напряжением, как будто голосовые связки были сорваны.

— Шульц? — спросила трубка. — Это вы, Шульц?.. Алло!..

— Слушает Шульц.

— Почему говорите так? Что с голосом?

— Простудился. Горло болит.

— Ага... Как Винтер и Штубе?

— Спят.

— Разбудите их... Вот что, Шульц! Большой караван пройдет мимо маяка через полчаса. Поняли? Проверьте вешки у Ранкинматала. Слышите меня?.. Алло! Алло! Почему не отвечаете?

— Да. Проверить вешки у Ранкинматала.

— Правильно. Все нормально у вас на маяке?

— Да.

— Тогда все. Счастливо, Шульц.

— До свиданья.

Он долго не мог повесить трубку обратно на крючок: дрожали пальцы, а глаза были прикованы к будильнику, висевшему на стене. Часы показывали половину шестого.

Даже если бы у него были аккумуляторы и он передал бы сообщение на базу, катеры не успели бы перехватить караван.

Что же делать? Ведь он сейчас хозяин маяка!

Нет, все к чорту! Все зря! Вражеский караван уйдет от облавы!

Никак нельзя было примириться с этим. Все существо моряка страстно протестовало против этого. Казалось, надо додумать, понять что-то и решение будет найдено. Оно совсем близко, под рукой.

Демин осмотрелся. Под рукой был автомат. Не с автоматом же выходить против вражеского каравана!

Эх, ночь бы сейчас — знал бы, что делать. Поднялся бы на башню маяка и посветил желтым огнем вместо красного. Зацепив за форштевень желтым

лучом, вывел бы головной корабль прямехонько на камни.

Но уже светает, караван пройдет, когда станет совсем светло. Корабли будут ложиться на курс не по огням маяка, а по створным знакам, створя башню маяка с вершиной острова.

Створ?..

Ведь Демин был хозяином не только маяка, но и створного механизма, особенно чувствительного в шхерах.

Испортить этот механизм, нарушить чувствительность створа — таково было его решение.

В шхерах корабли ходят буквально с оглядкой, от одного створа до другого.

Створными знаками могут быть огромные белые щиты, установленные на видном месте, пятна, намаленные белой краской на камнях, башни маяков, колокольни, высокие деревья или скалы причудливых очертаний.

По шхерным извилистым проливам корабли двигаются зигзагом, то и дело меняя курс в зависимости от створных знаков. Капитан разворачивает свой корабль, внимательно следя за тем, чтобы два створных знака, указанных в лоции для этого участка пути и отстоящих друг от друга на некотором расстоянии, постепенно сближались. Когда они совпадут, то есть окажутся на одной линии, это будет означать, что корабль лег на правильный курс и теперь ему не угрожает опасность сесть на мель или выскочить на камни. При новом повороте пользуются второй парой створных знаков, и так далее.

Здесь на одном конце створа — маяк, на другом — вершина острова.

Демин быстро прикинул. Нет, с маяком не выйдет

ничего. Слишком много взрывчатки понадобилось бы для того, чтобы разрушить башню маяка. В отношении скалы, которая была вершиной острова, дело обстояло проще. Запас тола находился под ней, поджидал своего часа.

И этот час настал!..

Демин выбежал из здания маяка. Было уже совсем светло.

Вдали он увидел силуэты кораблей. Головной транспорт водоизмещением до 15 тысяч тонн медленно выплывал из голубоватой утренней дымки, висевшей над скалами.

По прямой до него было не более восьми кабельтовых, но долг путь по шхерам. Сейчас транспорт скроется за скалой и пойдет колесить узкими протоками, делать зигзаги и петли, возьмет курс на норд, как будто возвращаясь назад, и только через двадцать-тридцать минут выйдет на плес к маяку.

Времени должно хватить!

Демин прыгнул в лодку. Несколько взмахов весла — и он уже на своем острове.

Встретить врага днем! Именно днем! И вступить с ним в единоборство. На тесном шхерном перекрестке остановить вражеский корабль собственным своим штурманским оружием!

С лихорадочной поспешностью он выкатил мину из пещеры. Раньше нехватило бы сил поднять ее на вершину острова, — сейчас сделал это рывком, удивляясь самому себе.

Укрепил ее под нависшей скалой. Узор трещин на скале когда-то напоминал древние письмена. Их смысл был разгадан теперь, — трещины подтверждали, что гранит крошится. Тола должно было хватить.

Никто уже не просматривал остров с маяка. Но из-за поворота вот-вот должен был показаться головной транспорт. Скорее!.. Протянуть бикфордов шнур!.. Подвесить патрон!..

Он оглядел свои владения, проверяя себя. Ошибки не было. Если взрыв обрушит край скалы, ее характерные очертания изменятся, и это создаст створное отклонение не меньше чем на пять градусов. Нарушена будет чувствительность створа. Взяв влево на пять градусов, вражеский транспорт выскочит на те вон камни.

Взрыв раздался, когда Демин, усевшись в свою надувную лодку, отгреб уже довольно далеко от острова. Звук покотился по воде, отскакивая от берегов.

Насторожит ли это вахтенного командира на транспорте? Вряд ли. Взрывы в шхерах часты. Идет война. Вокруг на побережье строят доты, углубляют фарватеры...

Приткнувшись к прибрежным скалам, Демин оглянулся. Дым оседал, быстро рассеиваясь. Наперегонки катились с вершины камни. Течение протащило мимо обрывок камуфлированной сети. Безымянный островок отслужил свое, и шапка-невидимка свалилась с него.

Эхо еще перекатывалось по скалам, когда из-за поворота появился транспорт. Заметили ли на мостике, что изменился один из створных знаков?

Не заметили... Не убавляя хода, транспорт лег на курс. Теперь все! Он сошел с фарватера, с узкой шхерной тропы. Он обречен.

Рискуя обнаружить себя, Демин выдвинул лодку из-за прикрытия, чтобы лучше видеть. Он дал лишь толчок событиям. Теперь события разворачивались

сами у него на глазах. По инерции, неотвратимо, как судьба.

Страшный скрежет прокатился по шхерам.

С полного хода корабль ударился о камни и всполз на них, показав подводную часть, обросшую водорослями. Надрывно завывала сирена.

Сейчас корабль был похож на огромного зверя, попавшего в капкан, воющего от боли и страха. Яростно били винты, пеня воду за кормой. Корпус сотрясся от усилий. Гитлеровцы безуспешно пытались сорвать корабль с камней.

Повидимому, транспорт пропорол борт в нескольких местах. Из труб повалил густой черный дым.

Корабль начал быстро валиться набок...

Тут только Демин понял, до какой степени он устал, измучен. Он даже не имел сил радоваться. Наступила реакция. Сейчас ему хотелось спать. Только спать. Опустить весло. Закрыть глаза. Слушать, как журчит вода, покачивая его резиновую лодку. Отдаться этому мерному, ласковому покачиванию.

Это было запрещено. Вражеские шхеры были вокруг. Нужно было уходить из шхер.

И он оттолкнулся веслом от берега...

Шансов уйти было очень мало, он понимал это. Но упрямая вера в счастье — инстинкт победы — вела его.

Демин плыл, соблюдая все предосторожности, — только по ночам, держась в тени берега. Днем отставал в надежных бухтах среди камней. Путь на юг указывали яркие сентябрьские звезды.

На четвертый или пятый день пути, — время он помнил неточно, — над шхерами в финскую сторону пролетело звено советских самолетов. «Разведчики, —

с удовлетворением определил Демин, провожая их взглядом. — На Котку». Однако самолеты вскоре вернулись. Они летели на бреющем, проносились над самой водой, снова возвращались, точно отыскивая что-то в шхерах. Один из них промчался над Деминым так низко, что тот увидел обращенное к нему улыбающееся лицо. Теперь все три разведчика стали кружить над ним.

Повинуясь ободряющему покачиванию крыльев, Демин выгреб на середину протоки. Самолеты улетали вперед, возвращались, делали крутые виражи. Рокот их моторов заставлял сильнее биться сердце. Демин плыл в своей утлой лодочке, как бы привязанный к ним волшебной серебряной нитью.

Он плыл так по шхерам, среди сумрачных финских берегов, не понимая, почему молчат автоматические пулеметы, зенитки, орудия дотов и дзотов, почему гитлеровцы не обстреливают моряка, возвращающегося после операции, и его воздушный, режущий над ним конвой.

Только на базе торпедных катеров Демин узнал, что пока он скитался в шхерах, Финляндия была выведена из войны.

— Значит, транспорт в шхерах — замыкающий, — пробормотал он со слабой улыбкой и, удобно вытянувшись под хрустящей прохладной простыней, погрузился в сон, каким спят только дети и вернувшиеся домой разведчики.

Стоявшие у постели адмирал и врач переглянулись. Они знали о потоплении транспорта, но не догадывались, что его потопил именно Демин, и потопил таким необычным образом — нарушив чувствительность створа в шхерах...

— А ведь и вправду, Иван Акинфиевич, горами двигали! — почтительно сказал кто-то из гостей, выслушав историю шхерного Робинзона.

— Да еще как двигал-то, — поддерживали его. — Один, почти безоружный, вышел против гитлеровского каравана!

Демин смущенно покашливал.

— Я это к тому вспомнил, — пояснил хозяин, чрезвычайно довольный триумфом скромного Ивана Акинфиевича, — что случай уж очень характерный. Кто бы так еще смог поступить, кроме советского человека?.. Смело скажу: никто!

— Конечно, никто.

— А почему? Потому, что в нашей стране на протяжении десятков лет, с первой сталинской пятилетки, неустанно переделывают природу. Это стало привычным, это в порядке вещей. Моряку любой другой страны такое бы и в голову никогда не пришло, а нашему Ивану Акинфиевичу пришло! Не по нему оказались шхеры, он взял да и переделал их... Твердой рукой внес свою, советскую поправку в лоцию!..

ВИЛЛА НА ЭНСЕ

Герта привезли сюда ночью.

Пока его вели от автомобиля к воротам, он успел осмотреться. Новая тюрьма стояла в котловине, на самом ее дне. Вокруг громоздились холмы, которые он принял вначале за неподвижную гряду туч.

Его втокнули в прохладный вестибюль, потом заставили подняться по лестнице, мимо закованных в латы рыцарей, почти в рост человека, державших разноцветные фонарики на острие своих мечей. В тюрьме — фонарики?..

Щелкнул ключ. Герт остался в камере один.

Он сел на тощий тюфяк, брошенный прямо на пол, посмотрел на окно, где при блеске звезд матово отсвечивала решетка.

Зачем его привезли сюда из концлагеря?

Он снова перебрал в памяти события последних дней. Побег? Да, это началось с попытки к побегу.

Весть о том, что русские приближаются, проникла через тройной ряд колючей проволоки, по которой вдобавок был пропущен электрический ток. Несколько

заключенных сговорились бежать. Рассчитывали до подхода советских войск отсидеться на каком-нибудь густо заросшем кустами и травой острове, которых так много в среднем течении Дуная...

Пойма Дуная, несомненно, одно из красивейших мест Австрии.

Герта судил об этом по альбому с фотографиями, который он не раз перелистывал с женой по вечерам, — очень давно, еще до прихода нацистов к власти.

— Как хорошо было бы прокатиться по Дунаю! — вслух мечтала жена. — Мы бы сели на пароход в Регенсбурге и спустились до Линца или даже до Вены. Конечно, в самой Вене было бы дорого жить, но мы могли бы снять комнатку где-нибудь поблизости. Я слышала, что очень дешевы пансионаты на берегу Энса. Ты бы сумел, наконец, написать там книгу о России, как мечтал... Погляди, какая живописная местность! Судя по всему, очень уютно и тихо!..

И она раскрывала альбом с видами.

Река катила свои желто-бурые волны меж лесистых холмов успокоительно-мягких очертаний. На солнце взблескивали полосы камыша. Вдали голубело море — горы. В воде отражались перевернутые красные крыши и башенки, шпилем вниз, уютных маленьких городов, на заднем плане высились громады средневековых замков. А из-за пышных деревьев и кустов роз приветливо выглядывали чистенькие беленькие виллы. На кирпичных стенах темнели таблички: «Сдаются комнаты... Полный пансион... Цены...»

— Да, там очень умеренные цены, — говорила Марта, заглядывая в альбом через плечо Герта. — Я читала в путеводителе...

Как все это далеко сейчас: альбом с фотографиями, разговоры с заботливой женой, мечты об увлекательной работе над книгой о России!.. Сейчас зеленая придунайская долина была проклята множеством людей, потому что здесь, в глубине Австрии, на пространстве от Манка до Сент-Пельтена, наци сосредоточили не менее десятка своих страшных концлагерей.

В лагере, куда попал Ганс Герт, он оказался единственным коммунистом. Остальные заключенные избрали его своим вожаком. Их привлекли его самообладание, рассудительность и спокойное мужество.

Толчок к побегу дало сообщение о том, что русские начали весеннее наступление в Венгрии.

Сообщение дошло до заключенных с запозданием — в середине апреля. А наступление началось во второй половине марта. Ну что ж! Значит, русские еще ближе, чем были раньше.

— Теперь пора,— сказал Герт. Он сказал это шопотом и сглянулся.

План побега был хорошо продуман. Заключенным просто не повезло. Проклятые овчарки, сторожившие лагерь, отыскиали место, откуда был начат подкоп. Схваченных на месте преступления подвергли пыткам, заставляя выдать других участников. Товарищи Герта умерли у него на глазах. Он оказался выносливее других, — не умер, только потерял сознание.

Очнулся он уже на исходе второго дня. Локти упирались в скамью, по лицу и по груди стекала холодная вода, которой его только что обдали, приводя в чувство. С жизнью вернулась и боль. Скрежеща зубами, чтобы не стонать, он поискал глазами главного своего врага, начальника лагеря, и, найдя, уперся в него ненавидящим взглядом.

Герт был, наверное, страшен, потому что начальник, обернувшись, отрекомендовал его кому-то:

— Строптивый. Самый строптивый из всех.

Странно знакомый тонкий голос сказал протяжно, с удивлением:

— А, Ганс Герт!..

И после паузы, как бы в раздумье:

— Этот подходит, пожалуй...

Палачи, нагнувшиеся над Гертом, расступились, и перед ним на секунду сверкнули очки. Или, быть может, не было очков, просто взгляд, устремленный на него, был такой холодно-испытующий, мертвенно-неподвижный, стеклянный? Он не увидел больше ничего, — начальник лагеря сделал знак, и заключенного, привязанного к скамье, поспешно унесли в другую комнату.

В судьбе Герта наступила после этого загадочная перемена. «Самого строптивного из всех» стали лечить, усиленно кормили, выслушивали, взвешивали и обмеряли. Сначала он отказывался от пищи, подозревая, что улучшением положения хотят скомпрометировать его перед товарищами по лагерю. Потом решил, что разгадка не так проста. И, как всегда в жизни, смело пошел навстречу опасности!

Он стал принимать лекарства, исправно ел, набираясь сил для борьбы, но все время настороженно ждал: вот-вот начнется. И когда его, швырнув в наглухо закрытую машину, под усиленным конвоем, не останавливаясь в пути, доставили в загородный дом-тюрьму, понял: начнется завтра.

Он так и заснул с сжатыми кулаками, сидя на корточках в своем углу, спиной к стене, лицом к двери, готовый отразить внезапное нападение...

Утром, однако, не произошло ничего особенного. Эсесовец с черепом и скрещенными костями на рукаве окликнул его и сказал коротко:

— На прогулку!

Герт прошел по темному коридору и остановился перед широкими стеклянными дверьми. За ними был виден сад, залитый солнцем. Двери неслышно раздвинулись перед заключенным.

Да, это была вилла, — чистенький, приветливый с виду загородный дом, подобный тем, какими он когда-то любовался на фотографиях. Быть может, новые владельцы даже не успели снять гостеприимной надписи с ворот: «Сдаются комнаты с пансионом...» В этом была бы зловещая ирония, потому что стены сейчас были утыканы сверху гвоздями и обтянуты колючей проволокой, а в окнах за жалюзи скрывались железные решетки.

Слух Герта уловил прерывистый лай собак. Значит, и здесь были овчарки...

Но за каким чортом понадобилось превращать этот милый тенистый уголок в тюрьму, в филиал тюрьмы?

В раздумье Герт спустился по лестнице в сад.

Гигантские бело-розовые и сиреневые кусты раскинулись, как шатры, вдоль аллен. На клумбах красовались георгины, гвоздика и астры.

Герт оглянулся. Нет, никто из надзирателей не последовал за ним. Он был предоставлен самому себе.

Странно, что из высокой кирпичной трубы дома валил дым. Он был густой, черный. Несмотря на жару, топили всюю.

Вообще очень много странного было здесь...

Заключенный миновал какой-то игрушечный мостик, потом поднялся по довольно крутой горке, из-

рытой зигзагообразными щелями. Укрытия на случай воздушной тревоги? Нет, это скорее напоминало окопы, только миниатюрные, модель окопов. Впечатление было такое, будто здесь играли в войну.

Сад показался Герту запущенным. Дорожки поросли сорняком, клумбы были разрыты какими-то животными, скользкий мох покрывал высокие кирпичные стены.

На каждом шагу натыкался он на странные, загадочные приборы.

Например, зеркала. Вначале он думал, что это обыкновенные стеклянные шары, украшение старомодных парков. Однако, подойдя к шару вплотную, увидел, что тот скорее напоминает выпуклое зеркало-линзу, высоко закрепленную на металлическом стержне. Несколько десятков таких зеркал были расставлены в различных углах сада, вдоль дорожек и у стены.

Он долго стоял также возле низенького вентилятора на перекрестке двух аллей. Рассматривая его неподвижные лопасти, заключенный обнаружил, что в саду совсем не было ветра.

Поразмыслив, Герт не нашел ничего удивительного в этом. Сад находился на дне котловины. Воздух застаивался здесь, — потому-то и аромат цветов, смешанный с запахом сырости, был таким густым.

Гнетущая тишина царила в саду. Ни шелеста листьев, ни журчания воды. Все было погружено в какое-то оцепенение, как бывает в природе перед бурей.

Ощувив неожиданную слабость, заключенный сел на скамью. Его поташнивало. Что-то неладное творилось с головой. Раньше с ним не бывало ничего подобного.

Повеял ветерок. Вентиляторы застрекотали в траве.

В висках застучало. Ветер, усиливаясь, проникал, казалось, под кожу и кости черепа, вносил сумятицу в мысли.

Через минуту-две головокружение прошло.

Герт отнял ладони от лица и выпрямился на скамейке. Показалось ему или в самом деле выпуклое круглое зеркало, стоявшее неподалеку, переместилось? Оно повернулось в его сторону. Герт встал, сделал несколько шагов, обернулся. Зеркало, описав полуоборот вокруг своей оси, смотрело сейчас прямо на него.

Заключенному стало не по себе. Стеклоанный глаз следил за ним, отмечая каждое его движение. Герт шел по аллее, тревожно озираясь, ускоряя шаги.

Безотчетный страх все сильнее овладевал им, необъяснимый, непонятный!

Казалось, вон тот серый камень неспроста лежит на его пути. Казалось, деревья тянутся к нему ветвями. Все угрожало сейчас, все принимало какие-то зловещие, причудливые формы.

Такое с ним бывало только в раннем детстве. Отец иногда задерживался допоздна на заводе, и мать посылала маленького Ганса отнести ему ужин. Итти приходилось через кладбище. Кресты и высокие надгробия жутко белели во тьме. Мальчик пробегал тенистыми аллеями, слыша гулкие удары своего сердца. С годами он стал проходить все медленнее это расстояние, приучая себя не бояться, и, наконец, совершенно избавился от унижительного чувства страха.

Почему же теперь снова?..

Громко зашуршала трава. Цветы закивали своими глупыми круглыми головами, точно подгоняя Герта. Ветер становился все сильнее. Под ногами завихрился

песок, и заключенный, обессиленный, опустился на землю.

Когда он опомнился, все было тихо вокруг.

Цветы, деревья были неподвижны — лист не шелухнется. Солнце клонилось к западу. Какой удивительный контраст с только что пережитым!..

Встреченный на пороге дома надзирателями и поддерживаемый ими, Герт добрал до своей камеры и упал на тюфяк.

Нервы? Сдали нервы?

Но почему?.. Выдержали же полтора года почти непрерывных истязаний в концлагере? И вот за один лишь сравнительно спокойный день в этой странной вилле...

Реакция на все пережитое? Говорят, реакция наступает не сразу.

Герт перевернулся на бок, глядя на решетку, четко выделявшуюся на фоне звездного неба. Перемножил в уме для проверки несколько чисел, припомнил ряд исторических дат. Мозг работал нормально.

Что же произошло с ним в саду?

Работа в антифашистском подполье приучила Герта к самообладанию, дисциплинировала его волю и ум.

Вдобавок он гордился тем, что сделан из добротного материала, «с большим запасом прочности», как говаривал его отец. От деда и отца, рабочих одного из больших химических заводов в Руре, Герт унаследовал вместе с широким могучим костяком также и очень надежную нервную систему. До сих пор нервы никогда не подводили его.

— Поживем — увидим, — сказал Герт вслух и перевернулся на другой бок. Он должен заснуть. Он должен заставить себя заснуть. Завтра предстоит трудный день, и надо набраться сил для борьбы.

По усвоенной в тюрьме и в концлагере привычке Герт перед сном стал вспоминать о хорошем.

Закинув за голову руки с широкими запястьями, Герт лежал неподвижно и тихо. Если бы надзиратели заглянули в замочную скважину, то подумали бы, что заключенный спит. Но это было не так. Он вспоминал. Он набирался сил на завтра...

Было среди его воспоминаний одно, которое больше всех других поддерживало его. Ему виделась старинная церковь с удивительными разноцветными куполами, а справа от нее зубчатая красная стена. Трудно было рассмотреть подробности, потому что впереди колыхалось множество голов и спин, десятки тысяч празднично одетых людей. Над головами плескались алые полотнища, задевая Герта по лицу. Моросил дождь, но Герт не замечал дождя. Он был счастлив. Он шел по Красной площади!

Да, редкое счастье выпало на его долю. В конце двадцатых годов вместе с делегацией немецких профсоюзных деятелей он побывал в СССР.

Поездки по стране, богатую незабываемыми впечатлениями, увенчало участие в октябрьской демонстрации. Герту был любезно предложен гостевой билет на одну из трибун, но он предпочел быть участником, а не зрителем. Ему хотелось хоть на короткий срок слиться с советским народом.

И вот он шагает в колонне рабочих химического завода, как все, неотрывно и жадно глядя направо, на мавзолей, где находятся руководители партии и правительства. А на плече у Герта сидит русский мальчик, который тоже, не отрываясь, смотрит на мавзолей и взволнованно повторяет: «Сталин! Сталин! Видишь, это Сталин!» Он даже перегнулся в ту сторону и, чтобы не упасть, крепко ухватил Герта за во-

лосы. Ощущение детской ручонки, лежащей на макушке, даже сейчас возникает по временам, если долго думать об этом.

У мальчика было странное имя — Хлебушко. Если перевести его на немецкий язык, получалось что-то вроде Брётхен.

Какие своеобразные имена у русских!..

Думая об этом и мысленно улыбаясь мальчику Хлебушке, Герт, наконец, уснул.

Ночью, проснувшись будто от толчка, он вспомнил забытую подробность: пока продолжался припадок, в воздухе пахло резедой!..

Утром во время прогулки Герт обследовал клумбы в саду. Резеда росла там в самом отдаленном углу. Бледножелтые цветы на высоких стеблях пахли сильно, как всегда, но нельзя было допустить, чтобы их запах на таком расстоянии мог заглушить запах других цветов.

В этот день припадок повторился с новой силой. Герт до крови кусал себе губы, упрямо стискивал кулаки, стыдил и ругал себя. Тщетно! Вдруг пахнуло резедой, будто кто-то кинул в лицо невидимый букет, и все смешалось в голове.

Он плохо помнил, что было дальше. Кажется, бежал, падал, поднимался, исцарапал себе лицо и руки, продираясь сквозь кусты шиповника. Потом чары спали с него. Герт увидел, что стоит на краю обрыва. Он отшатнулся. Еще мгновение — и свалился бы вниз.

Некоторое время он лежал неподвижно в траве, тяжело переводя дыхание. Какое странное действие оказало на него дуновение ароматного ветра!

Ему почудился слабый звон. Не поднимая головы, он повел глазами в сторону. Суставчатый стер-

жень, стоявший на площадке у обрыва, начал укорачиваться, опуская зеркало, укрепленное на его конце.

Заключенный понял назначение зеркал. Они были подобны перископу. С их помощью кто-то в доме следил за Гертом...

Ночью Герту приснилось, что он лежит привязанный к операционному столу, а вокруг в колеблющемся сумраке теснятся стеклянные глаза, раскачиваясь на длинных стержнях, тихо позванивая шарнирами. Вдруг они расступились, и в конце образовавшегося прохода возник человек со странно знакомым тонким голосом, приехавший в концлагерь. И на этот раз Герту не удалось рассмотреть его лица, — видны были только глаза, выпуклые, мертвенно-неподвижные, пустые. Герт ощутил сверлящую боль во лбу, от которой проснулся.

Ему представилось, что пробуждение это мнимое, как бывает иногда во сне, и тягостный кошмар продолжается. Дверь камеры была открыта настежь. Над его тюфяком стоял надзиратель и, позванивая ключами, повторял:

— На прогулку!.. На прогулку!..

Герт зажмурился, — очень не хотелось выходить из камеры. Потом заставил себя, вспомнил: в саду ждали не только враги, — там могли быть и друзья.

Неужели, думал он, в этой вилле-тюрьме, кроме него, нет заключенных? А если есть, то ведь их также выпускают в сад — в другое время, конечно. Нужно найти способ общения с ними. Возможно, что кто-нибудь из товарищей по заключению, попав сюда раньше него, уже открыл тайну, которая не давала Герту покоя.

Композитору Шуману, когда он начал сходить

с ума, все слышалась нота «ля». Он подбегал к роялю и с остервенением бил по клавишам: «ля, ля, ля». От этого ему становилось легче.

Герт, заслышав знакомый, чуть приторный запах, бросился в поисках спасения к клумбе, где росли бледножелтые цветы, и с ожесточением вытоптал их.

Но тотчас ветер опять донес до него аромат резеды.

Это подействовало удивительным образом. Открытие было таким важным, что даже оттянуло наступление припадка.

Вот, стало быть, что! Резеды в саду уже нет, и все-таки в воздухе пахнет резедой!..

Да, это, конечно, и был тот кончик нити, за который надо держаться.

Герт помнил об этом все время, пока длился припадок. На этой мысли он сосредоточил все свои помыслы, всю свою волю. Нигде в саду резеды не было, а все-таки пахло резедой!..

Теперь преследовавший его страх как бы материализовался. Он имел запах. По запаху можно было догадаться о его приближении, о его появлении в саду. Он не мог уже подкрасться сзади и захватить Герта врасплох.

После каждого припадка заключенный упрямо возобновлял свои наблюдения.

Никак не удавалось обнаружить закономерность в чередовании приступов болезни. Сразу после того как он вытоптал цветы на клумбе, припадок обрушился на него. Потом наступил перерыв, будто устала хлеставшая рука.

Зато вечером припадок повторился с новой силой. Герт был истерзан, оглушен, выдохся. В камеру молчаливые надзиратели притащили его на руках.

Чортовы наци! Проклятые палачи! В Моабите они сажали Герта в карцер, в нору, такую тесную, что нельзя было разогнуться. В концлагере выволакивали на мороз и поливали из брандспойтов. Теперь решили применить новую чудовищную пытку — истязали его мозг!

Но зачем это им? Какую они преследуют цель?

Больше всего тревожило Герта то, что он может сделаться слепым орудием в руках гитлеровцев. Помимо воли. Даже не подозревая об этом.

Сейчас он чувствовал себя, как человек в потемках. Он заблудился в этом проклятом саду, бродил в нем ощупью, пытаясь найти выход, безуспешно стараясь понять, что же с ним, Гертом, происходит...

Усилием воли Герт заставил себя забыть о сегодняшнем дне, круто повернул мысли в ином направлении... Москва! Москва!.. Красная площадь! Мостовая, расчерченная прямыми разноцветными линиями... Ну же, память, выручай, спасай!..

Впереди заколыхались спины, головы — волны демонстрантов, одна колонна за другой...

Чтобы выжить, не сдаться, не потерять самообладания, Герт вспоминал...

Колонна химического завода, гостем которого он был, остановилась на несколько минут у высокого красного здания. (Герту сказали, что это Исторический музей.) Дождь, зарядивший с утра, усилился, но никто из демонстрантов не обращал на него внимания.

Кто-то впереди махнул рукой. Портреты вождей закачались над головами. «Пошли, пошли!» — радостно закричали рядом.

Колонна двинулась, но вдруг замедлила движение. Дорогу ей перебежал малыш лет шести или семи

в матросской бескозырке и кургузом пальто. Магь догнала его и подхватила на руки. Но тот все порывался куда-то. Выяснилось, что за головами демонстрантов ему не видно Сталина на трибуне.

Герт очень любил детей. (Брак с Мартой был, к сожалению, бездетным.) Осторожно подбирая трудные русские слова, он попросил разрешения у молодой женщины понести ее сына, чтобы тому был виден мавзолей и товарищ Сталин на трибуне мавзолея.

Женщина вопросительно вскинула на него глаза. Лицо ее было некрасивое, в оспинках, но такое счастливое, что казалось красивым.

— Это наш гость, коммунист из Рура, — отрекомендовали ей Герта. А кто-то добродушно сказал: — Да не бойся ты, товарищ Васильева! Не уронит он сокровище твое...

— Не уроню, нет, — серьезно подтвердил Герт и, бережно приняв малыша из рук матери, посадил к себе на плечо.

Так он и пронес его через всю Красную площадь, мимо Кремля, мимо мавзолея, мимо товарища Сталина.

Они успели на ходу обменяться впечатлениями о демонстрации.

— Я вижу Сталина в первый раз, — объявил Хлебушко-Брётхен, подпрыгивая на плече Герта.

— Я тоже, — признался Герт.

— Ты? — удивился мальчик. — Такой большой, и только в первый раз?!

Он даже перегнулся с его плеча, придерживаясь за волосы на макушке, чтобы заглянуть Герту в лицо: не шутит ли тот?

И вот теперь он, Герт, призывает его к себе на

помощь, сюда, в тюрьму, зовет воспоминание об этом русском мальчике Хлебушке, о Красной площади, о Сталине на трибуне мавзолея, обо всем этом незабываемом, удивительном дне, самом счастливом дне своей жизни!..

Герт лежал на тюфяке ничком, как бросили его надзиратели, — неподвижно, не меняя положения. Дрожь сотрясала все реже его худое тело. Дыханье делалось ровнее, глубже...

...А в это время гвардии капитан Глеб Васильев, отирая пот с усталого, закопченного лица (посмотрела бы на него сейчас мать, для которой он попрежнему был мальчиком Глебушкой!) пробивался со своими самоходками на запад по берегу Дуная. Советские войска, пройдя за месяц Венгрию и Чехословакию, уже подступили к Вене.

Двенадцатого апреля был сбит засов с восточных ворот — пали Гроссенцерсдорф и Эсслинг. Уличные бои придвинулись к центру. На чердаках, прикованные цепью к пулеметам, сидели гитлеровцы-смертники.

Самоходные орудия Васильева, обгоняя автоматчиков, вырвались по Пратеру к семиэтажному зданию бывшего военного министерства, на фронте которого широко размахнул крыльями бронзовый орел.

— Огоньку! Огоньку, гвардии капитан! — закричал автоматчик, бежавший рядом с самоходкой по хрустящим осколкам оконного стекла, устилавшим мостовую.

Васильев рывком выбросил вперед руку:

— Дать фашистам прикурить!..

Залп! Залп!.. Купол дома занялся огнем. Авто-

матчики хлынули вверх по лестнице мимо статуи графа Радецкого, сидевшего с остолбенелым видом на своем толстом чугунном коне.

Наступил вечер 13 апреля, — на исходе был третий день общего штурма. Дым от горящих цистерн с нефтью застилал горизонт, придавая закату багровый оттенок. Само небо, казалось, было сделано из раскаленных полос листового железа, которые сотрясались и громыхали над головой.

И вдруг в воздухе разлилась тишина!..

Ухо Глеба Васильева так привыкло к раскатам канонады, что восприняло тишину как нечто необычное. Тишина на переднем крае?..

Это означало, что сопротивление смертников сломлено, Вена пала!

Стоя у самоходки и вглядываясь в медленно тускнеющее небо над Веной, Васильев подумал, что сейчас радостным светом озаряется небо Москвы. Взвиваются разноцветные ракеты, грохочут залпы. Когда на переднем крае наступает тишина, в Москве гремят торжественные салюты.

Мать, кутаясь в платок, выглядывает в окно, а репродуктор на этажерке за ее спиной трубным голосом возвещает, что освобождена столица Австрии — Вена, третья по счету столица на Дунае. Вена! Это, стало быть, там, где сражается ее Глебушка!..

Тишина воцарилась в это время также и в вилле-тюрье, где томился Ганс Герт. Казалось, прохладным ветром, дувшим те дни с востока, развеяло в «заколдованном саду» все страхи вместе с запахом резеды...

Два дня кряду Герт был здоров. Он рыскал по саду, спеша использовать передышку, не слыша за со-

бой предостерегающего звяканья зеркал. Стекланные соглядатаи оставались безучастными к его действиям.

На второй день поисков Герт снова подошел к обрыву. Здесь на влажном песке он обнаружил следы животных.

Заглянул в овраг. Обернулся. Зеркало было неподвижно и смотрело в другую сторону.

Герт побежал вдоль оврага в поисках болеелогого спуска.

Цепляясь за корни деревьев и пни, раздвигая густой высокий бурьян, он спустился в овраг и увидел там клочки шерсти на колючках.

Подопытные животные! Страх пригонял их к обрыву и сталкивал вниз. Что это были за животные? Кролики, собаки, морские свинки? По окончании опыта трупы, видимо, убирались, и зеленая лужайка снова принимала свой прежний приветливый вид.

Исследовав колючий кустарник на склоне, Герт обнаружил, помимо шерсти, также обрывки материи. Из такой точно материи была сшита тюремная одежда Герта. Он внимательно оглядел обрывистый склон. Примерно с середины его начиналась борозда. Повидимому, человеческое тело при падении с обрыва ударилось здесь и дальше скользило по земле, задевая кусты.

Кем был неизвестный, мозг которого не выдержал пытки страхом, человек, превращенный в подопытное животное, предшественник Герта по заключению? Умер ли он сразу, был ли только искалечен и потом добит надзирателями? Ничего не осталось после него, кроме этого серого жалкого лоскута.

Герт стиснул кулаки. Никогда еще — ни в эмиграции, ни в концлагере — не чувствовал такой всепоглощающей ненависти к врагу, как сейчас. Но никого

из палачей не было перед ним. Лишь стеклянные глаза холодно поблескивали сквозь листву деревьев, глядя куда-то в сторону, мимо Герта.

Итак, над ним производили опыты, как он и думал. Его подвергали непонятным испытаниям наравне с другими людьми, а также кроликами и морскими свинками. Кто-то наблюдал за ним из дома, взвешивал его поступки, методично, бесстрастно, не считая уже Герта человеком.

Кто же это был?..

Герт стоял, как вкопанный, на дне оврага.

Неотрывно, будто загипнотизированный, глядя на зеркало-перископ, старался вспомнить, где раньше слышал голос, сказавший в концлагере:

— Этот подходит, пожалуй.

Герт стиснул кулаки, нетерпеливо подгоняя, понукая себя. Не рассеиваться, думать только об этом тонком, странно знакомом голосе! Сейчас он вспомнит!..

Перед умственным взором его мелькнул школьный дворик, выложенный черными и белыми плитами, напоминавший шахматную доску. Вокруг толпились мальчишки разного возраста, в позе напряженного ожидания вытянув шеи, нагнувшись вперед, уперев руки в колени...

Ну-ка! Ну-ка! Еще одно усилие! Кто же тогда стоял перед ним?

— Сними свои стекляшки! — обратился Герт к кому-то, кто стоял перед ним. — Упадут, разобьются... А они, наверное, дорого стоят...

И враг его снял очки, — пренебрежительно фыркнул, но все-таки снял. Это были необычные, входившие тогда в моду очки — шестиугольные, без оправы.

А, Длинный Фриц!.. Ну, конечно же, Фриц

Каннабих, с которым они учились вместе в школе...

Отец Каннабиха считался важной персоной в их маленьком городе, был одним из директоров химического завода, где работало три или четыре поколения Гертов. И Длинный Фриц на каждом шагу давал почувствовать свое превосходство.

Он рассказывал о том, что дома у него едят на какой-то особой посуде, а к рождеству отец обещал подарить ему настоящую моторную лодку. Он формал и важничал, как может делать это только пятнадцатилетний подросток, который по временам говорит уже басом. У кого-то из своих берлинских знакомых он перенял фатовскую походку — с подскоком, и дергался при этом, как картонный паяц. «Бубенчика нехватает», — сказал о нем Герт, и шутку тотчас же передали Длинному Фрицу.

Давно уже пора было им померяться силами, чтобы узнать, кто будет верховодить в классе. Но драка началась не из-за шутки Герта...

Длинный Фриц любил мучить слабеньких и плохо одетых. Он хотел показать на малыше Брицке какой-то новый прием, который выучил у своего родственника, офицера колониальных войск, приехавшего из Восточной Африки.

— Этим приемом укрощают непокорных негров, — объяснял Длинный Фриц. — Негра у нас нет. Но Брицке заменит нам его... Брицке! Сюда!

— Я не хочу, — отозвался дрожащий Брицке.

— Тебя не спрашивают: хочешь ты или не хочешь. Ко мне, Брицке, грязная свинья!..

Некоторые школьники отвернулись — их дело было сторона. Другие смеялись над жалкими попытками Брицке спастись. Он хотел спрятаться за бочками,

стоявшими у стены, но Длинный Фриц вытащил свою жертву за ногу и поволок, как черепаху, через весь двор.

Был тот полуденный жаркий час, когда учитель уходил домой обедать. Никто не мешал жестокой забаве.

Герт никогда не дружил с Брицке, пухлым вертявым коротышкой, больше всего любившим говорить о своей копилке, где уже лежало одиннадцать марок. Но сейчас Герту стало его жаль.

— Оставь малыша! — коротко сказал он, шагнув на середину двора.

— Оставить? Почему?.. О! Может быть, ты сам хочешь быть негром?

Длинный Фриц ослабил и с шутовской ужимкой оглядел своего противника.

— Что ж, — обернулся он к зрителям, будто спрашивая у них совета. — Этот подходит, пожалуй...

Кое-кто хихикнул, не очень громко, потому что Герт был серьезен, хоть и не вынимал рук из карманов.

— Круг! Шире круг! — закричали школьники.

— Круг! Круг! — закричал повеселевший Брицке, пробегая мимо Герта и обеими руками хлопотливо раздвигая толпу.

Будто это было вчера, — так ясно представился Герту и школьный дворик, и куча пустых бочек в углу, и вертявый Брицке, на румяных щеках которого еще не просохли слезы. А отчетливее всего видел он перед собой Длинного Фрица.

Тот подходил к нему боком, свесив руки и нагнув голову, так что видны были ровные волны белокурых вьющихся волос. Сын директора гордился своими во-

лосами, — одному ему в школе разрешалось носить «взрослую» прическу.

Тогда и сказал Герт: «Сними свои стекляшки», — и Каннабих послушно снял очки и дал поддержать их одному из своих «адъютантов».

Зрители замерли в ожидании. Драка обещала быть интересной. Противники одного роста, оба спортсмены, но Каннабих старше Герта года на два, а в этом возрасте два года много значат.

— И все-таки я поколочу тебя, Длинный Фриц, — сказал Герт сквозь зубы.

Прицеливающимся взглядом он смотрел на выступающий вперед короткий подбородок своего противника. В этот момент Длинный Фриц сшиб его с ног. Сцепившись, они покатались по белым и черным плитам школьного двора.

Фриц, извернувшись, зажал подмышкой голову Герта и стал медленно, с силой, поворачивать, будто вывинчивая из туловища. Совсем близко Герт увидел злые, очень светлые глаза. Боль делалась нестерпимой. Вот он, африканский прием! Значит, так обустраивают непокорных негров?..

Герта нелегко было рассердить, но сердить его не рекомендовалось.

«Проклятый барчук хочет сломать мне шею», — смекнул он, и мысль эта родила в нем не страх, а ярость. Втянув голову в плечи, он начал подниматься с земли на трясущихся от напряжения ногах.

Ярмо из человеческих рук постепенно ослабевало на его шее. Рывок! И драчуны опять повалились на землю, но Герт на этот раз был сверху.

— Вывернулся! — удивленно закричали зрители, увидев, что Ганс сидит на Длинном Фрице и беспощадно молотит по нему кулаками.

Ну и вид же был у директорского сына! Волосы всклокочены, красивый пестрый галстук сорван, под глазом багровый кровоподтек...

Герт опомнился. Залитый солнечным светом школьный дворик исчез. Тенистый, густо заросший кустами сад был вокруг. Длинного Фрица не было перед ним. Только шест, увенчанный на конце стеклянным шаром, стоял над обрывом. Глаз-перископ повернулся на шарнире и уставился прямо на Герта.

Теперь это не была драка двух мальчиков на дворе, похожем на шахматную доску. Это было посерьезнее. Спрятавшись в своем кабинете за широкими спинами эсесовцев, Длинный Фриц мучил, истязал, умерщвлял людей. Проклятый барчук хотел согнуть, сломить и его, Герта!..

Герт кинулся к перископу над обрывом. Гнев накатил на него, как тогда в детстве. Слепить Длинного Фрица! Сбить с его глаз стекляшки!

Камней под рукой не было. Герт схватился за стержень, налег на него плечом, стал выворачивать из гнезда.

Всю свою ярость, накопившуюся за много лет, вкладывал он в эти мерные толчки, с наслаждением ощущая, как поддается, колеблется металлическое сооружение.

Шест покачнулся и упал набок. Герт перебежал к другому шесту, но на полпути его перехватило дуновение ветра, знакомый, чуть приторный запах.

Сейчас это не произвело на него обычного действия. Запах резеды разъярил его еще больше. Для страха уже не осталось места в душе. Ненависть заполнила ее до краев, нейтрализовала, вытеснила страх.

Дуй, хоть лопни! На куски разорвись, проклятый!..

Герт изо всех сил раскачивал шест. Тем временем легкие дуновения, насыщенные запахом резины, сменились резким востром, который все яростнее завывал вокруг. Гнулись верхушки деревьев. Со скрипом и стоном раскачивались ветви кустов. Пестрым дождем падали лепестки цветов.

И в центре этого внезапно налетевшего урагана, в вихре листвы, стоял человек, победивший в себе чувство страха. Шест гнулся в его руках, зеркало описывало дугу и взблескивало над головой.

Дышать Герту становилось все труднее. Он задыхался от запаха резины. Стучало в висках. Но страха не было!..

Последним сильным рывком он вытащил второй шест и свалился на него, не выпуская из рук, будто это и был Длинный Фриц, до горла которого он так хотел добраться...

Очнувшись, он некоторое время не раскрывал глаз, не шевелился — выжидал. Было тихо. Постепенно овладевая своими чувствами, Герт отметил с удивлением, что лежит не на земле, а на койке с матрацем, застланном простыней.

Пахло иодоформом.

Он приоткрыл глаза. Белый потолок. Побеленные стены. Лазарет? Да. Но тюремный — окна затянуты решеткой.

— Очнулся, — сказал кто-то грубым голосом.

— Живуч, — ответили ему.

Возле постели Герта сидело несколько эсесовцев, накинувших поверх своих черных мундиров больничные белые халаты. Все они в упор смотрели на него, вытянув шеи, упершись кулаками в колени. Похоже

было, что это стая собак, которые ждут лишь команды «фас», чтобы броситься на него.

Вдруг, со стуком отодвинув табуретки, эсесовцы вскочили на ноги и выстроились в две шеренги. Видимо, кто-то вошел.

Повторялась обстановка его сна. Только Герт не был привязан к операционному столу, а лежал навзничь на узкой койке, не видя двери.

Скрип половиц! Подобострастное щелканье каблучков. Герт решил, что в комнату по меньшей мере вошел фельдмаршал. Но это был только Длинный Фриц.

Да, он постарел за то время, что они не видались. Веки за толстыми шестиугольными стеклами очков набрякли, стали тяжелыми. Щеки обвисли, а под несоразмерно коротким подбородком появился дряблый кусок кожи, болтающийся из стороны в сторону.

Неизменными остались лишь волосы, которыми Фриц так гордился когда-то: золотистые, блестящие, в красивых кудряшках — шевелюра ангела. Белокурые юношеские волосы над старым, морщинистым, порочным лицом!

Стиснув зубы, Герт не отрывал взгляда от своего врага. Но Длинный Фриц смотрел поверх его головы.

— Как ваш пациент, господин доктор? — спросил он тонким голосом. И кто-то, стоявший у изголовья койки, торопливо доложил:

— Пока еще слаб, но чувствует себя лучше, господин профессор. Температура днем 37,2.

— А утром?

— 37,6.

Длинный Фриц зашуршал бумагой — наверное, поданным ему температурным листком.

— Очень хорошо! Вы знаете свое дело, доктор!— Судя по интонациям, он был доволен. — А теперь уходите! Подождете за дверью...

Топоча сапогами, эсесовцы вышли гуськом из комнаты. Каннабих обошел койку и встал в ногах.

— Ганс! Мой Ганс! — ласково позвал он. — Ты узнал меня, Ганс?

Герт молчал.

— Я вижу по глазам, что узнал. Я рад... Помнишь: ты ударил меня, Ганс?.. А как ты ударил, помнишь? Ты ударил меня по одной щеке, потом по другой. Вот так!..

Он нагнулся над Гертом и занес руку, чтобы ударить его по лицу. Герт не отклонил головы, даже не зажмурился, — в упор, широко открытыми, ненавидящими глазами смотрел на Длинного Фрица.

Тот с тихим смешком опустил руку.

— Ты еще укусишь меня!.. Нет, я не стану бить тебя рукой. Зачем мне это? Я буду хлестать тебя своим лютеолом. Я выверну наизнанку твой мозг и растопчу его!.. Да, да, растопчу, вытру о него сапоги, мой Ганс!

Повидимому, что-то мелькнуло в глазах у Герта, быстрое, почти неуловимое, принятое его врагом за насмешку, — да это и было насмешкой.

— Прекратить смеяться! — крикнул Фриц, дернувшись, как от толчка. — Я отучу тебя смеяться! Я от многого отучу тебя! Ты не будешь бунтовать в вольере, вытаптывать цветы, ломать мои приборы!.. Ты должен бояться, и ты будешь бояться!

Железная койка, за спинку которой ухватился Каннабих, заходила ходуном.

— Я мог бы сразу убить тебя, — продолжал он

спокойнее. — Но это было бы бесполезно. Мне важно узнать, почему ты не боялся...

Со своей старой шутовской ужимкой Длинный Фриц нагнулся почти вплотную к Герту и шепнул:

— А потом мне очень приятно, что ты в вольере, мой Ганс! Мне нравится испытывать на тебе лютеол!.. Поверишь ли, каждый день я благословляю бога и фюрера за то, что они швырнули тебя в мой вольер!..

Он вызвал доктора и надзирателей с черепом и скрещенными костями на рукаве.

— Поскорее поставьте его на ноги, — сказал он. — Когда вы сможете поставить его на ноги?

— Не раньше чем через неделю, господин профессор.

— Пусть так. Сегодня первое мая. Значит, седьмого мая?.. Возьмем для верности восьмое мая. Пока я буду работать с другими экземплярами, номер двадцать третий должен стать совершенно здоровым.

И, уходя, Каннабих бросил сопровождавшей его свите в белых халатах:

— Это очень ценный экземпляр! Мой лучший точи́льный камень!..

Герт остался один.

Странно! Сейчас он чувствовал себя значительно спокойнее и увереннее, чем несколько дней назад. Возможно, это было оттого, что столкнулся с противником лицом к лицу. Теперь Герт знал, кто его противник. Тягостная неопределенность кончилась.

Наци хотели заставить его бояться? Дудки! Чорта с два!..

Он с облегчением закрыл глаза. Не видеть Каннабиха уже было для него отдыхом.

Первое мая, сказал Длинный Фриц?.. Долгонько ж провалялся он без сознания! Удивительно, что не отправился на тот свет. Доктор и впрямь знал свое дело.

Сегодня, стало быть, Первое мая?.. Великий пролетарский праздник, день трудящихся всего мира! Всегда встречал он этот день на людях, среди празднично настроенных товарищей по работе. Даже в Моабите и в австрийском концлагере товарищи были тут же, рядом.

Сейчас он остался один.

Один? Нет. Ведь с ним были его верные друзья-воспоминания!

Герт был строг и придирчив к ним. Нельзя вспоминать все подряд. Нельзя допускать в тюремную камеру расслабляющие, печальные воспоминания. Их надо держать под спудом, где-нибудь на самом дне души.

Вот почему, думая о жене, Герт не позволял себе представлять ее такой, какой видел на последнем свидании в Моабите. Он перескакивал через это воспоминание. Он воображал жену молодой и веселой, без мучившего его выражения тоски и усталости на лице.

Он любил вспоминать их первую совместную маевку. Тогда Марта, тоненькая девушка с кроткими, удивленными глазами, была еще его невестой. Участники заводского хора едва-едва поместились в одном грузовике. Ехать пришлось стоя, держа друг друга за плечи, чтобы не вывалиться на поворотах, и оттого получалось, что все едут, обнявшись. Всю дорогу они распевали задорную и веселую русскую песенку, только что разученную ими: «Вставай, вставай, кудрявая, навстречу дня». А день был такой безмятежно-

ласковый, ясный и солнечный, что отблеск его достигал даже сюда, в эту тесную тюремную камеру...

А вот еще воспоминание, к которому Герт прибегал в беде. Он видит себя стоящим посреди ярко освещенного, наполненного рабочими и их женами цеха. Тщательно отутюженный Мартой пиджак, — Герт надевает его только по воскресеньям, — режет ему подмышками, и он боится повернуться в ту сторону, где сидит Марта. То и дело раздаются аплодисменты, затем звуки марша. Победа! Победа! Кончилась большая забастовка, в которой Герт (один из ее руководителей) проявил, по словам ораторов, «замечательную настойчивость, мужество и выдержку».

Из-за стола президиума поднимается коренастый, плечистый человек. Отложной воротник рубашки придает его открытому лицу еще более доброе и веселое выражение. «Спасибо, товарищ Ганс!» — говорит он и перегибается через стол, чтобы пожать Герту руку. Пальцы у него настоящие клещи, а на ладони ощущаются затвердения, по которым, даже не зная биографии Тельмана, можно догадаться, что в прошлом он был рабочим-металлистом.

«Эрнст Тельман поблагодарил меня и пожал мне руку!» Эту фразу заключенный повторяет много раз, поворачивая и так и этак, вдумываясь в ее смысл до тех пор, пока боль не отходит куда-то далеко и голова не делается легкой и ясной, как всегда.

Что ни говори, он, Герт, счастливый человек. Тельман пожал ему руку. Мало того: он видел самого Сталина, великого Сталина, друга и защитника всех угнетенных, стоявшего на трибуне в своей солдатской шинели и доброй отцовской улыбкой отвечавшего на восторженные приветствия проходивших мимо демонстрантов.

— Сталин! Сталин! Я вижу Сталина! Вот там — Сталин! — кричал малыш в самое ухо Герту и указывал ручонкой направо, в сторону мавзолея, хотя все, кто был на площади, смотрели только туда.

И снова — в который уже раз! — перед закрытыми глазами Ганса Герта, немецкого коммуниста, встает Красная площадь. Кругом колышутся знамена и портреты деятелей советского государства. Рядом широко шагают рабочие химического завода. А на плече, крепко держась за волосы Герта, подпрыгивает русский мальчик Хлебушко...

— Хлебушко! Хлебушко! На помощь, Хлебушко! — запекшимися губами шепчет заключенный, лежа навзничь на тюремной койке...

Гвардии капитан Глеб Васильев приблизился к Герту за это время еще на сорок или пятьдесят километров.

Передний край проходил сейчас через маленький придунайский городок Тульн, расположенный к западу от Вены. Гитлеровцы дрались уже без всякой надежды на победу, но с удесятеренной мстительной злобой. Стоя обеими ногами в могиле, пытались по-прежнему убивать, лишь бы чувствовать себя живыми.

Берег Дуная был изрыт укреплениями. Фашистские снайперы прятались в камышах. А в ночь под Первое мая вблизи огневой позиции гвардии капитана Васильева сброшено было пять парашютистов. Одно из них удалось захватить живым, и Васильев допросил его сам, прежде чем отправить в штабarm.

Выяснилось, что на западной окраине Тульна дрались сведенные в роту ортляйтеры, окружные начальники, которых готовили для Остланда и дру-

гих оккупированных областей. Кроме того, были курсанты венского училища унтер-офицеров и пилоты.

— Ортляйтеры... Это хорошо, — задумчиво сказал Васильев.

Сидевший с ним рядом гвардии лейтенант Хохлов кивнул. Не было больше у фашистской Германии оккупированных областей, — недоучившимися кандидатами в губернаторы подпирали фронт.

— Спешенные пилоты — тоже неплохо, — улыбаясь, заметил лейтенант. И это было понятно. Враг агонизировал. Врагу нехватало воздуха. Всюду на аэродромах, мимо которых проходили советские войска, валялись разбитые фашистские самолеты, а воздушная гвардия Гитлера — пилоты сражались в пешем строю, как кроты зарываясь в землю.

— А черноголовцы есть? — помолчав, спросил Васильев.

— Битте? — переспросил пленный, искательно вытянув шею и подавшись вперед со стула. Тощее лицо его лоснилось от пота. Он не все понимал, что говорил Васильев, но старался отвечать кратко и точно, как учили в военном училище. Он очень боялся, что его расстреляют.

— Ну, эсесовцы... Дивизия «Мертвая голова» — «Тотенкопф»...

— А, «Тотенкопф», «Тотенкопф», — заторопился пленный.

Да, подразделения дивизии СС «Тотенкопф» до последнего времени сражались под Тульном. Несколько дней назад их стали оттягивать в глубь обороны.

— Куда?

— Поговаривали о реке Энс... Это южный приток Дуная. Пересекает коммуникации...

— Знаю...

Васильев приказал увести пленного.

— Город Энск... Станция Энская... Теперь еще какая-то река Энс, — пошутил Хохлов. — А придем к ней, самая обычная река окажется — коричневая, холодная, мутная...

Он увидел по лицу своего начальника, что тот не расположен шутить, и переменял разговор.

— Встречались с этой «Тотенкопф», товарищ гвардии капитан?

— Как же!

— А где?

— Впервые под Харьковом, в 1943 году. Начинал там войну...

— То-то смотрю, всегда ею интересуется.

— Хочется словечком переброситься.

— Перебросились уже не раз... Помните, под Ортом видели с вами эту эмблему на трупах — череп и кости? Потом под Веной, в Манке...

— Мне, знаешь, хочется так повстречаться, чтобы несколькими залпами все наше знакомство прикончить!

— Это бы хорошо.

— А теперь их чорт зачем-то на Энс унес.

— Может, новый рубеж будет на Энсе? — предположил гвардии лейтенант.

Васильев нагнулся над картой.

— Или важный секретный объект защищают? — продолжал гвардии лейтенант, с любопытством приглядываясь к голубенькой змейке, которая, делая резкие зигзаги, подбиралась с юга к Дунаю.

Осторожно, синим карандашом, Васильев вынес на карту две буквы — «МГ». Потом подумал и вывел

рядом знак вопроса: сведения, сообщенные пленным парашютистом, были не проверены.

— Рубеж там или объект, — сказал он рассудительно, — а надо нам с тобой поспешать на Энс. Уж я сразу угадываю: где эта «Мертвая голова» появилась, там самая главная фашистская мерзость, там самое гнездо змей и есть...

В тюремном госпитале Герт имел возможность обдумать свое положение.

Судя по словам Каннабиха, тот предполагал продолжить опыты, которым придавалось большое значение. Тем более нужно им помешать. Во что бы то ни стало остановить преступную руку, занесенную над людьми!

Теперь от обороны предстояло перейти к нападению. Герт твердо решил перенести борьбу из вольера внутрь дома, непосредственно в кабинет самого профессора.

Для этого, конечно, надо использовать пребывание в госпитале, где надзор за Гертом менее строг. Времени мало. Восьмого мая истекает срок, после которого опыты будут возобновлены.

Ничем не выдавая своего лихорадочного возбуждения, Герт жадно приглядывался и прислушивался ко всему, что творилось вокруг него.

По обрывкам разговора, по лязгу ключей в коридоре, по звуку шагов над головой он довольно хорошо представлял себе расположение комнат в доме.

Лазарет помещался в первом этаже. Здесь же держали заключенных. Лаборатории и кабинеты находились на втором этаже. Во дворе во флигеле жили эссовцы. Можно было догадаться о том, что поблизости

расквартирована их часть, потому что состав надзирателей беспрестанно обновлялся, а по утрам и вечерам доносилась со двора громкая команда, подававшаяся при смене караулов.

Очень мало шансов было бежать отсюда. Еще меньше шансов открыть камеры других заключенных и поднять общий бунт. Ну что ж! Герт доберется до главного убийцы, схватится с ним один на один и разом оплатит за всех.

Это должно было совершиться в ночь на девятое мая, — Герт до конца хотел использовать полученную им передышку.

С вечера двери тюремного лазарета открывались настежь в коридор, и на пороге усаживался в кресло эсесовец с маузером в руках. Таким образом, он наблюдал одновременно и за коридором и за Гертом, лежавшим в комнате. Кроме того, на ночь Герту давали сильное снотворное, которое он, впрочем, ловко выплевывал, когда врач отворачивался.

План Герта заключался в том, чтобы обмануть бдительность тюремщиков своей кажущейся, подчеркиваемой на каждом шагу слабостью.

Больше всего беспокоил его врач. Это был краснотелый субъект с рыжими ресницами, обращавшийся с Гертом, как с неодушевленным предметом. Он рывком поднимал больного с постели, тычком в грудь укладывал обратно. При всем том он, повидимому, неплохо знал свое дело, и провести его было нелегко.

Но на исходе недели даже врач был введен в заблуждение искусным притворством. Не стесняясь присутствия Герта, он сказал одному из надзирателей:

— Скоро о подопытном господина профессора можно будет сказать, как сказали о человеке, попав-

шем под трамвай: он навсегда излечился от своих мозолей!

Этой шуткой краснолицый хам, сам не подозревая того, оказал большую услугу Герту. Эсесовцы, дежурившие по ночам, почти перестали обращать внимание на больного, который, по словам врача, должен был вскоре умереть. Раза два или три настороженный слух Герта улавливал даже благодушный храп надзирателя, правда прекращавшийся при первом же подозрительном шорохе.

Герт рассчитывал на то, что к девятому мая тюремщики еще больше ослабят наблюдение за ним. На рассвете, когда сон всего крепче, он сползет на пол, нырнет под пустые койки, проберется под ними к двери и внезапно кинется на эсесовца. В руке у Герта будет металлический молоточек, которым постукивали по его коленям, проверяя рефлексy. Герт заметил, куда врач кладет молоточек перед уходом. Что ж, на худой конец и это оружие! С силой ударить тюремщика по голове — и проход открыт!..

Ничто, казалось, не препятствовало осуществлению этого тщательно разработанного плана.

Вечером восьмого мая, как всегда, пришел врач, пощупал пульс больного и покачал головой. «Частит, частит», — пробурчал он. Потом состроил недовольную гримасу: «Проклятый упрямец! Назло нам не хочет выздоравливать!..»

Надзиратели уменьшили верхний свет, и сумрак из углов придвинулся к койке Герта. Распахнулась дверь в коридор, заключенный увидел силуэт тюремщика, удобно устраивавшегося в кресле, в своей обычной позиции на пороге. Знакомая картина!

Теперь осталось ждать. Только ждать!

Прошло, наверное, три или четыре часа, когда

Герт, не меняя позы, открыл глаза. Дверь в коридор была почему-то прикрыта. Этого не бывало еще никогда.

Герт осторожно сполз с койки. На цыпочках подошел к двери, прислушался. Мертвая тишина. Выглянул. В коридоре никого!

Очевидно, надзиратель отлучился с поста. Это была удивительная, редкая удача. И действовать нужно было не раздумывая.

Герта охватила дрожь радостного возбуждения. Он на носках вышел в коридор.

В доме, несмотря на поздний час, происходило что-то необычное. (Может быть, поэтому Герта и оставили без присмотра?) Какое-то напряжение, тревога были разлиты в воздухе. Наверху хлопали двери, во внутреннем дворе немолчно гудели моторы машин.

Что бы это могло означать?

Но сейчас не время было гадать об этом. Только бы не встретился никто. Только бы беспрепятственно дойти до кабинета профессора Каннабиха, «невидимки со стеклянными глазами».

У поворота слышались шаги, отчетливая речь. Герт метнулся в сторону.

Рядом была дверь. Войти? Ему представилось, что там, у круглого стола, сидят вооруженные эсесовцы в черном и вдруг все разом оборачиваются и смотрят на него. Потом медленно, — почему-то именно медленно, — поднимаются со стульев.

Переломив себя, Герт распахнул дверь. Перед ним был темный коридорчик. Не колеблясь, он нырнул туда.

Винтовая лестница вела вверх. Лишь бы не скрипнули проклятые ступени...

Он поднялся по лестнице, переступил порог комнаты, в которой не было никого.

Громоздкие книжные шкафы стояли вдоль стен. Тускло отсвечивали за стеклом золоченые корешки книг. Не могло быть сомнений в том, что это кабинет Каннабиха.

Озираясь, Герт подошел к письменному столу.

Идеальный порядок был здесь. Горкой лежали остро отточенные карандаши. В симметрическом порядке располагались подставки для перьев, чернильницы, кипы бумаг. Строго посередине стоял небольшой портрет Гитлера — видимо, дарственный, потому что узкий лоб фюрера поверх косой пряди пересекала еще и косая надпись.

Герт прочел:

«Миром можно управлять только с помощью страха. Адольф Гитлер».

По внешнему виду стола можно было составить представление об его хозяине. Каннабих, оказывается, был кабинетный ум, педант. Стоило, наверное, передвинуть с места чернильницу или рассыпать горку карандашей, как привычное течение его мыслей нарушалось.

На бюваре лежала тетрадь в клеенчатом переплете, развернутая посередине. Лампа под уютным абажуром бросала на нее светлый круг.

Герт нагнулся над столом. Страницу пересекала изломанная багрово-красная линия. Внизу были цифры: 10/IV, 11/IV, 12/IV...

10/IV — это десятое апреля. Не в этот ли день Герта привезли сюда? Нет, его привезли как будто девятого. Десятого случился первый припадок.

Что же это за кривая? Почему характер ее так резко меняется 12 апреля? Дальше уже не было

скачков, линия внезапно обрывалась на 15 апреля.

Пятнадцатое? В этот день он попал в госпиталь, опыты прервались.

Герт понял. Перед ним была диаграмма его болезни.

Он схватил тетрадь так поспешно, что чуть не опрокинул настольной лампы.

Торопясь, перевернул несколько страниц, заглянул в начало. Его поразили слова: «формула» и «страх».

«Мышьяковистый ангидрид, — записано было там. — В числе симптомов чувство страха.

Дифенилхлорарсин. Человек, как выяснилось, значительно чувствительнее собак и мышей. При продолжительном вдыхании наблюдается чувство страха.

Окись углерода. Наблюдается также поражение нервной системы: состояние депрессии, бредовые идеи и галлюцинации.

Дианистый водород. В конвульсивной стадии чувство страха у отравленного увеличивается, сознание теряется, появляются судороги».

Перечень заключался странным итогом:

«Но то были лишь предтечи моего лютеола».

Да, это был новый отравляющий газ, как уже догадался Герт. Будучи растворен в воздухе, яд действовал на нервную систему, на мозг. Повидимому, это было нечто подобное наркотикам, с той разницей, что гашиш и опиум навевали сладкие грезы, тогда как лютеол вызывал страх.

Испытания проводились в так называемом «динамическом потоке газа», в специально приспособленном для опытов саду, так как хотели создать условия, которые приближались бы к фронтовым.

Немецко-фашистское командование торопило Каннабиха с окончанием испытаний. Видимо, лютеол, так же как снаряды «фау», так же как и другие виды секретного оружия, по замыслу гитлеровцев, должен был если не помочь выиграть войну (об этом поздно было думать), то хотя бы помочь заключить возможно более выгодный мир. Сам Каннабих понимал это, записывая, что «вести с фронта заставляют спешить».

Он возмущался тем, что администрация лагерей, недооценивая значение его работы, продолжает поставлять ему «недоброкачественный материал». Подопытные заключенные, судя по всему, были так ослаблены каторжным режимом, что погибали «при минимальной экспозиции», не давая возможности проверить на себе все химические выкладки.

Между тем газ обладал существенным недостатком — он имел запах. А он не должен был пахнуть ничем. По идее его изобретателя он должен был поражать неожиданно, убивать, не оставляя улики.

«Не поразительна ли фатальность неудачи? — было записано в тетради. — Никому до сих пор не посчастливилось найти отравляющее вещество без запаха. Иприт пахнет горчицей, фосген — прелым сеном, синильная кислота — горьким миндалем. Мой лютеол — резедой!.. Неужели никак нельзя избавиться от отравляющего вещества от запаха, как нельзя избавиться от собственной тени?»

Но вот Длинному Фрицу удалось заполучить в свою лабораторию нового подопытного.

«Он попал мне в руки, этот ублюдок Ханс Герт, мой земляк, проклятый коммунистический смутьян, — записал Длинный Фриц. — Это судьба! Если бы я не верил раньше в бога, я поверил бы в него сейчас!

В доброго немецкого бога, который отдал мне в руки Ганса Герта...»

Несколькими строками ниже, повидимому на второй или третий день, была сделана новая запись о Герте. Каннабих не устал упиваться своим торжеством:

«Герт занесен в журнал опытов под номером 23. Я доволен им. Он прочен. Дух его не сломлен лагерем. Первокласный точильный камень, первокласный!.. О, я заставляю моего Ганса побегать по саду!.. Никогда работа не доставляла мне такого удовольствия, такого высокого духовного наслаждения, как сегодня. Я счастлив! Именно на нем, на Гансе Герте, когда-то оскорбившем, унизившем меня, я смогу доказать, что выведенная мною формула страха верна!..»

Однако произошло нечто неожиданное. Ганс Герт, который, к радости экспериментатора, не погиб в начале опыта, как было с другими, перестал в дальнейшем оправдывать возлагавшиеся на него надежды. Поведение его было непонятно. Концентрация яда в воздухе последовательно увеличивалась, но, судя по всему, Герт больше не испытывал страха. Не замечалось ни характерной беспорядочности поведения, ни ослабления воли. Лютеол, казалось, вызвал в его организме какую-то ответную защитную реакцию.

Значило ли это, что в формуле лютеола была ошибка? Почему газ вдруг отказал? Почему уже накануне завершения эксперимента в камере пыток произошел бунт?

Применяя сравнение, приведенное в тетради, можно было сказать, что сломалось оттачиваемое лезвие, а не точильный камень!..

Так, отсюда, из кабинета немецкого токсиколога, изобретателя нового отравляющего вещества, выглядело то, что происходило с Гертом в саду.

Напрасно корпел Каннабих над своими химическими выкладками, проверяя их в тысячный раз, с маниакальным упрямством, почти с отчаянием. Подопытный № 23 не боялся!

Как тщательно расчерчено было все здесь, в тетради, как просто получалось у химика на его письменном столе, среди аккуратно отточенных карандашей и толстых справочников! Душа человеческая была разграфлена, втиснута в короткую химическую формулу.

Это и было ошибкой фашиста. Душа не вмещалась в формулу. Может быть, в борьбе с лютеолом человеческий организм получал нервную встряску, которая приостанавливала действие яда.

Тетрадь объясняла Герту и ту странную паузу в опытах, которая произошла 14 апреля. Оказывается, Советской Армией накануне была освобождена Вена.

Каннабиха вызвали после этого в штаб командующего гитлеровскими войсками в Австрии. Разговор был, повидимому, неприятным. «Командующий не подал мне руки, — было записано в тетради. — Он спросил меня, когда же будет готово новое ОВ? Я ответил, что хотя теоретические расчеты абсолютно верны, но в практическом применении газа встретились пока еще непреодоленные затруднения...»

Герту почудились шаги на лестнице. Он отскочил от стола и стал подле двери, сжимая в руке молоток. Но это скрипнула рассыхающаяся половица...

Где-то рядом тикали часы. Внизу, во дворе, продолжали неумолчно и тревожно гудеть моторы.

Вдруг Герт почувствовал страшную усталость. Мучительно хотелось лечь прямо на пол, вытянуться. Он не позволял себе думать об этом.

Сейчас надо было владеть собой, как никогда, рассуждать спокойно, последовательно.

Под каким номером числили его? Двадцать три? Значит, это будет последний номер в журнале опытов! Двадцать четвертого не будет. Герт позаботится, чтобы не было.

Лицо Марты возникло перед ним, исхудалое, бледное, с выражением усталости и горя. Теперь можно представлять себе любимое лицо именно таким, каким он видел его в последний раз на свидании в тюрьме. Теперь месть близка и запрет снят!

Нельзя взаперти вспоминать обо всем подряд. Люди в тюрьме сходят с ума от некоторых воспоминаний. А надо не забывать о будущей борьбе, надо сохранять душевное равновесие, чтобы сберечь себя для решительной схватки с врагом.

Герт сберег себя. Разве не обманул он своих стражей, разве не пришел сюда, на второй этаж, в кабинет профессора-палача?..

Да, месть была близка!

Стоя за дверью, он чутко прислушивался к тому, что происходит в доме. Попрежнему во дворе гудели моторы, но внизу в коридоре было тихо. Значит, побег Герта не обнаружен. Очень хорошо! Через час или через два Фриц Каннабих поднимется на второй этаж. В лазарете Герт изучил его усталую, шаркающую походку и знал, что изобретатель лютеола встанет очень рано, раньше всех в доме. Ничего не подозревая, он войдет в свой кабинет, закроет за собой дверь, и тут-то...

Марта! Марта!.. Легко ли поверить в то, что он, Герт, никогда больше не увидит Марты?

В начале этого года с воли передали, что жена Ганса Герта вскоре после свидания с ним в Моабите умерла. Она умерла, а он полтора года не знал об этом!

Тогда в Моабите Марта поцеловала его правую руку, которой он опирался о решетку, быстро наклонилась и поцеловала. Мог ли он знать, что это последняя их встреча?

«Милая моя, милая! Я не смогу уже поддержать тебя этой рукой, помочь тебе, но смогу и должен помочь другим немецким женщинам и мужчинам, которые остались в живых!..»

Глядя на свою руку, стиснувшую молоток с такой силой, что побелели кончики пальцев, Герт вспомнил снова Эрнста Тельмана. Где он сейчас? Еще в Моабите поговаривали о том, что наци хотят его убить. Эрнста нельзя было ни согнуть, ни сломать... Жив ли бесстрашный вождь немецких коммунистов?

Наци смертельно ненавидели его за многое и, главное, за то, что Эрнст боролся против них, проявляя при этом непоколебимое мужество и стойкость. Он указывал немецкому народу единственный возможный путь к счастью — призывал крепить и развивать дружбу с великим и добрым советским народом.

Что бы сказал Эрнст, если бы увидел Герта, подстерегающего здесь Фрица Каннабиха? Может быть, пожал ему руку еще раз?..

Да, обезвредить одного из палачей-изуверов, пытающегося во что бы то ни стало затянуть безнадежную войну, — долг Герта, его партийный долг!..

На мгновение представилась Герту его Германия, которую он так любил: ее живописные реки с холми-

стыми берегами, дымящиеся трубы заводов, красные черепичные крыши, приветливо выглядывающие из-за невысоких тенистых деревьев.

Но она уже давно перестала быть такой! Проклятые наци превратили ее в сплошной кровавый застенок!..

Часы пробили четыре раза.

Герта застыл в углу подле двери, весь вытянувшись, напряженно прислушиваясь к мерному скрипу половиц.

На этот раз слух не обманул его. То были шаги.

Взгляд Герта не отрывался от двери. Ему представилось, что сейчас в комнату протиснется существо, похожее на гиену, зловещего зверя, разрывающего могилы и пожирающего мертвых.

Была в журнале опытов страшная запись. Жалуюсь на то, что не удастся очистить основное вещество от пахучих примесей, Каннабих писал:

«...при вскрытии обнаруживаю, что мозг подопытных пахнет резедой. Так Мюллер и Цангер, работая с синилкой, обнаруживали запах горького миндаля. При надавливании на туловище трупа (да, да, записано было именно так) все тот же запах резеды слышен из рта...»

Запись осталась будто выжженной в памяти. Стоило зажмурить глаза, как тотчас возникало фантастическое видение. Длинный Фриц, выгнув горбом спину, склонялся над мертвецом, стискивал его руками в окровавленных резиновых перчатках, какие надевают хирурги во время операции. Почти прикинувшись к трупу лицом, принимался, чем он пахнет.

До Герта долетели, приближаясь, обрывки разговора. Нехорошо! По лестнице поднимались двое.

— Сборный пункт в Амштеттене,—услышал Герта

голос Каннабиха. — Наши машины тоже... В третьей колонне...

Второй голос что-то ответил.

— Да, дожидаться, — сказал Каннабих. — Пока я сожгу бумаги. Адъютант командующего может позвонить с минуты на минуту.

Дверь распахнулась от резкого толчка. Сейчас Герт был спрятан за нею. Только бы ее не закрыли раньше времени! Сумеет ли он справиться с двумя, с Каннабихом и со вторым?..

— Неужели я вечером не запер кабинет? — услышал Герт удивленный голос Каннабиха. — Никогда не случалось со мной... Впрочем, события вчерашнего дня...

Он и сопровождавший его эсесовец прошли к письменному столу. Дверь осталась открытой.

— Но почему именно Амштеттен и Линц? — спросил Каннабих.

— А куда же еще? На юго-запад, в Альпы? Плохи дороги... А добравшись до Амштеттена, вырвемся сразу на магистральное шоссе. Отсюда, от Мансдорфа, до него рукой подать, двадцати километров не будет...

Длинный Фриц что-то невнятно пробурчал. Он взял со стола раскрытый журнал опытов, рассеянно перевернул несколько страниц, потом сунул в карман макинтоша. Почему-то он был в макинтоше.

Только сейчас из обрывков разговора Герт понял, где находится вилла-тюрьма. Мансдорф! Так назывался курорт на правом берегу Энса, южного притока Дуная, располагавшийся как раз там, где река в своем течении делает резкий рывок на восток. Линц, небольшой австрийский город, стоял севернее, почти у впадения Энса в Дунай.

— Генерал прав, — продолжал эсесовец, — американцы — деловые люди. С ними можно договориться...

— Все, кто угодно, лишь бы не русские, — пробормотал Длинный Фриц, садясь на корточки и с шумом открывая ящики письменного стола, один за другим. — Все, кто угодно... Чорт, дьявол!..

Он принялся торопливо выбрасывать из ящиков папки и рвать их содержимое в клочья. Шуршание бумаги заглушало его слова. Герт услышал только: «Фарбен Индустри»... «Старые связи»...

— Да, вы в значительно лучшем положении, чем любой из нас, — сказал эсесовец. — Я слышал, что взаимная информация концернов осуществлялась и во время войны. Заранее прошу о покровительстве.

Длинный Фриц поднял утомленное дряблое лицо. В ярком свете настольной лампы видна была на нем каждая морщинка, каждая складка.

— Вы думаете? — спросил он, продолжая комкать и рвать какие-то бумаги.

— Убежден. Янки тоже нужна формула страха... Во всяком случае, вы будете богатым человеком в Америке, господин профессор.

— Я не гонюсь за богатством, — пробормотал Длинный Фриц, снова наклоняясь над раскрытыми ящиками.

— Но что делать с подопытными? У нас нет места в машинах.

Не поднимаясь с корточек и не оборачиваясь, Каннабих махнул рукой.

— Понял, господин профессор! Я займусь этим сам.

Эсесовец перешагнул через порог. Винтовая лестница снова заходила ходуном.

— Минутку! — закричал Каннабих. С неожиданной живостью он выбежал из кабинета. — Кроме одного, Готлиб! Кроме одного!.. Номер двадцать третий поедет со мной. Правильно! Тот самый. Упрямец... Суньте его куда-нибудь в кузов вместе с овчарками.

— Я сначала покончу с другими, — отозвался Готлиб снизу.

Каннабих вернулся в кабинет.

Ворча себе под нос, он подошел к одному из книжных шкафов и бросил несколько папок на пол. Затрещал телефон. Каннабих повернулся к письменному столу.

Герт стоял перед ним, загораживая выход на лестницу.

С коротким криком Длинный Фриц отшатнулся, будто призрак поднялся перед ним из-под земли.

Несколько секунд было слышно только его прерывистое дыхание.

Снова на столе затрещал телефон. Длинный Фриц машинально протянул руку к трубке, но Герт отстранил его. Не спуская со своего противника глаз, он прикрыл дверь плечом и повернул ключ на два оборота.

— Ты не понимаешь, — пробормотал Каннабих. — Это важно для нас обоих... Я бы мог гарантировать тебе освобождение... Дорога каждая минута...

Герт покачал головой.

— Хорошо, — сказал Длинный Фриц. — Жизнь за жизнь, так?..

— И лютеол впридачу!

Длинный Фриц сделал движение.

— И лютеол?.. Ты не боишься продешевить. Ты жадный человек, номер двадцать три!

Внезапно он поднял на Герта глаза. Они были совсем белые от злобы и как бы пустые. Где-то в глубине их, будто в конце длинного коридора, замерцал, приближаясь, беспокойный огонек. Но Герт опередил Длинного Фрица и крепко схватил его за руку.

— Хорошо, — сказал тот через минуту тем же тусклым, невыразительным голосом. — Отпусти мою руку. Ты вывернешь ее.

Телефон на столе трещал не умолкая. Этот звук хлестал по напряженным нервам, и Герт рванул к себе провод. Телефон умолк.

В дверь постучали. Герт притиснул Длинного Фрица вплотную к столу, сдавил горло.

— Отвечай так, чтобы ушли! — шопотом приказал он и поднял молоток.

— Господин профессор, — донеслось из-за двери. — Прибыл мотоциклист от генерала. Советские самоходные орудия...

— Я спущусь через пять минут, — сдавленным голосом сказал Длинный Фриц. — Я жгу документы.

Послышалось недоуменное покашливание. Кто-то продолжал топтаться у двери.

— Но, господин профессор...

— Я сказал: пять минут, — пробормотал полузадушенный профессор. — Выполняйте, Готлиб!

Под тяжелыми шагами Готлиба заскрипели ступени винтовой лестницы.

— Послушай, Ганс, — начал Длинный Фриц, потирая шею. — Мы же учились вместе... Мы оба немцы... Вспомни наш маленький городок в Руре...

Не отвечая, Герт толкнул его к двери между шкафами, так как лаборатория, конечно, была где-то здесь, рядом с кабинетом.

Открылась длинная, уставленная столами комната. На них искрилась густая желтая жидкость в узкогорлых бутылках. Под потолком маленькие лампочки светили вполне накала.

— Где же выход? — спросил Герт.

— Сейчас, — ответил Каннабих, прерывисто дыша. — Я только выну ключи из кармана.

Он зазвенел связкой ключей и, отобрав один из них, вставил в замочную скважину. В стене приоткрылась щель. Длинный Фриц юркнул туда, как мышь, и захлопнул за собой дверцу.

Герт услышал тихое хихиканье.

Закрытая дверь была перед ним. Герт оглянулся. Больше в комнате не было никого.

Узкогорлые высокие бутылки стояли вдоль стен. Странная жидкость мерцала в них, переливаясь за стеклом всеми оттенками желтизны. Казалось, желтые стеклянные глаза вспыхивают и снова гаснут в полумраке.

Своды давили. Ни окна не было здесь, ни самой маленькой отдушины! А ведь ночь была на исходе. Должно быть, начинался рассвет.

Герту почудился слабый вздох, как будто рядом кто-то осторожно перевел дыхание. Он прислушался, озираясь. Почему в стенах комнаты было еще несколько дверей, точно таких, как та, за которой скрылся Длинный Фриц? Куда вели эти двери?

Вздох повторился.

Внезапно Герт понял. Длинный Фриц не ушел от него, не мог уйти. Это были шкафы для реактивов, вделанные в стену, обычные в лабораториях.

Он с силой рванул к себе дверцу.

К его удивлению, она поддалась без сопротивления. Химик стоял в шкафу, вжавшись в угол, вытя-

нув руки вдоль туловища, и, не мигая, смотрел на Герта.

Мгновение они стояли так.

Герт протянул руку, чтобы схватить изобретателя лютеола, но тот втянул голову в плечи, вывернулся и на цыпочках перебежал комнату.

Некоторое время они кружили у стола, перескакивая через стулья или отбрасывая их ногами. Это напоминало игру в пятнашки.

Дубовый стол разделял их. Ухватившись за его края, весь подобравшись, Длинный Фриц не сводил с Герта глаз. Стоило шагнуть Герту вправо, как он кидался влево. Герт останавливался выжидая, и он выжидал. Казалось, Фриц передразнивает движения своего преследователя.

Герт вспомнил, что в руке у него докторский молоток, с силой размахнулся и метнул его в Каннаби-ха. Тот успел отклониться.

Послышался звон и хруст стекла.

Желтые глаза в углу погасли. И тотчас же стало трудно дышать.

Секунду Герт смотрел на химика, который стоял неподвижно, держась за горло. В воздухе запахло резедой!

Пронзительно визжа, Длинный Фриц метнулся мимо Герта.

Лампочки, мерцающие под потолком, слились в длинную светящуюся линию. Каннабих, опередив Герта, повернул ключ и распахнул дверь на лестницу. Повидимому, он упал и скатился со всех ступеней, потому что винтовая лестница загудела.

На лестничной площадке перед Гертом вырос надзиратель. Лицо его было искажено гримасой, в уголках рта накупала пена.

Трясущимися руками эсесовец поднимал маузер, смотря на Герта остекляневшими зрачками, не понимая, что происходит. Герт оттолкнул его и сбежал вниз.

Лютеол уже вырвался из кабинета. Газ мгновенно распространился по дому. Всюду хлопали двери, раздавались выкрики, грохотали по лестницам тяжелые сапоги.

Потух свет.

В коридоре Герта подхватила толпа, понесла к вестибюлю. Он постарался высвободить правую руку, чтобы прокладывать дорогу, левой зажал себе нос и рот. Кто-то упал, отчаянно завизжав. Герт успел переступить через него, но идущие сзади прошли по человеку, топча его сапогами.

Герту представилось, что гигантский смерч, захватив в свою орбиту весь этот дом, раскачивает его над землей вместе с обитателями, и он, Герт, один, несмотря на приступы тошноты и головокружения, сохраняет самообладание.

Толпа, колыхаясь, протащила Герта по лестнице, мимо рыцарей в латах, державших фонарики на острие мечей, и вынесла во двор к воротам.

Небо над головой светлело. Звезды были уже почти не видны.

Впереди ломали прикладами ворота, — ключей в суматохе не успели, не смогли найти. Затрещали выстрелы. Тюремщики начали палить друг в друга, чтобы скорее проложить себе дорогу вперед.

Ворота распахнулись. Между холмами протянулась лента шоссе.

Герт отделился от толпы, перескочил канаву и стал поспешно взбираться на высокое место. Он по-

мнил, что лютеол, как всякий отравляющий газ, идет понизу, стелется по земле. Поднимаясь в гору среди высокой травы, он почувствовал, как все меньше стучит в висках, как свободнее дышит грудь.

И, наконец, в прохладном предутреннем воздухе он ощутил запах полевых цветов. Каких именно, не мог угадать, но это не был уже запах резеды, преследовавший его столько времени!..

Герт отошел от дома метров на триста, когда по небу протянулись какие-то странные красные полосы. Он оглянулся. Из-за деревьев поднимался дым, и клубы его отливали багрянцем, точно в котловине, где был дом-тюрьма, разводили костер. Лютеол сам доделал начатое Гертом.

Тогда усталость, с которой Герт боролся так долго, одолела его, и он ничком упал на землю. Пахли травы, цветы, вблизи была река, — он чувствовал это, так как тянуло свежестью. Шумя крыльями, низко пролетели над ним какие-то большие птицы.

Если бы эсесовцы послали погоню, она настигла бы его здесь. Но погони не было...

На исходе восьмого мая из штабарма сообщили, что, по данным армейской разведки, гитлеровские части, державшие оборону по Дунаю, снимаются и уходят. Гвардии капитан Глеб Васильев получил приказ продвинуться вперед.

Ночь застала его подразделение на марше.

Это была очень тихая звездная ночь. Пахло скошенными травами. Справа, со стороны Дуная, напалзл туман. То и дело в светлом конусе, отбрасываемом фарами головной самоходки, возникали, будто

поднимались из кювета и вытягивались во фронт желтые деревянные столбы со стрелками-указателями. Васильев торопливо сверялся с двухверсткой и продолжал вести колонну.

Самоходные орудия круто объезжали воронки, на полном ходу ныряли в узкие кривые ущелья улиц и, миновав маленький австрийский городок, снова вырывались на шоссе, аккуратно обсаженное деревьями.

До сих пор Васильев не мог войти в соприкосновение с противником. Ему было уже ясно, что это не просто отход на новый рубеж, а паническое отступление, бегство. Но куда бегут гитлеровцы, если сегодня в 24.00 конец войне, если Берлин пал и фашистская Германия капитулировала?

Водитель резко затормозил. Конус света прорезал мглу и скользнул по табличке у въезда в деревню. «Ваграм». Историческое место! При Ваграме Наполеон разбил австрийскую армию.

У выезда из деревни Васильев снова остановил колонну.

Окружив командира дивизиона, офицеры спустились к Дунаю. В молчании все прислушивались к однообразному скрежещущему шуму, который доносился издалека, — звук хорошо доходит по воде.

— Фашисты драпают, — уверенно сказал кто-то. — Ну-ка, тише, товарищи!.. Гусеницы, да? По-моему, артиллерию вытаскивают тягачами. Но куда ее, к чорту, вытаскивать? Ведь капитулировали же!..

Рассвет застал Васильева на одном из рокадных шоссе. По приказу командования, ему пришлось взять круто в сторону от головной магистрали, идущей почти параллельно Дунаю.

Пологие лучи солнца вырывали из колышущегося впереди тумана багровые пятна. Это были окна домов на холме. Там, видимо, город или деревня.

— Подряд четыре городишка миновали, теперь новый выскочил из тумана, — удивился гвардии лейтенант, в машине которого находился Васильев. — Нет, как хотите, товарищ гвардии капитан, тесно в Европе живут...

— Это верно. Тесновато, конечно...

Оба разговаривали шопотом, держа на коленях автоматы и зорко поглядывая по сторонам — не нарваться бы на засаду.

— Считайте: от Будапешта до Вены три часа пути, двухсот километров не будет. От Братиславы до Вены меньше часа — шестьдесят километров. А три различные страны: Венгрия, Чехословакия, Австрия!..

— Может, тебе оттого тесно в Европе показалось, что Советская Армия очень широко шагает?

— А вы что думаете? — Гвардии лейтенант был, видимо, поражен этим простым объяснением. — Может, и верно — оттого!

Он заглянул в лицо своему командиру и удивился. Рот командира был сжат, брови сурово нахмурены.

— Вы что, товарищ гвардии капитан? Такая ночь, а вы...

— Вот именно, такая ночь! Для нас с тобой это последняя ночь войны, а для многих она вообще последняя. Представляешь себе, что творится сейчас в концлагерях?..

— А!

— То-то и оно! Понасмотрелись с тобой в Австрии... Расстреливают заключенных, жгут бараки, пря-

чут концы в воду... Спешить надо, гвардии лейтенант, спешить!..

— Мы и то спешим!

Медленно расплзался туман. Скрежеща гусеницами, самоходные орудия взяли подъем и начали по одному втягиваться в городок, стоявший на берегу реки.

— Мансдорф, — громко прочел Васильев на желтом указателе.

Замелькали мимо уютные беленькие виллы, окруженные садами. Почти всюду на воротах висели чугунные таблички, прикрепленные, наверное, еще до войны.

— Дачи сдавали, комнаты с пансионом, — пояснил Васильев гвардии лейтенанту.

— Вот бы в таком домишке пожить! — просто душно сказал гвардии лейтенант. — Чай бы пить на балконе. А там вон гамачок повесить...

— Еще неизвестно, что внутри! — сказал гвардии капитан. — Снаружи красиво, а войдешь — может, и не обрадуешься...

Он поднялся во весь рост в машине и предостерегающе поднял руку. Колонна самоходов остановилась.

За крутым поворотом чернело пожарище. Дым стлался по узкой ступенчатой улице, а за кирпичной оградой еще тлели стропила деревянного флигеля.

Несколько часов назад здесь была одна из обычных в Мансдорфе опятных вилл. Незадолго перед рассветом в доме по неизвестной причине возник пожар.

Местные жители, толпившиеся подле пожарища, не могли понять, что случилось. В этой вилле стояло подразделение эсесовцев «Мертвая голова». Оно

ушло на север еще на рассвете. Может быть, эсесовцы сами подожгли виллу, чтобы скрыть следы какого-то преступления? Вряд ли! Среди полуобгорелых трюпов, валявшихся там и здесь, были и трупы в военной форме. У некоторых даже сохранилась эмблема на рукаве — череп и две скрещенные кости, а на пальцах железные кольца с той же зловещей эмблемой, присвоенной дивизии «Тотенкопф».

Самоходки двинулись дальше на Амштеттен, оставляя Энс слева. Но Васильев то и дело оглядывался на пожарище, черневшее на берегу. Лицо его сохраняло озабоченное выражение.

— Спешить надо! Спешить! — повторял он гвардии лейтенанту. — Говорил я тебе: где эта «Мертвая голова» появляется, там всегда последней подлости жди!..

Герт, наверное, спал всего несколько минут, потому что когда он поднял голову, солнце только вставало.

Он услышал гул моторов, скрип колес, отрывистую брань. Осторожно раздвигая высокую траву на холме, подполз ближе к шоссе и выглянул.

Мимо, вихляясь из стороны в сторону, промчалась грузовая машина и вдруг ткнулась в кювет. По шоссе враспынную бежали и шли немецкие солдаты. Их обгоняли грузовики, мотоциклы, легковые автомобили. Асфальта почти не было видно, — по нему, образу завихрения у брошенных машин, катил сплошной людской поток.

Продолжая всматриваться в проносящуюся мимо голпу, Герт увидел, как мимо в двуколке промчался изобретатель лύτεола. Макинтош его был разорван, Втянув голову в плечи и пугливо озираясь, он нахле-

стывал лошадь. Значит, Длинный Фриц уцелел и теперь ищет спасения в бегстве?..

Утро было ярким, свежим. Забыв усталость, будто подхваченный ветром, Герт шагал по обочине шоссе, параллельно потоку машин и людей. Он уходил за гитлеровцами, потому что среди них находился Длинный Фриц, а счеты с ним не были кончены.

Он подобрал в кювете брошенное кем-то потертое пальто с лоснящимся бархатным воротником и накинул поверх своей тюремной куртки. Голова была не покрыта. Но сейчас никто не обращал внимания на его странный вид. Многие военные, обгонявшие его, готовы были бы поменяться с ним нарядом.

Герт прошел в двух шагах от солдата, который лежал ничком в траве и плакал. Другой гитлеровец, присев за кустом и чертыхаясь вполголоса, поспешно отпарывал перочинным ножом нашивки с рукава. Железный крест валялся рядом на земле.

Можно было бы подумать, что действие лютеола распространилось далеко за пределами виллы-тюрьмы. Но это был просто страх перед возмездием, перед неотвратимо надвигающимися русскими.

Потом Герт миновал группу офицеров, вышедших из машины и озабоченно склонившихся над картой. Донеслись обрывки разговора: «Янки... К Линцу...» «Можем не успеть... Лучше проселочными дорогами...» Кто-то, видимо старший по чину, сказал со вздохом: «Что же делать, господа!.. У нас нет другого выхода...»

Торопливо садясь в машину, он добавил еще несколько слов, из которых Герт понял, что отступающие под натиском Советской Армии гитлеровцы изо

всех сил спешат навстречу войскам Паттона,двигающимся с запада.

То, что видел Герт на шоссе, уже не было хваленным Вермахтом, гитлеровской армией. То был сброд, толпа, стадо, охваченное паникой. Забыты были мечты о мировом господстве, об Урале и о Кавказе. Вчерашние завоеватели мечтали лишь о том, чтобы отступить как можно дальше на запад и поднять руки у первых американских аванпостов.

На запад мчались танки, облепленные со всех сторон солдатами. Истошно вопя сиренами, обгоняли друг друга разноцветные легковые машины. Рысцой трусили по обочине пехотинцы, то и дело останавливаясь и выбрасывая из своих тяжелых рюкзаков все, что можно было выбросить: одеяла, котелки, пакеты с провизией.

На дороге валялись плащ-палатки, шинели, чемоданы, патронташи, солдатские тесаки и автоматы. И все чаще попадались Герту винтовки, воткнутые штыком в землю. Они еще колебались, будто от дуновения ветра, когда он проходил мимо.

Однако все это Герт видел как бы боковым зрением. Мысли и чувства его были подчинены одному стремлению: догнать Длинного Фрица, проклятого Каннабиха, изобретателя лютеола! Пока он жив, пока он на свободе, долг Герта перед немецким народом не выполнен. Он должен добраться до Каннабиха, чтобы остановить его преступную руку, занесенную над немецким народом! Должен помешать химику-палачу вступить в сделку с американцами и под их покровительством готовить новые злодеяния!..

Казалось, мало шансов было найти Каннабиха в этой сутолоке. Но Герт продолжал упрямо идти вперед, будто связанный с ним невидимой нитью.

И все время, заглушая хриплые выкрики гитлеровцев и растерянные панические гудки машин, стучало в мозг:

— Ам-штет-тен!.. Ам-штет-тен!..

Не то Готлиб, не то профессор что-то говорили об этом городе. Герт хорошо помнил об этом.

У въезда в Амштеттен он увидел перевернутую двуколку. Она лежала на обочине шоссе. Наверное, на повороте ее задела машина. Большое желтое колесо вращалось в воздухе на фоне очень яркого синего неба. Не было уже ни лошади, ни возницы, — одно колесо бесцельно вращалось, постепенно замедляя свои обороты.

Сутуловатой фигуры в разорванном макинтоше на шоссе не было видно. Если изобретателя лютеола не взяли на какую-нибудь попутную машину (все автомобили были переполнены доотказа), ему, конечно, пришлось идти дальше пешком.

Герт прибавил шаг.

Узкие крутые улицы Амштеттена и площадь с традиционной статуей богородицы у фонтана были забиты людьми. Герт увидел двух немецких генералов, жавшихся рядышком в подворотне. Козырьки фуражек со стоячим верхом были надвинуты на глаза, плечи вздрагивали, точно от холода, хотя майский день был очень жарким.

Будто какой-то инстинкт вел Герта. Не останавливаясь, он прошел маленький город из конца в конец. Он шагал все дальше и дальше.

Солнце было уже довольно высоко над горизонтом, когда Герта обогнала колонна машин.

По привычке сохраняя интервалы, пронеслась мимо моторизованная пехота. Солдаты в черном сидели на кожаных сиденьях, неподвижно, будто ока-

мнев, устремив невидящий взгляд вперед. На рукавах у них белели череп и скрещенные кости.

Дивизия СС «Мертвая голова»!..

Не думая о том, что его может опознать кто-нибудь из бырших тюремщиков, Герт побежал по обочине шоссе. Он не смотрел под ноги, спотыкался, расталкивал локтями спешивших на запад беглецов.

Длинный Фриц! Был ли среди эсесовцев Длинный Фриц?..

И он увидел его.

Изобретатель лютеола, в синем разорванном макинтоше, с торчащей на макушке седой прядью, находился на одной из задних машин. Места на скамьях не было, и он сидел, скорчившись, у ног эсесовцев, рядом с овчарками.

Чорт побери! Его все-таки подобрали где-то по дороге. Герт разминулся с ним!..

Черные мундиры, как призраки, промчались мимо Герта. Он взбежал на вершину холма вслед за ними и остановился.

На мгновение он забыл об эсесовцах, о формуле страха, о Длинном Фрице, потрясенный открывшимся перед ним зрелищем.

Внизу серебрилась река. Это был Энс. С двух сторон стремительно двигались к реке войска.

Американцы шли с запада. Чистенькие, аккуратно отутюженные комбинезоны были на них. Они напоминали спортсменов, совершающих свою воскресную загородную прогулку. Орудия на их танках даже не были расчехлены.

А с востока приближались русские, в надвинутых на лоб касках, в выцветших, выгоревших от солнца и пота гимнастерках, в белых от пыли сапогах, — неутомимые труженики войны. Видно было, что сюда,

к Энсу, к этому последнему водному рубежу, прорывались они издалека и путь их измерялся не только километрами, но и боями.

Между сближавшимися русскими и американцами колыхалось голубовато-серое месиво. Оно быстро катилось на запад, — гитлеровцы удирали от русских к американцам!

И вдруг Герт увидел, как узкие черные полосы прорезали это месиво. Похоже было на то, что отступают тени ночи. Солнце гнало их, гнало на запад с востока, откуда двигалась Советская Армия.

Черные полосы переплеснули через Энс и начали растворяться среди светлозеленой американской армии, — та как бы всасывала, вбирала их в себя.

Герт понял. Это были промчавшиеся мимо него колонны эсесовцев!

Стремглав он кинулся с холма вдогонку за ними.

У моста через Энс образовалась «пробка». Напрасно гудели машины, вопили и ругались люди. Потом точно рябь прошла по толпе. Кто-то пронзительно крикнул:

— Русише панцер!

Все увидели, что по параллельному шоссе, не останавливаясь, мчатся самоходки с красной звездой на броне.

Вырвавшиеся вперед авангардные части Советской Армии брали гитлеровцев в клещи, отсекали от приближавшегося Паттона.

Самоходки мчались не останавливаясь. Немецкие солдаты, обвешанные котелками и сумками, пугливо сторонились, давая русским машинам дорогу.

Гитлеровцы были спешены. Они не сидели уже, гордо выпрямившись в транспортном автомобиле,

держа между ногами автоматы, — они брели в пыли! Груды брошенных автоматов валялись на шоссе.

Гусеницы советских самоходок подминали их под себя и, раздавив, расшвыривали в разные стороны, как комья грязи. А на обочинах шоссе громоздились пустые конистры, яркожелтые ящики из-под мин, перевернутые и вздыбленные транспортеры и грузовики.

Несколько параллельных шоссе сходились в том месте почти вплотную. Виден стал русский офицер, совсем молодой на вид, лет двадцати трех или двадцати четырех, стоявший во весь рост в раскрытом люке головной самоходки. Грохот и лязг заглушали его слова, однако жестикуляция была понятной. Сильными взмахами руки он будто отсекал, отбрасывал что-то от себя.

— Назад! Назад! — приказывал немцам советский артиллерист. — Вы пленные с этой минуты! Поворачивайте назад!..

Стоявший рядом с ним другой русский офицер, помоложе, широко улыбался и размахивал над головой пилоткой.

Кое-кто из солдат продолжал брести по инерции. Другие стали сбрасывать наземь рюкзаки, садились рядом,тирали пот со лба.

Кончилось! Как бы там ни было, кончилось то, что началось в 1939 году!..

Но на мосту через Энс еще теснились эсесовские машины, застрявшие в толпе. Там вспыхнула драка. Над головами сверкнули солдатские тесаки.

Потом с парапета моста какой-то человек бросился в воду. Это был не военный, а штатский. Он плыл

к американскому берегу, быстро, по-собачьи перебирая руками. Разорванный макинтош вздулся пузырем за его спиной.

Стоя в люке самоходки, гвардии капитан Васильев с удивлением смотрел на пловца. Вдруг кто-то дернул его снизу за гимнастерку. Он опустил глаза. Подле самоходки стоял человек в старом порыжелом пальто с бархатным воротником. Костистое угловатое лицо его заросло многодневной щетиной.

— Стреляйте!—умоляюще сказал он по-русски.— Уйдет! Стреляйте!..

Правая рука его была поднята. В ней не было ничего, но указательный палец быстро сгибался и разгибался, будто безостановочно нажимая курок пистолета.

— Это Длинный Фриц! Это профессор Каннабих! — сказал он задыхаясь.

— Советские воины не стреляют в гражданских, — объяснил за Васильева стоявший рядом с ним гвардии лейтенант.

— Да, это так, — сказал Васильев, с любопытством присматриваясь к стоявшему подле самоходки странному человеку. — А потом разве не знаете, что война уже кончилась?..

Энс неширок в этом месте. Как ни плохо плавал беглец, но все же добрался до цели. Сбежавшие к самой воде американские солдаты помогли ему выбраться на берег. Он вылез, отряхнулся, как собака, что-то сказал. Его подхватили под руки и поспешно поволокли к стоявшему на пригорке офицеру.

С обеих сторон моста уже расставляли часовых: русских и американских. Река Энс, южный приток Дуная, стала на этом участке демаркационной лини

ей и разделила две армии, двигавшиеся друг к другу навстречу с востока и запада.

— Кончилась? Вы сказали: кончилась? — спросил человек недоверчиво.

Слишком просторное пальто сползло с его плеч и упало на дорогу. Оказалось, что под пальто была серая тюремная куртка.

Чувствуя, что его шатает от слабости, Герт уцепился за борт советской самоходки, и прикосновение к теплему, нагретому солнечными лучами металлу словно бы придало ему сил. Костистым кулаком он погрозил в ту сторону, где исчез его враг.

Перегнувшись через борт, гвардии капитан Васильев слышал, как Герт пробормотал сквозь стиснутые зубы:

— Но мы еще встретимся с тобой, Длинный Фриц!..

СОДЕРЖАНИЕ

Каменный холм	3
Опасный груз	34
Мгновение	72
Поправка к лодии	106
Вилла на Энсе ,	128

Обложка Н. Гришина

Редактор *Н. Старжинский*
Худож. редактор *Н. Печникова*
Техн. редактор *Г. Зубкова*

*

A10824 Подп. к печ. 31/XII 1951 г.
Бумага $70 \times 108\frac{1}{32} = 3$ бум. л. =
8,22 печ. л. 7,5 уч.-изд. л.
Тираж 15 000 Цена 4 р. Заказ 2249

*

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, Сушевская, 21.

Цена 4 руб.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

THE
SCHOOL
OF
THE
FUTURE

卷之四